

Бурцев
Всех описание
т. 1 с. 283
Библиогр. редкость

Бер.-Шмид.
9-е 281
Очень редкая.

Битовт с 1872
№ -125
Цифра

ГЕНРІЯДА
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА
ВЪ ДЕСЯТИ ПѢСНЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. Волтера.

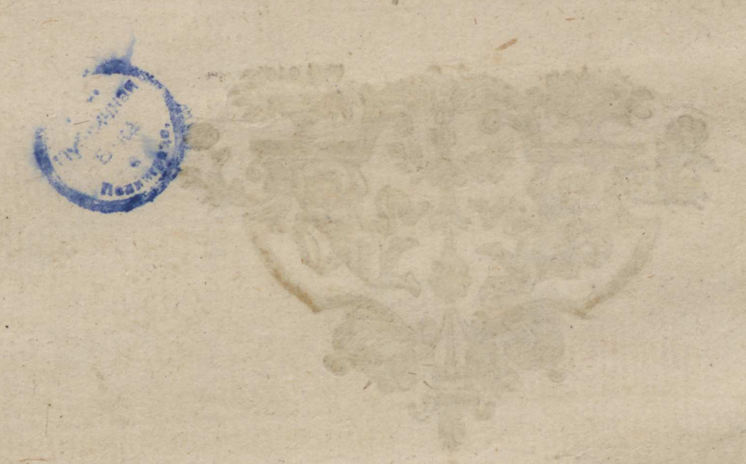
Преложенная Россійскими бѣлыми стихами

КАПИТАНОМЪ ЯКОВОМЪ КНЯЖНИНЫМЪ.

Цѣна 80 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1777 года.

СОКРАЩЕННОЕ ИЗВѢСТІЕ
о произшествіяхъ, на коихъ основана поема Ганріада.

Пламень гражданскихъ междуусобій, коего первыя искры возгорѣлися при Францискѣ второмъ, воспалилъ всю Францію во время малолѣтства Карла девятаго. Законъ былъ причиною сихъ распрей между народомъ, а видомъ между вельможами. Королева Екатерина де Медицисъ, многократно благоденствіе государства подвергала опасности, для соблюденія своея власти, вооружая Католиковъ противъ Протестантовъ, и Гизовъ противу Бурбоновъ, дабы единыхъ истребить другими.

Франція тогда къ нещастію своему въ нѣдрахъ своихъ имѣла весьма сильныхъ вельможъ, и слѣдовательно удобныхъ къ возмущенію; народъ былъ суевѣренъ и ожесточенъ сею яростію, которую внушаетъ ложное усердіе; короли въ сущей юности, коихъ именемъ опустошали государство. Сраженіи при Дре, Сентъ-Денисѣ, Жарнакѣ, Монконтурѣ ознаменовали нещастное правленіе Карла девятаго. Наивеличайшіе города то теряли, то паки обратно брали, и въ конецъ разо-

ряли

ряли противныя стороны. Военноплѣнныхъ умерщвляли неслыханными до того, и тогда нарочно вымышленными казнями. Храмы Католиковъ были обращаемы въ пепелъ Протестантами, а Протестантскіе Католиками; отравленіе ядомъ и убійства почиталися хитрымъ отмщеніемъ враговъ.

Толикія злодѣянія до высочайшаго дошли степени въ день св. Варѳоломея. Генрихъ Великій, бывшій тогда королемъ Наварскимъ еще въ самой цвѣтущей юности, начальникъ Протестантской стороны, въ нѣдрахъ которыя онъ родился, былъ ко двору призванъ съ сильнѣйшими вельможами той стороны, гдѣ онъ вступилъ въ бракъ съ Принцессою Маргаритою, сестрою Карла девятаго. Во время сихъ брачныхъ торжествъ посреди глубочайшей тишины и послѣ священнѣйшихъ клятвъ, Екатерина де Медицисъ повелѣла совершить тѣ убійства, кои сколь ни ужасны и ни посрамительны для имени Французовъ, однако должны быть преданы вѣчной памяти, дабы человѣки, всегда готовые вступать въ пагубныя разпри закона, видѣли то, къ чему ихъ духъ раздоровъ наконецъ привести возможетъ.

И такъ при такомъ дворѣ, который славился вѣжливостію, жена знаменитая пріятствами разума, и юный двадцати трехъ лѣтъ Государь, безо всякаго содроганія повелѣли умертвить болѣе одного милліона своихъ подданныхъ. Тотъ самый народъ, который нынѣ со трепетомъ о семъ злодѣяніи воспоминаетъ, исполнялъ тогда оное съ восторгомъ и ревностію. Больше ста тысящъ были побиты своими согражданами; и если бы нѣкоторыя добродѣтельныя особы, какъ то президентъ Жеанненъ, Маркизъ де С. Герамъ и проч:

не приняли благоразумныхъ предосторожностей, то единая половина Французовъ изстребила бы другую.

Карлъ девятый не долго жилъ послѣ дня св: Варѳоломея. Братъ его Генрихъ третїй оставилъ Польскїй престолъ, дабы возвратяся во Францїю паки низвергнуть ее въ новыя злоключенїя, отъ которыхъ напослѣдокъ она избавлена Генрихомъ четвертымъ, столь праведно именемъ великаго почтеннымъ отъ потомства, которое едино только можетъ даровать сїе титло.

Прибывъ во Францїю Генрихъ третїй, нашелъ тамъ двѣ владычествующїя стороны. Единая была Реформатская, возрастающая изъ пепла своего сильняе прежней, и имущая своимъ начальникомъ сего самаго великаго Генриха бывшаго тогда королемъ Наварскимъ. Другая была сторона заговора; кромола сильная воздвигнутая мало по малу Герцогами Гизами, ободряемая Римскими Папами, подкрѣпляемая Испанїею, возрастающая ежедневно коварствомъ монаховъ и по внѣшности освященная ревностїю закона Католическаго, но въ самомъ дѣлѣ стремящаяся единственно только къ возмущенїю. Начальникъ ея былъ Герцогъ Гизъ по прозванїю Балафре, князь приобрѣтшїй блистательную славу, и который имѣя больше великихъ, нежели добрыхъ качествъ, казался быть рожденнымъ для премѣны образа правленїя въ сїи смутныя времена.

Генрихъ третїй вмѣсто того, чтобъ наклонить обѣ сїи стороны подъ иго королевской власти, подкрѣплялъ ихъ своею слабостїю. Обьявя себя начальникомъ заговора, думалъ онъ тѣмъ оказать великую по-

литику, но чрезъ то содѣлался только его рабомъ. Онъ былъ принужденъ за пользы герцога Гиза, желавшаго его свергнуть съ престола, воевать противу Наварскаго короля имѣвшаго супругою его сестру и долженствовавшаго по немъ быть наслѣдникомъ, который ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ только, о утвержденіи королевской власти, бывъ тѣмъ паче къ сему поощряемъ, что вступаяся за Генриха третьяго, которому долженъ онъ былъ наслѣдовать, самъ о себѣ старался.

Войско посланное Генрихомъ третьимъ противъ Наварскаго короля, было побито при Кутрасѣ; гдѣ убитъ и Жойезъ его любимецъ. Король Наварскій инаго плода отъ сей побѣды не желалъ, какъ только примириться съ королемъ Француским, и не взирая на то, что былъ побѣдителемъ, самъ просилъ мира; но побѣжденный король не смѣлъ онаго принять; столько то страшился онъ герцога Гиза и заговора. Въ самое сіе время Гизъ разсыпалъ Нѣмецкую армію. Такія его успѣхи еще и болѣ унизили короля Французскаго, который почиталъ себя побѣжденнымъ въ одно время и бунтовщиками и реформатами.

Герцогъ Гизъ, надмѣнный своею славою и утвержденный слабостію своего Государя, не взирая на его повелѣніи прибылъ въ Парижъ. Въ то время приключилося славное произшествіе Баррикадовъ, въ которое народъ изгналъ стражу королевскую, и въ которое сей Монархъ былъ принужденъ убѣжать изъ своей столицы. Гизъ еще больше здѣлалъ, онъ принудилъ короля созвать государственные чины во Блоа; и все такъ размѣрилъ, что уже былъ въ состояніи раздѣлять власть коро-

королевскую, по согласїю на то всѣхъ представляющихъ лице народа, подъ завѣсою наипочтеннѣйшихъ обрядовъ. Генрихъ третїй возбужденъ сею опасностїю, велѣлъ умертвить въ замкѣ Блоа какъ сего страшнаго сопостата, такъ и брата его кардинала, превосходящаго насилїемъ и гордостїю и самаго герцога Гиза.

Что приключилося Протестантамъ въ день св: Варѳоломея, то сбылося послѣ съ заговоромъ. Смерть начальниковъ возбудила бунтовщиковъ, и они съ себя сняли личину. Парижъ затворилъ свои врата; и всѣ стали помышлять о единомъ только отмщенїи. Генрихъ третїй не былъ почтенъ государемъ наказавшимъ своихъ преступившихъ подданныхъ, но убїйцею защитниковъ вѣры. Притѣсненному отъ всѣхъ сторонъ Генриху третьему надлежало наконецъ примириться съ королемъ Наварскимъ. Сїи оба государи расположили станъ войскъ своихъ противъ Парижа; и отъ сего то времени начинается Генрїада.

Герцогъ Гизъ оставилъ по себѣ брата; сей былъ Герцогъ де Майеннъ, человѣкъ неустрашимый, но болѣе того еще неутолимый; который незапно увидѣлъ себя главою крамолы, знающей свои силы и поощряемой отмщенїемъ и суевѣрїемъ.

Почти вся Европа вмѣшалася въ сїю войну. Славная Елисавета, королева Аглинская, наполненная почтенїемъ къ королю Наварскому и имѣвшая всегда великое желанїе видѣть его, неоднократно вспомоществовала ему людьми, деньгами и кораблями; Дюплесси Морней былъ всегда отправляемъ для испрошенїя ея помощи. Съ другой стороны отрасль Австрїйскаго дома вла-

 дѣвщая

дѣвшая во Испанїи, споспѣшествовала заговору, въ надеждѣ приобрѣтенїя себѣ добычи отъ государства терзаемаго гражданскою войною. Папы сражалися съ королемъ Наварскимъ не только едиными проклятїями, но и хитростями политики и не большею помощїю людей и денегъ, по елику оныхъ римскїй дворъ удѣлить можетъ.

Между тѣмъ когда Генрихъ третїй уже находился въ состоянїи овладѣть Парижемъ, былъ онъ умерщвленъ въ с. Клу монахомъ Доминиканскаго ордена, который совершилъ сїе отцеубїйство въ тѣхъ мысляхъ, что исполнивъ волю Божїю достигнетъ мученическаго вѣнца; и сїе убїйство было злодѣянїе не единаго сего монаха, но злодѣянїе всей стороны заговора. Мнѣнїе общественное какъ и всѣхъ бунтовщиковъ, состояло въ томъ, что должно убить короля, если онъ противенъ римскому двору. Проповѣдники о семъ возглашали въ ихъ гнусныхъ проповѣдяхъ; оное было печатано во всѣхъ достойныхъ жалости книгахъ, которыми наполнена была вся Францїя; и которыя нынѣ въ немногихъ книгохранительницахъ отъисканы быть могутъ, какъ достойныя любопытства монументы вѣка въ разсужденїи наукъ и нравовъ равно варварскаго.

По смерти Генриха третьяго, король Наварскїй (Генрихъ великїй) признанный отъ войска королемъ Француским, былъ принужденъ преодолѣвать силы заговора, Рима, Испанїи и покорять собственное свое королевство. Осаждая Парижъ неоднократно приступалъ онъ къ оному. Въ числѣ великихъ людей, оказавшихъ ему въ сей войнѣ услуги, почитаются маршалы д'Омонтъ и Биронъ, герцогъ де Бульонъ, и

проч.

проч. Дюплесси Морней былъ въ великой у него довѣренности до самой перемѣны закона сего Государя; онъ служилъ ему своею особою въ войскѣ, перомъ противъ Папскихъ проклятїй, а великимъ искуствомъ въ дѣлахъ, для доставленїя ему помощи у всѣхъ Протестантскихъ государей.

Главнѣйшїй начальникъ заговора былъ Герцогъ де Майеннъ: приобрѣтшїй же послѣ него больше всѣхъ себѣ славы, былъ шевалье д'Омалъ, юный князь, извѣстный тѣмъ высокомѣрїемъ и блистательною храбростїю, чемъ особливо домъ Гизовъ отличался. Они много разъ получали вспоможенїе отъ Испанїи, но въ поемѣ упоминается только славный графъ д'Егмонтъ, сынъ адмирала Егмонта, приведшїй тысячу триста, или тысячу четыреста копїеносцовъ на помощь Герцогу Майенну. Частыя произходили сраженїи, но знаменитѣйшее, рѣшительное и для Генриха четвертаго славнѣйшее изъ оныхъ было при Иври, гдѣ герцогъ де Майеннъ побѣжденъ, а графъ д'Егмонтъ убитъ.

Во время сей войны король влюбился въ прекрасную Габрїеллу д'Етре; но его мужество отъ того ни мало не ослабѣло, чему свидѣтелемъ есть письмо, еще въ библїотекѣ королевской до нынѣ хранимое, въ которомъ онъ къ своей любовницѣ пишетъ: „Если я побѣжденъ „буду, вы меня довольно зная конечно не помыслите „тово, чтобъ я спасся бѣгствомъ; но моя послѣдняя „мысль будетъ обращена къ Богу, а предпослѣдняя „къ вамъ.

Наконецъ, здѣсь выпущены многїя знатныя дѣйствїя, которыя не бывъ помѣщены въ поемѣ, не должны и здѣсь имѣть мѣста. Ничево не упоминается

о отправленіи дѣлъ герцога Пармскаго во Франціи, которое служило только къ замедленію паденія заговора, ни о семъ кардиналѣ де Бурбонъ, который нѣсколько времени представлялъ тѣнь короля подъ именемъ Карла десятаго. Сего довольно сказать, что послѣ толикихъ злоключеній, Генрихъ четвертый здѣлался Католикомъ, и Парижскіе жители, ненавидящіе его законъ и обожающіе его особу, признали его своимъ государемъ.

ПѢСНИ ПЕРВОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Генрихъ третій соединяся съ Генрихомъ Бурбономъ Королемъ Наварскимъ противу заговора, и начавъ осаду Парижа, посылаетъ ево тайно просить помощи у Елисаветы королевы Аглинской. Герой на морѣ претерпѣваетъ бурю: отдохновеніе ево на острову, гдѣ пустынникъ Католическаго закона предсказываетъ ему ево обращеніе къ закону Католическому и его возшествіе на престолъ Французской. Описаніе Англіи и ея правленія.

Пою владѣвшаго во Франціи героя,
Который на престолъ имѣлъ рожденьемъ право
И право приобрѣлъ на тронъ себѣ оружьемъ;
Который чрезъ бѣды владѣти научился;
Гонимый побѣдилъ и побѣдя простилъ;
Смирилъ Иверію, Маенна, заговоръ;
Былъ подданныхъ своихъ отецъ и побѣдитель.
Святая истинна! тебя я призываю;
Вмѣсти въ моихъ стихахъ твой свѣтъ, твою и силу:
Да приобыкнетъ слухъ царей тебѣ внимать.
Твой долгъ о томъ вѣщать что должно онымъ вѣдать:
Твой долгъ изображать народовъ предъ очами,

Порочны слѣдствія развратовъ ихъ ужасныхъ.
Вѣщай то, какъ раздоръ смутилъ всѣ области;
Открой нещастія ты буйнаго народа,
Открой правителей проступки и вельможъ;
Гласи; и ежели сіе не ложно было,
Что нѣкогда съ твоимъ повсюду твердымъ гласомъ
Баснь сладкій голосъ свой могла соединять,
И нѣжной украшать твое чело рукою,
И блескъ твой возвышать своей пріятной тѣнью,
Со мной во слѣдъ тебѣ позволь нынь ей итти,
Чтобъ красоты твои возвысить а не скрыть.
Еще державствовалъ на тронѣ Валоа; 1.
Но во трепещущихъ отъ роскоши рукахъ,
Не моглъ держать бразды смущенна государства
Законовъ сила власть была вездѣ попранна:
Иль лутче то сказать, не царствовалъ онъ болѣ.
Ужъ больше не былъ онъ царь славой озаренный,
Изъ дѣтства прать враговъ наставленный побѣдой, 2.
И на котораго преславные успѣхи
Взирала съ трепетомъ смятенная Европа;
Который наконецъ гражданами жалѣемъ,
Свое печальное отечество оставилъ,
Когда отъ сѣвера, героя почитая,
Народы принесли къ ногамъ его корону.
Не рѣдко на второмъ кто степени блистаетъ

На

---

1. *Еще державствовалъ на тронѣ Валоа.* Генрихъ третій, единъ изъ главныхъ лицъ сей поемы: онъ называется здѣсь всегда Валоа, которое имя есть того королевскаго племени, отъ коего онъ произошелъ.

2. *Изъ дѣтства прать враговъ наставленный побѣдой.* Генрихъ третій (Валоа) будучи еще герцогомъ д'Анжу, предводительствовалъ войсками Карла девятаго, брата своего, противу Протестантовъ. Ему тогда было только осмнатцать лѣтъ, когда онъ одержалъ побѣды при Жарнакѣ и Монконтурѣ.

На первомъ, не снеся тотъ бремени, мрачится.
Онъ слабымъ сталъ царемъ изъ воина прехрабра.
На тронѣ усыпленъ, обьятый вредной нѣгой,
Короны тяготы не могъ онъ удержать.
Жойезъ и Сентъ Мегренъ и Келю съ д'Есперномомъ, 3.
Порочны юноши и вредны сластолюбцы,
Подъ именемъ его всѣмъ царствомъ подвизали;
Прехитрые льстецы, ослабшаго царя
Въ веселья пагубны всечасно погружали.

Но Гизовъ между тѣмъ быстротекуще щастье
На униженiи его всякъ часъ взрастало;
Въ Парижѣ заговоръ они состановляли,
Врага прегордаго монаршей слабой власти.
Народъ, слѣпой народъ, сей гнусный рабъ вельможей,
Монарха притѣснялъ служа своимъ тираннамъ.
Льстецы сего царя оставили въ минуту;
Народъ его изгналъ изъ Лувра устрашенна;
Въ Парижъ взволнованный прибѣгли иностранцы;
Все гибло наконецъ, но вдругъ Бурбонъ явился. 4.
Геройска жара полнъ, Бурбонъ великодушный,
Ослѣпшему царю свѣтъ паки возвратилъ,
Въ немъ силы укрѣпилъ, подвиглъ его стопы
Ко славѣ отъ стыда, ко бранямъ отъ веселья.
Приближились цари Парижа ко стѣнамъ;
Смутился онымъ Римъ, Испанцы задрожали;

 На

3. *Жойезъ и Сентъ Мегренъ и Келю съ д'Еперномомъ.* Сiи были любимцы Гейнриха третьяго, съ коими онъ предавался неистовому сластолюбiю смѣшенному съ суевѣрiемъ. Келю былъ убитъ въ поединкѣ, а Сентъ Мегренъ умерщвленъ близъ Лувра. О Жоезѣ будетъ сказано въ примѣчанiяхъ на третью пѣснь.

4. *Все гибло наконецъ, но вдругъ Бурбонъ явился.* Генрихъ четвертой, Герой сея поемы, гдѣ онъ называется и Генрихомъ и Бурбономъ. Родился въ По, въ Беарнѣ 13 Декабря 1553 года.

На стѣны гордыя сїи бѣдами полны,
Отверзла алчный взоръ Европа любопытна.

Въ Парижѣ обиталъ раздоръ безчеловѣчный,
Онъ къ бранямъ подвигалъ Маенна, заговоръ,
Повсюда сѣялъ страхъ и башенъ съ высоты,
Испанїю и Римъ на помощь призывалъ.
Сїе чудовище ужасно, кровожадно,
Есть собственныхъ рабовъ злодѣй неукротимый;
Его желаньи суть нещастье человѣковъ;
Кровь ближнихъ онъ своихъ не рѣдко проливаетъ;
Въ раздранныхъ имъ сердцахъ владѣетъ онъ тиранномъ;
Казнитъ злодѣйства тѣ, которы самъ внушаетъ.

На западной странѣ, близъ тѣхъ бреговъ цвѣтущихъ,
Отъ города бѣжа, струится гдѣ Секвана,
Мѣста прекрасны днесь, убѣжище приятно,
Гдѣ музы царствуютъ, ликуетъ гдѣ природа,
Тогда позорище кровопролитныхъ боевъ,
Нещастный Валоа сбиралъ отвсюду рати.
Тамъ съ нимъ героевъ тма, отечества защита,
Закономъ разные, но мщеньемъ сопряженны.
Во власть Бурбонову судба вручила ихъ;
Сердцами овладѣвъ онъ ихъ соединилъ.
Подумать можно бы, подвижниковъ увидя,
Подъ властїю ево во всемъ вездѣ послушныхъ,
Что церковь ихъ одна и былъ одинъ начальникъ.

Бурбоновъ племени священный корень, Лудвигъ, 5.
Изъ обиталища пресвѣтлаго безсмертныхъ
Возведши на него отеческїе очи,
Сїянье своего въ немъ рода предвѣщалъ;
Въ немъ мужество любя жалѣлъ о заблужденьи;

Ему

5. *Бурбоновъ племени священный корень, Лудвигъ.* Святой Людвигъ девятый по названїю король Французской, отъ коего произошелъ домъ Бурбоновъ.

Ему корону онѣ свою уготовлялѣ;
Еще содѣлати и болѣ онѣ хотѣлѣ;
Хотѣлѣ ево на путь онѣ истинны поставить.
Но Генрихѣ ближился кѣ величью своему,
Ему и самому невѣдомымѣ путемѣ.
Сѣ превыспреннихѣ ему самѣ Лудвигѣ помогалѣ;
Но руку онѣ скрывалѣ простертую надѣ нимѣ,
Страшась, чтобѣ сей герой увѣренный вѣ побѣдѣ
Лишенѣ опасностей и славыбѣ не лишился.

Ужѣ обѣ стороны у осажденныхѣ стѣнѣ
Являли мужество вѣ сраженьяхѣ многократно;
Убійства демонѣ злой, вѣ поляхѣ опустошенныхѣ,
Далеко распростерѣ свою ужасну ярость.
Кѣ Бурбону Валоа тогда сіе вѣщалѣ,
И часты рѣчь ево вздыханьи пресѣкали:
Ты видишь сколько рокѣ теперь меня унизилѣ;
И оскорбленія содѣланнаго мнѣ
Равно и на тебя все бремя упадаетѣ.
Враждебный заговорѣ, подъявѣ главу кичливу,
Противу своего властителя стремится;
Онѣ вѣ ярости своей не различаетѣ насѣ;
Онѣ гонитѣ Валоа, и Генриха онѣ гонитѣ.
Парижѣ не знаетѣ насѣ, Парижѣ насѣ отвергаетѣ;
Я царь ево, а ты по мнѣ имѣ долженѣ быть;
Законы и твой родѣ, а паче добродѣтель,
Вѣ наслѣдіе тебѣ готовятѣ мой престолѣ
На немѣ колеблюсь я; тебя изменники
Отѣ права царствовать отторгнути желаютѣ,
Страшась предбудущей великости твоей:
Закона страшнаго, вѣ своемѣ жестокомѣ гнѣвѣ, 6.

 Про-

---

6. *Закона страшнаго вѣ своемѣ жестокомѣ гнѣвѣ.* Генрихѣ четвертый король Наварской былѣ торжественно изключенѣ Папою Сикстомѣ пятымѣ вѣ 1585 году, за три года предѣ

Проклятія стрѣла уже на тя пущенна;
И Римъ безъ воиновъ воюя по вселенной,
Рукамъ Испаніи свой громъ препоручилъ.
Граждане мнѣ, друзья и ближни измѣнили!
Всѣ отъ меня бѣгутъ, или оружье емлютъ,
Чтобы низвергнути оставленна меня.
Моимъ урономъ ставъ богатѣе Испанецъ
Опустошать поля со алчностью стремится.

Противу сихъ враговъ снѣдающихъ меня
Иноплеменниковъ во Францію введемъ.
Ты тайно Агличанъ склони царицу въ помощь.
Я знаю, ненависть безсмертная межъ нами,
Въ соединеньй быть намъ рѣдко дозволяетъ;
И Лондонъ завсегда завидуетъ Парижу;
Но послѣ тѣхъ обидъ, которыя терплю,
Нѣтъ больше для меня отечества и гражданъ.
Я ненавижу сей народъ неблагодарный;
Хочу ево, хочу нещадно наказать!
И все мнѣ то равно Французъ иль Агличанинъ,
Кто за меня отмститъ мой будетъ гражданинъ.
Свершеніе сего толь важнаго мнѣ дѣла,
Я ввѣрить не хочу медлѣнію пословъ;

Тебя

симъ произшествіемъ, о которомъ здѣсь упоминается. Папа въ буллѣ своей имянуетъ ево: порожденіе нечестивое и ненавистное произшедшее отъ дома Бурбоновъ; лишаетъ на вѣки ево и весь родъ Кондевъ всѣхъ владѣній; и наипаче обьявляетъ ево неспособнымъ къ принятію короны.

Хотя тогда король Наварской и Принцъ Конде были въ отсутствіи, предводительствуя войсками Протестантовъ, но парламентъ стараяся соблюсти честь и вольность государства, издалъ противъ сей Буллы наиуразителнѣйшія возраженія; и Генрихъ четвертый велѣлъ въ Римѣ у воротъ Ватиканскихъ прибить листки съ надписаніемъ, чтоСикстъ пятый, имянующійся Папою, солгалъ; и что онъ самъ еретикъ, и проч:

Тебя о семъ молю; лишь твой глаголъ удобенъ,
Нещастїемъ моимъ ко мнѣ склонить царей.
Гряди во Албїонъ; пускай твоя тамъ слава,
Вступяся за меня мнѣ воинство испроситъ.
Твоей рукой хочу злодѣевъ низложить,
А добродѣтель мнѣ твоя подастъ друзей.
Герой ревнующїй о громкой своей славѣ,
Бояся раздѣлить съ другимъ побѣды славу,
Внимая симъ словамъ скорбѣлъ и возмущался.
Болѣзновалъ о тѣхъ онъ временахъ дражайшихъ,
Когда бывъ твердъ однимъ лишь мужествомъ своимъ
И самъ собой великъ, со Кондїемъ одинъ 7.
Онъ въ трепетъ приводилъ смятенный заговоръ.
Но воли долженъ былъ Царя повиноваться.
Изъ рукъ своихъ онъ громъ на время отложилъ:
И лавры собранны на сихъ брегахъ оставя
Онъ свой великїй духъ принудилъ удалиться.
Смущенны воины, ево не зная мыслей,
Отъ возвращенїя единаго ево
Судбины своея съ надеждой ожидаютъ.
Онъ ѣдетъ; между тѣмъ Парижъ, порочный градъ
Отсуттственна ево присудственнымъ щитаетъ
И мыслитъ зрѣть всякъ часъ готова къ нападенью;

---

7. *Со Кондїемъ одинъ, онъ въ трепетъ приводилъ смятенный заговоръ.* Генрихъ принцъ Конде, сынъ Лудовика убитаго на сраженїи при Жарнакѣ. Генрихъ Конде былъ надежда стороны Протестантской. Онъ умеръ въ с. Жанъ д'Анжели, тритцати пяти лѣтъ, 1585 года. Супругу ево Шарлоту де ла Тримуллъ винили, что будто она была причиною смерти ево. Она очреватѣла за три мѣсяца до смерти своево супруга; и послѣ спустя шесть мѣсяцовъ родила Генриха де Конде по прозванїю втораго; о которомъ преданїе народное и пустословное, гласитъ, будто онъ родился тринатцать мѣсяцовъ спустя послѣ кончины своего родителя.

И имя славное ево, подпора трона,
Сражаясь за нево, вездѣ вселяетъ ужасъ.
Уже Невстрійскіе онъ долы протекаетъ;
Изъ всѣхъ друзей ево Морней препроводилъ;
Морней не лстецъ его хотя его любимецъ. 8.
Сей добродѣтелный защитникъ заблужденья,
Усердіе свое и разумъ показуя,
Какъ церкви своей такъ и Франціи служилъ.
Любимый при дворѣ хулитель царедворцевъ;
И рима гордый врагъ, но римомъ почитаемъ.
Межъ каменныхъ двухъ горъ, ревущее гдѣ море,
Кипящіе валы яряся разшибаетъ,
Діеппъ пристанище открылъ очамъ героя.
Усердные пловцы восходятъ на суда;

Суда,

---

8. *Морней не лстецъ ево, хотя ево любимецъ.* Дю Плеси Морней, наидобродѣтельнѣйшій и величайшій мужъ со стороны Протестантовъ, родился въ Бюи 5 Ноября 1549 года. Онъ зналъ совершенно Греческой, Латинской и Еврейской языки, что тогда было чудо въ дворянинѣ. Онъ служилъ своему закону и Государю перомъ и шпагою. Генрихъ четвертой, еще въ то время когда былъ королемъ Наварскимъ, отправилъ его посломъ къ Елисаветѣ, королевѣ Аглинской. Ему никогда король иныхъ наставленій не давалъ, какъ только бѣлый листъ съ подписаніемъ своего имени. Онъ имѣлъ успѣхъ во всѣхъ своихъ негоціаціяхъ, для тово что былъ истинный политикъ, а не сплетатель нискихъ ковов. Писма ево почитаются писанными съ великою силою и благоразуміемъ.

Когда Генрихъ четвертый перемѣнилъ Законъ, то дю Плеси Морне учинилъ ему строгія выговоры и удалился отъ его двора Ево называли, Папой Гугенотовъ. Все что въ сей поемѣ сказано о ево качествѣ, согласно съ исторіею. Когда король былъ раненъ при Омалѣ, то онъ къ нему писалъ: „Государь, Ваше Величество довольно уже были Александромъ, „время теперь быть Августомъ. Намъ должно умирать за „васъ, и въ томъ наша должность. А Вашему Величеству „должно жить для Франціи, и въ томъ, позволте мнѣ сказать, состоитъ вашъ долгъ.

Суда, прегордые властители морей,
По влажнымъ ровнинамъ летѣть готовы были;
Въ заклепахъ заключенъ Ворей, родитель бурь,
Пучину оставлялъ дыханію Зефира.
Подъемлютъ якори, земля бѣжитъ изъ вида;
Ужь были видимы Британскіе брега.
Тогда свѣтило дня незапно помрачилось;
Весь воздухъ возшумѣлъ и небо загремѣло.
И море почернѣвъ далеко заревѣло;
Угрюмые валы до облакъ воздымались;
Блистаетъ молнія въ подобныхъ ночи тучахъ;
Сверканіе небесъ и пропасти пучины
Являютъ всюду смерть пловцамъ отъ страха блѣднымъ.
Герой нашъ окруженъ свирѣпствомъ страшна моря
О бѣдствѣ отчества лишь только помышляетъ.
Онъ очи обративъ къ нему слезами полны
И вѣтры и судбу во мысляхъ обвиняетъ,
Которые ево дѣла остановляютъ.
Таковъ, и можетъ быть не столь великодушенъ,
Епира при брегахъ, за власть надъ всей вселенной,
Дерзая вдругъ противъ Помпея и Нептуна
И вѣтрамъ и волнамъ бунтующимъ вручая
Судбу и Римляней судбу всего и мира,
Со щастьемъ шествовалъ противу бурей Кесарь. 9.
Въ сей самый часъ Господь, вселенныя зиждитель,
Летящій на крылахъ быстропарящихъ вѣтровъ
И воздымающій валы морей до облакъ;
Господь, котораго непостижима мудрость,
Престолы Царски кой возводитъ, разрушаетъ,

---

9. *Со щастьемъ шествовалъ противу бурей Кесарь.* Іюлій Кесарь близь Бриндовъ, въ королевствѣ Неаполитанскомъ, въ присутствіи Помпея тайно отправился водою къ войскамъ Антонія; подобно Генрихъ здѣсь представляется ѣдущимъ тайно просить помощи у королевы Аглинской.

Съ престола пламенна горяща въ небесахъ,
На Генриха воззрѣлъ животворящимъ окомъ.
Онъ самъ препроводилъ Французскаго героя
И бурямъ повелѣлъ принесть его корабль
Къ ближайшимъ тѣмъ брегамъ, гдѣ кажется Ерсей
Выходитъ изъ подъ волнъ. Туда присталъ герой.
Въ близи отъ сихъ бреговъ, лѣсъ темный и спокойный
Даетъ убѣжище въ своей тѣни прохладной;
Отъ лютости морей, его защита камень,
Смущати тишину не допускаетъ вѣтрамъ;
Пещера тамъ была, строенїе природы,
Почтенный старецъ гдѣ, далеко отъ двора,
Спокойно для себя жилище изобралъ.
Свободенъ отъ суетъ, невѣдомъ человѣкамъ,
Онъ самъ себя познать въ пустынѣ научался;
И тамъ онъ сожалѣлъ о безполезныхъ дняхъ
Прошедшихъ въ тщетности, потерянныхъ въ страстяхъ.
Въ приятной зелени, источниковъ на брегѣ
Ногами попиралъ онъ слабости людскїя.
Спокоенъ, времени того ждалъ вожделѣнна,
Какъ придетъ смерть его со Богомъ сѣединить.
Сей Богъ, котораго всякъ часъ онъ почиталъ,
Подпора твердая былъ въ старости ему;
Премудрость ниспослалъ Господь къ нему въ пустыню;
Щедроты на него свои ниспосылая,
Очамъ его открылъ своихъ судебъ онъ книгу.
Познавъ героя сей божественный пустынникъ,
На чистыхъ берегахъ источника прозрачна,
Съ усердьемъ искреннимъ простую пищу ставитъ;
Ко пиршествамъ такимъ герой давно привыкъ;
Подъ низкой кровлею, не рѣдко, земледѣльца
Обрадованнаго присудствїемъ его,
Отъ шума градскаго далеко убѣгая
И самъ въ себя входя онъ пышность низлагалъ.

Смятенье,

Смятенье, области трясуще Христїянски,
Причиной было ихъ полезна разговора.
Въ законѣ былъ своемъ Морней непоколеблемъ
Защита страшная ученїю Калвина;
Но Генрихъ посреди сомнѣньемъ колебался
И небеса молилъ: да освѣтитъ его,
Невѣденья во тмѣ, лучь правды свѣтозарной.

Всегда, онъ такъ вѣщалъ, святая истинна
У слабыхъ человѣкъ объята заблужденьемъ.
Иль ожидаючи отъ Бога благодати,
Невѣдать должно намъ путей къ нему ведущихъ?
Ахъ! если бы творецъ, благїй властитель смертныхъ,
Мольбы отъ своего творенья восхотѣлъ,
Какой бы человѣкъ дерзая отрицаться,
Чела бы своего предъ нимъ не уклонилъ.

Намъ должно, старецъ рекъ, съ благоговенїемъ
Его намѣреньи за свято почитать.
Когда порочны мы, въ томъ виненъ ли Создатель?
Я зрѣлъ во Францїи ученїе Калвина,
Съ начала слабое ползущее во мракѣ;
Въ послѣдокъ изгнанно я зрѣлъ ево сюда,
Стезями разными влекущееся къ намъ.
По томъ я видѣлъ, что мечта сїя ужасна
Изъ праха гордое чело свое подъявъ,
На тронѣ возлегла и оскорбляя смертныхъ
Презорною ногой попрала олтари.

Въ пещеру я тогда отъ свѣта удалился,
Закона моево оплакавать презрѣнье.
Мои дни ветхи здѣсь надежда услаждаетъ:
Не твердо будетъ что богослуженье ново,
Отъ своенравїя рожденно человѣковъ.
Какъ скоро родилось, такъ скоро и изчезнетъ.
Подобно сами какъ, дѣла такъ смертныхъ бренны.
Господь ихъ замыслы прегорды разрушаетъ.

Единый Царь небесъ лишь только непремѣненъ;
И тщетно наша злость его святаго зданья,
Стремится сокрушить претвердо основанье;
Онъ самъ его своей рукою подкрѣпляетъ:
Не могутъ одолѣть ево ни адъ, ни время.
Но предъ тобой, Бурбонъ, творецъ себя откроетъ;
Ты будешь просвѣщенъ, когда тово ты хочешь.
Ты избранъ Господомъ; его рукой во бранѣхъ,
Ты будешь провожденъ ко трону Валоа.
Его гремящїй гласъ уже велитъ побѣдѣ,
Въ сей часъ твои стези ко славѣ уготовать.
Но если истинна тебя не просвѣтитъ,
Не мысли никогда войти Парижа въ стѣны;
А паче убѣгай ты слабости сердецъ,
Которыхъ иногда убѣгнуть не могли
Герои славные къ величеству рожденны.
Отъ яда прелестей какъ можно удаляйся;
Страшась твоихъ страстей, протився ихъ отравамъ;
И сластолюбїе порочно побѣждай.
Когдажъ ты мужествомъ низложишь заговоръ;
А паче самъ себя когда преодолѣешь;
По долговременной и славной сей осадѣ,
Когда народъ спасенъ твоимъ благодѣяньемъ,
Твоей щедротою зрѣть будетъ солнца свѣтъ,
Въ то время областей твоихъ напасть прервется,
Въ то время Бога ты твоихъ отцевъ познаешь.
Тогда увидишь ты, что праведное сердце
Должно всегда на немъ надежду утверждать;
Что добродѣтель Богъ во вѣки не оставитъ.
Рѣчь старца каждая, какъ пламенна стрѣла,
Во умиленну грудь героя проницала.
Въ блаженны думалъ дни онъ быти преселенъ,
Какъ Богъ со смертными вѣщалъ лице съ лицемъ;
Какъ добродѣтели творили чудеса,

Гадали

Гадали будуще, Царямъ повелѣвали.
Онъ старца съ жалостью почтенна оставляетъ;
Лобзаючи ево онъ слезъ потоки льетъ.
Отъ времени сего провидѣлъ онъ зарю,
Пресвѣтла дни еще далека отъ него.
Морней тѣмъ былъ смущенъ, однако не былъ тронутъ.
Создатель отъ него во мракѣ закрывался.
Вотще онъ именемъ премудраго почтенъ
И съ добродѣтельми онъ только заблуждался.

Въ тотъ часъ какъ старецъ сей отъ Бога вдохновенный
Бурбона наставлялъ духовною бесѣдой.
Внимая гласу ихъ замолкли бурны вѣтры,
Открылся солнца лучь, и волны укротились;
До брега мужъ святой Бурбона проводилъ;
Герой вошедъ въ корабль летитъ ко Албіону.

Узря Британію онъ въ мысляхъ удивился
Премѣнѣ щастливой сего могуща царства,
Гдѣ долговременный презоръ уставовъ мудрыхъ,
Нещастье составлялъ народа и Царей.
На семъ позорищѣ ужасномъ и кровавомъ,
Великихъ множество героевъ гдѣ погибло,
На скольскомъ тронѣ семъ, отколь толпа Царей
Кичлива щастія превратностью ниспала,
Жена къ ногамъ своимъ судбину приковавъ,
Своимъ правленіемъ вселенну удивляла.
Царица оная была Елисавета,
Которой разумомъ вѣсы всея Европы
На ту страну куда восхощетъ уклонялись.
Предъ нею наклонивъ неукротиму выю,
Британецъ дерзостный ея чтилъ иго легкимъ.
Который ни служить, ни воленъ быть не можетъ,

Подъ властію ея народъ забылъ напасти.
Обильныя поля покрылися стадами,
И пашни жатвою, а море кораблями.

Владыки на моряхъ, на суши страшны стали.
Ихъ грозный флотъ, Нептуна покоря,
Вселенной отъ концевъ богатство привлекалъ.
Непросвященный столь и грубый прежде Лондонъ,
Соборище наукъ преславное днесь стало,
Жилище мужества, сокровище вселенной.
Въ стѣнахъ Вестминстерскихъ суть видимы три власти. 10.
Пречуднымъ связаны между собой союзомъ;
Чины народные, вельможи, Государь;
Ихъ пользы ихъ дѣлятъ, законы соединяютъ;
Священны члены суть непобѣдима тѣла
Опаснаго себѣ, ужаснаго сосѣдямъ.
Блаженъ народъ, когда онъ въ должности наставленъ,
Своихъ Монарховъ власть, какъ должно, почитаетъ;
Блаженнѣй тотъ сто кратъ, когда ево Монархъ,
Властитель праведный и кроткій Государь,
Свободу общества какъ должно наблюдаетъ.
Увы! сказалъ Бурбонъ, когда Французы будутъ
Подъ властью щастливой цвѣтущи зрѣть законы!
Какой примѣръ для васъ властители земные!
Жена могла сперетъ врата войны кровавой;
Изъ областей своихъ изгнавъ раздоровъ гидру,
Народу своему содѣлала блаженство.

Межъ тѣмъ приближился къ пространному онъ граду
Одна свобода гдѣ рождаетъ изобилье.
Онъ побѣдителя Британцовъ видитъ башню. 11.
Елисаветино отъ толь въ близи жилище.

Съ

---

10. *Въ стѣнахъ Вестминстерскихъ суть видимы три власти.* Въ Вестминстерѣ собирается Аглинской парламентъ. Чтобъ здѣлать какое узаконеніе, то потребно согласіе верхней и нижней каморы, такъ же и согласіе королевское.

11. *Онъ побѣдителя Британцевъ видитъ башню.* Лондонская башня есть древній замокъ, построенный на берегу Темзы, Вилгелмомъ завоевателемъ, Герцогомъ Нормандскимъ.

С Морнеем он одним приходит пред Царицу;
Без шума, без сего великолѣпья тщетна,
Чем знатны, каковы б они нам ни казались,
Всегда плѣняются любуясь сокровенно;
Но истинные то герои презирают.
Вѣщает, и своим одним чистосердечьем
Он словеса своих вѣщаній украшает.
Он тайно Франціи ей нужды представляет;
И душу уклоня он даже до прошенья,
Во униженіи величество являет.
Ты служишь Валоа, дивясь рекла Царица!
Ты послан от нево пришел к брегам Тамизы
И став защитником твоих самих злодѣев,
За твоего врага меня ты умоляешь!
От западных брегов до самых врат Авроры
О ваших распрях свѣт вѣщать не умолкает;
А я за Валоа вооруженну вижу
Ту руку самую, которой он страшился.
Нещастіи ево, отвѣтствует герой,
Раздора нашего днесь пламень погасили.
До нынѣ был он раб, но днесь разторг он узы.
Он щастливѣе б был, когда бы вѣря мнѣ,
Во мнѣ б и храбрости и помощи искал.
Но он употреблял притворство и коварство;
Он стал моим врагом от слабости и страха.
Я бѣдство зря ево забыл ево преступки,
И побѣдя ево я за него отмщу.
В сей праведной войнѣ великая Царица,
Ты имя Англіи на вѣк прославить можешь,
И права защитя ты Франціи смятенной,
Тѣм добродѣтели свои ты увѣнчаешь,
И купно отомстишь со мной за честь Царей.
С нетерпѣливостью тогда Елисавета
Смятенья Франціи вину узнать желает;

И хочетЪ знать, какимЪ случаевЪ соплетеньемЪ
ВЪ ПарижѢ здѢлалась такая перемѢна.
Уже, рекла она, быстротекуща слава
О сихЪ превратностяхЪ мнѢ часто возвѢщала;
Но вѢтренность ея нескромными устами
Ко истиннѢ и ложь не рѢдко прилагаетЪ.
И я не вѢрила ея вѢстямЪ невѢрнымЪ;
Но ты раздоровЪ сихЪ преславный самовидецЪ
ЗащитникЪ Валоа его и побѢдитель,
ВасЪ сЪединившаго открой вину союза,
Открой ты мнѢ сїю премѢну чрезвычайну;
Ты можешь лишь вѢщать достойно о себѢ.
Ты опиши свои преславныя дѢла:
И знай, что жизнь твоя ЦарямЪ есть наставленье.
Увы! ты мнѢ велишь, отвѢтствуетЪ БурбонЪ,
Воспомянуть о сихЪ нещастныхЪ временахЪ!
АхЪ, лутчебЪ было то, когда бы можно было,
Толь страшны гнусности предать забвенью вѢчно.
По что Царица мнѢ гласить повелѢваешь,
ПозорЪ и злость Царей со мной единокровныхЪ.
Воспомнивши о семЪ еще я трепещу!
Однако волю мнѢ твою исполнить должно.
Но ты, внимая симЪ ужаснымЪ злоключеньямЪ,
Царица, извини ту грубу истинну,
О коей бы иной конечно умолчалЪ,
Или умѢлЪ бы ту прикрыть завѢсой красной.
Но искренность моя того закрыть не можетЪ.

КонецЪ первой пѢсни.

второй

ПѢСНИ ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Генрихъ великій расказываетъ королевѣ Елисаветѣ о злоключеніяхъ Франціи: входя въ начало оныхъ описываетъ избіеніе бывшее въ день святаго Варѳоломѣя.

Царица! Франціи бѣды неизреченны
Суть тѣмъ ужаснѣе, чемъ ихъ вина святѣе.
Безчеловѣчное къ закону ревнованье,
Французовъ яростныхъ вооружаетъ руки.
Не защищаю я ни Рима ни Женевы; 1.
Сомышленники ихъ, въ своемъ слѣпомъ усердьи,
Хоть нарицаютъ ихъ святыми именами,
Однако видѣлъ я съ обѣихъ сихъ сторонъ,
Обманы гнусные, коварство, злость и ярость:
И если бѣшенство есть чадо суевѣрья;
И въ распряхъ, коими терзается Европа,
Ложь утверждается убійствомъ и измѣной,
То обѣ стороны свирѣпы равномѣрно,

В Какъ

1. *Не защищаю я ни Рима ни Женевы.* Многіе историки описывали Генриха четвертаго колеблющимся между обѣими законами. Здѣсь онъ представленъ человѣкомъ честнымъ, такимъ каковъ онъ былъ, желающимъ чистосердечно просвѣтиться, другомъ истинны, врагомъ тоненія и ненавидящимъ всякое злодѣяніе.

Какъ въ злобѣ своей, такъ въ слѣпомъ и заблужденьи.
Но я, въ спасеніе отечества вступаясь,
За Бога отомщать власть Богу оставлялъ;
И никогда границъ не преступая власти,
Къ кадилу дерскою рукою не касался.
На вѣкъ погибни то ужасно властолюбье,
Которое владѣть и мыслями желаетъ;
Которое мечемъ вооруживши руку,
Насильно привлещи къ себѣ желаетъ смертныхъ;
И кровью олтари невѣрныхъ орошая,
И гласу ревности неправыя внимая,
Или послѣдуя за гнусною корыстью,
Единымъ жертвуетъ убійствомъ Богу міра.
О если бы творецъ, котораго святые
Законы я познать съ усердіемъ желаю,
Во всѣхъ при Валоа живущихъ Царедворцевъ
Благоволилъ внушить моимъ подобны мысли!
Но Гизы совѣсти внимали меньше гласу. 2.

Пре-

---

2. *Но Гизы совѣсти внимали меньше гласу.* Франциск Герцогъ Гизъ, называемый тогда обыкновенно великимъ Герцогомъ Гизомъ, былъ отецъ имянуемаго Балафре; онъ первый вообще съ Кардиналомъ своимъ братомъ положилъ основаніе заговора. Онъ имѣлъ великія качества, которыхъ однакожъ не должно почитать добродѣтелями.

Президентъ де Ту, сей великій историкъ, повѣствуетъ, что Францискъ де Гизъ, хотѣлъ велѣть убить Антонія де Наварра, отца Генриха четвертаго, во дворцѣ Франциска втораго. Онъ принудилъ сего новаго Короля соизволить на сіе убійство. Антоній де Наваррѣ имѣлъ хотя слабый умъ, но сердце твердое. Увѣдомясь о семъ заговорѣ противъ нево, онъ не приминулъ войти въ тотъ покой, гдѣ назначено было ево погубить. Если они меня умертвятъ, сказалъ онъ своему дворянину называемому Рейнси, то взявъ мою окровавленную рубашку, отвези ее моей женѣ и сыну; кровь моя научитъ ихъ какъ должно имъ за меня отомстить. Францискъ второй, сказываетъ Г. де Ту, не дерзнулъ оскверниться таковымъ злодѣяніемъ; и Герцогъ Гизъ выходя изъ дворца, вскричалъ: какова бѣднова Короля мы имѣемъ!

Прегордые вожди народа легковѣрна,
Небесной волею свою прикрывши пользу,
Во сѣти вовлекли народъ освирепѣвшій,
Воздвигнувъ на меня его жестоку ревность.
Съ усердьемъ видѣлъ я біющихся гражданъ,
И съ пламенемъ въ рукахъ бѣгущихъ на сраженье
За тщетные слова и темные доводы,
Которыхъ и сами они не понимали.
Ты знаешь чернь, и то, на что она дерзаетъ,
Когда отмщаючи за небо оскорбленно,
Закрывъ свои глаза завѣсою закона,
Подданства узы всѣ озлобясь разрываетъ:
Ты знаешь все сіе, великая Царица!
Умѣла ты сей огнь въ началѣ утушить.
Едва въ твоей землѣ сія востала буря,
Твое раченіе ее предупредило,
А добродѣтели ее искоренили.
Подъ кроткою твоей и мудрою державой
Свободенъ Лондонъ сталъ, законы процвѣтаютъ. 3.
Иные Медицисъ себѣ пути избрала.
Ты слыша повѣсти толь смутны и плачевны
Вопросишь, можетъ быть, о качествахъ ея;
Услышишь ты о томъ изъ устъ чистосердечныхъ.
Хоть многіе о ней вѣщать не умолкали,
Но мало внутренность ее могли проникнуть.
А я сыновъ ее взрощенный при дворѣ,
И видя дватцать лѣтъ грозящія мнѣ бури,
Познать ее моей напастью научился.

3. *Свободенъ Лондонъ сталъ, законы процвѣтаютъ.* Г. Каделно, посланникъ Французской, при дворѣ Королевы Елисаветы, сказуетъ о ней слѣдующее:

Сія Государыня имѣла всѣ великія качества, потребныя для благополучнаго царствованія. О ея владѣніи можно то же сказать, что писано о владычествѣ Августа Кесаря, во время котораго храмъ Янусовъ былъ затворенъ и проч.

Во младости супругъ ея во гробъ низшедъ,
Свободу далъ ея душѣ властолюбивой.
Стремясь сыновъ своихъ отъ трона отлучати, 4.
Кто скиптръ изъ нихъ прималъ, тово врагомъ щитала.
Ея коварныя въ округъ престола руки
Смятенье сѣяли, раздоры, зависть, ужасъ.
Неутолимая въ коварствахъ и пронырствахъ,
Она старалася всечасно воружати,
На Гизовъ Кондїевъ, Французовъ на Французовъ; 5.
Всегда готовая дружиться со врагами
И измѣнять друзьямъ для пользы своей всѣмъ;
До самой низкости неволница страстей; 6.
Безвѣрна иногда 7. и часто суевѣрна, 8.
И словомъ, женскими объята немощами,
А добродѣтелей ни мало не имуща.

Простите грубое чистосердечью слово.
Въ число ты слабыхъ женъ не можешь быть включенна:
Ты

---

4. *Стремясь сыновъ своихъ отъ трона отлучати.* Екатерина де Медицисъ поссорилась съ сыномъ своимъ Карломъ девятымъ, незадолго предъ кончиною сего Монарха; а послѣ съ Генрихомъ третьимъ. Она открыто была не довольна правленїемъ Франциска втораго, такъ что ее подозрѣвали, хотя и несправедливо, будто она споспѣшествовала смерти сего Короля.

5. *На Гизовъ Кондїевъ, Французовъ на Французовъ.* Въ запискахъ заговора находится писмо отъ Екатерины де Медицисъ, ко Князю де Конде, въ которомъ она ево благодаритъ, за то что онъ восприялъ оружїе противъ двора.

6. *До самой низкости неволница страстей.* О ней говорили, что будто она любилася съ Видамомъ де Шартромъ, умершимъ въ Бастилїи и съ нѣкоторымъ дворяниномъ Бретонскимъ называвшимся Мескуеръ.

7. *Безвѣрна иногда.* Когда ей сказано, что будто Протестанты одержали побѣду при Дре, тогда отвѣтствовала она: ну такъ мы станемъ Богу молиться на Французскомъ языкѣ.

8. *И часто суевѣрна.* Она имѣла слабость вѣрить волшебству, чему свидѣтели талисманы найденныя послѣ смерти ея.

Ты пола нѣжнаго лишь прелести имѣешь.
Судьба тебя на свѣтъ произведя для трона,
Представила Царямъ въ примѣръ Елисавету;
Европа чтитъ тебя въ числѣ мужей великихъ.
Уже Франсискъ второй нечаянной судьбою,
Съ родителемъ своимъ во гробѣ съединился;
Преслабый юноша, властитель раболѣпный
Противу Гизовыхъ безчинныхъ своенравій.
Карлъ младшій братъ его Царемъ наименованъ;
Но Медицисъ одна въ рукахъ держала скипетръ.
Предъ властью всѣ ея единой трепетали.
Владычество свое коварствомъ утверждая,
Старалась содержать въ младенствѣ вѣчномъ сына,
И пламень лютаго раздора воспаляя
Открыла власть свою кровавою войною;
Вооружила гнѣвъ противныхъ двухъ законовъ;
Дресъ былъ позорищемъ ихъ первыхъ подвиговъ; 9.
Онъ первый видѣлъ ихъ кровавые знамена.
Въ близи печальныхъ мѣстъ, гдѣ царскія гробницы,
Годами отягченъ и дряхлый Монморанси, 10.
Военною рукой постиженъ мертвъ упалъ.
Близъ Орлеана Гизъ поверженный скончался. 11.

 Не-

9. *Дресъ былъ позорищемъ ихъ первыхъ подвиговъ.* Сраженіе при Дре, была первая порядочная баталія между Католиками и Протестантами. Сіе произходило въ 1562 году.

10. *Годами отягченъ и дряхлый Монморанси.* Аннъ де Монморанси, человѣкъ упрямый и не укротимый, единъ изъ нещастливѣйшихъ полководцевъ бывшихъ въ его время, былъ взятъ въ плѣнъ при Павіи и Дре, разбитъ при Сентъ Кентене Филиппомъ вторымъ; и наконецъ смертельно раненъ, въ сраженіи при Сентъ Денисѣ, нѣкоторымъ Агличаниномъ называемымъ Штуартъ, которымъ онъ былъ полоненъ въ сраженіи при Дре.

11. *Близъ Орлеана Гизъ поверженный скончался.* Тотъ самый Франсискъ Гизъ, о коемъ выше сказано, прославившійся защищеніемъ Метса, противу Карла пятаго. Въ 1563 году

Нещастный мой отецъ привязанъ ко двору, 12.
Противу своея служа Царицѣ воли,
Влачилъ въ безчестіи свою нещастну долю,
И собственной рукой себѣ напасти строя,
Сражаясь за своихъ враговъ окончилъ вѣкъ.

Зря сына братнина, Конде во мнѣ единомъ, 13.
Принявъ меня мнѣ былъ наставникъ и отецъ.
Я въ пеленахъ, среди его воинска стана,
Межъ ратниковъ ево, въ тѣни воспитанъ лавровъ.
Привыкнувъ къ подвигамъ претягостнымъ героевъ,
Придворну праздность я съ нимъ купно презиралъ.
Сраженіи, мои забавы въ дѣтствѣ были.
О! бѣдоносныя Жарнакскія долины!

О!

осаждалъ онъ Протестантовъ въ Орлеанѣ; въ сіе время Полтротъ де Мере, дворянинъ изъ Антумоа убилъ ево пистолетною пулею отравленною ядомъ. Онъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ, исполненъ славою и сожалѣемъ Католиками.

12. *Нещастный мой отецъ привязанъ ко двору.* Антоенъ де Бурбонъ, король Наварской имѣлъ слабый и нерѣшимый духъ. Онъ оставилъ Протестантской законъ, въ которомъ онъ родился, въ то самое время, когда ево супруга оставила Католицкой. Онъ никогда тово не зналъ, какой онъ стороны и какова закона былъ. Онъ убитъ при осадѣ Руана, гдѣ онъ вспомоществовалъ сторонѣ Гизовъ, притѣсняющихъ сей городъ противъ Протестантовъ, которыхъ король Наварской любилъ. Онъ умеръ въ 1562 году одникъ лѣтъ съ Францискомъ Детзомъ.

13. *Зря сына братнина Конде во мнѣ единомъ.* Сей принцъ де Конде, о коемъ здѣсь упоминается, былъ братъ короля Наварскаго и дядя Генриха четвертаго. Онъ долгое время былъ начальникомъ Протестантовъ и великимъ врагомъ Гизовъ. Онъ былъ убитъ послѣ Жарнакской битвы, рукою Монтескю, Капитана Гвардіи Герцога д'Анжу (бывшаго послѣ Генрихомъ III.) Графъ де Соасонъ сынъ убитаго Конде искалъ повсюду Монтескю и его сродниковъ для принесенія ево на жертву своему отмщенію.

Генрихъ четвертый не болѣе четырнатцати лѣтъ былъ въ сраженіи произходившемъ при Жарнакѣ и замѣтилъ погрѣшности, отъ коихъ проиграна сія баталія.

О! варваръ Монтескю, убійца ты, не воинъ!
Твоей рукой палъ мертвъ Конде ослабленъ вѣкомъ.
Я видѣлъ мечь взнесенъ, я зрѣлъ ударъ смертельный;
Но слабъ и немощенъ, въ моихъ не зрѣлыхъ лѣтахъ,
Не могъ ни упредить удара, ни отмстить.
Но молодость мою сама судьба ведуща,
Героямъ завсегда меня препоручала.
Колини Кондїевъ достойнѣйшїй преемникъ, 14.
Закона моево и мой защитникъ сталъ.
Я долженъ всемъ ему; и ежели Европа
Во мнѣ достоинства какїя нынѣ видитъ,
Когда самъ Римъ ко мнѣ почтенье сохраняетъ,
Тебѣ, великїй мужъ! тебѣ я долженъ тѣмъ!
Я росъ въ его глазахъ и долго поучался,
Искуству тяжкому сражатися со славой.
Мнѣ онъ примѣръ давалъ итти во слѣдъ героямъ.
Я зрѣлъ его, я зрѣлъ во бранѣхъ состарѣвша
Противу Медицисъ и щастїя превратна,
Стѣсненна общества подъемлющаго тягость.
Своими онъ любимъ, противными почтенъ;
Нещастенъ иногда, но завсегда опасенъ;
Искусенъ брани въ часъ, искусенъ въ отступленьи.
Когда онъ уступалъ, тогда казался онъ
Славнѣе и страшней, какъ Дюнса съ Гастономъ
Бывали посреди гремящїя побѣды.

Во время десяти грозами полныхъ лѣтъ,
Не видя Медицисъ ни малаго плода
Отъ пагубной войны ея рукой возженной;
И зря свои поля противными покрыты,

Ко-

---

14. *Колини Кондїевъ достойнѣйшїй преемникъ.* Гаспаръ де Колини Адмиралъ Францїи, сынъ Гаспара де Колини Маршала Францїи, и Луизы де Монморанси, сестры Коннетабля, родился въ Шатильонѣ 16 Февраля 1516 года.

Смотри слѣдующїя примѣчанїи.

Которыхъ истребить надеждою ласкалась,
Безъ пользы пратися въ послѣдокъ утомленна,
Граждански распри вдругъ возмнила окончать.
Намъ дворъ своихъ щедротъ открывши лестну сладость,
Не могши побѣдить, представилъ миръ желанный.
О миръ, ужасный миръ! какимъ кровавымъ токомъ,
Твои безцѣнныя оливы орошенны!
О небо, должно ли сего владыкамъ свѣта
Казати подданнымъ примѣры къ беззаконью!

Колини своему монарху сердцемъ вѣренъ,
Любя отечество противъ нево сражался.
Симъ случаемъ ему дражайшимъ возхищенный,
Къ согласью общества съ возторгомъ устремился.
Ко подозрѣнїю герои неудобны.
Съ довѣренностью онъ среди враговъ явился.
До самаго меня онъ Лувра проводилъ.
Съ слезами Медицисъ тогда меня пріяла,
И нѣжность матери являя долго мнѣ,
Нелицемѣрною насъ дружбой увѣряла;
Хотѣла слѣдовать Колинїя совѣтамъ,
Ево по всякой часъ щедротой осыпала
И ближнимъ всѣмъ моимъ надеждой обольщеннымъ
Сыновни милости казала ухищренно.
Увы! быть щастливы надѣялись мы долѣ!

Иные, благости сїи подозрѣвали,
И имъ дары враговъ казалися опасны;
Тогда чемъ болѣе они недовѣряли,
Тѣмъ болѣе сей Царь въ притворствѣ укрывался.
Во маркѣ скрытности злонравна Медицисъ,
Ко лицемѣрїю и клятвопреступленью
Младова своево приобучала сына,
И душу гибкую къ злодѣйству наклоняла.
Примѣромъ злымъ монархъ нещастный зараженный,

И нравомЪ кЪ лютости самЪ отЪ природы склонный,
ВЪ училищѢ такомЪ безмѢрно много занялЪ.
Чтобы удобнѢй скрыть свою ужасну тайну,
ВЪ супруги давЪ сестру меня нарекЪ онЪ братомЪ. 15.
О имя льстивое! о клятвы лицемѢрны!
О страшный бракЪ, ты былЪ бѢдЪ нашихЪ первымЪ знакомЪ!
Увы! твои свѢщи, небесЪ возженны гнѢвомЪ,
ГробЪ матери моей предЪ мною освѢтили.
Однако не хощу я быть несправедливЪ,
На МедицисЪ вину сей смерти не взлагаю: 16.
И подозрѢнїи изЪ мыслей истребляю,
Которы можетЪ быть довольно справедливы;
НѢтЪ нужды мнѢ ея злодѢйства умножать.
Но какЪ то ни было, скончалась мать моя.
Прости Царица мнѢ сїи потоки слезЪ,
ИхЪ память матери изЪ глазЪ моихЪ влечетЪ.
Но между тѢмЪ насталЪ уже тотЪ лютый часЪ,
Который МедицисЪ назначила кЪ злодѢйству.
ВЪ срединѢ темныя и дремлющїя ночи
КЪ убийству знакЪ былЪ данЪ безЪ шума, безЪ смятенья.
Казалось, что луна тогда свой блѢдный свѢтЪ, 17.
ЗавѢсой мрачною отЪ ужаса закрыла.

Г Колини

---

15. *ВЪ супруги давЪ сестру меня нарекЪ онЪ братомЪ.* Маргарита де Валоа, сестра Карла девятаго, была отдана вЪ супружество за Генриха четвертаго, за нѢсколько дней предЪ убїенїемЪ ГугенотовЪ вЪ день святаго Варѳоломея.

16. *На МедицисЪ вину сей смерти не взлагаю.* Жанне д'АлбретЪ мать Генриха четвертаго, скончалася почти скоропостижно между днемЪ брака сына своего и днемЪ святаго Варѳоломея, но КальярЪ и ДенедЪ ее врачи, ревностныя Протестанты, анатомя тѢло ее не нашли ни малѢйшаго знака, чтобЪ она ядомЪ отравлена была.

17. *Казалось, что луна тогда свой блѢдный свѢтЪ, и проч:* Сїе ужасное позорище происходило вЪ ночи сЪ 23 на 24 число Августа во время празднества святаго Варѳоломея вЪ 1572 году.

Колини опочилъ въ объятіяхъ покоя;
Сонъ льстивый въ духъ его вліялъ свои приятства,
Но страшный крикъ прервалъ его спокойство вдругъ;
Встаетъ и видитъ онъ стремящихся убійцъ;
Повсюду видитъ блескъ свѣтильниковъ, мечей;
Объятъ домъ пламенемъ и весь народъ въ смятеньи,
Служителей своихъ въ дыму окровавленныхъ
И зданья тягостью падуща подавленныхъ;
Убійцевъ яростныхъ толпу остервенѣлу,
Вопящу: ни кому пощады не давайте!
Такъ Богъ, такъ Медицисъ, такъ Царь повелѣваетъ!
Гласимо слышитъ онъ Колинія названье;
Онъ видитъ изъ дали Телинія младаго, 18.
Супруга нѣжнаго его нещастной дщери,
Честь рода своего и всю его надежду,
Немилосердыми руками воиновъ,
Окровавленнаго, разтерзанна, влекома,
Просяща мщенія, къ нему простерши длани.
Герой нещастливый, оружія лишенный
То зря что долженъ онъ погибнуть непремѣнно,
Хотѣлъ такъ внити въ гробъ, какъ жизнь препроводилъ,
Со всею славою и мужествомъ своимъ.
Ужъ многочисленна толпа убійцевъ злобныхъ,
Хотѣла силою къ нему разторгнуть двери;
Онъ двери самъ отверзъ и ихъ глазамъ предсталъ
Съ спокойнымъ тѣмъ лицемъ и видомъ величавымъ,

Съ

Адмиралъ жилъ въ улицѣ Бетизи, въ томъ домѣ, гдѣ нынѣ постоялый дворъ, называемый Отель Сентъ Пїерръ; еще до нынѣ виденъ тотъ покой, въ которомъ онъ тогда былъ.

18. *Онъ видитъ изъ дали Телинія младаго.* Графъ де Телини за десять мѣсяцовъ предъ симъ женился на дочери Адмирала. Сказываютъ, лице ево было такъ приятно, что пришедшія погубить ево, тронулися ево видомъ и не хотѣли убить, но тѣ, которые были жесточе ихъ, умертвили Телинія.

Съ которымъ брани въ часъ, владѣя самъ собою,
Жаръ боя воспалялъ или его гасилъ.

Узря величество сего чела почтенна,
Подобострастiемъ убiйцы изумились;
Расторгла ярость ихъ невѣдома имъ сила.
„Друзья, сказалъ онъ имъ, свершайте ваше дѣло
„И кровiю мои сѣдины оросите,
„Которые въ бояхъ сама судьба щадила.
„Разите не страшась, Колини вамъ прощаетъ;
„Разите, жизнь моя не стоитъ ничево. . .
„Но лутче бы за васъ сражаяся я умеръ.
Тогда тѣ тигры всѣ колѣна преклоняютъ.
Иной во ужасѣ свое оружье мещетъ;
Иной обѣемлючи его стопы священны,
Съ благоговѣнiемъ слезами орошаетъ.
Убiйцами сей мужъ великiй окруженный,
Казался быти Царь народомъ обожаемъ.

Но Бемъ, который ждалъ сей жертвы во дворѣ, 19.
Вступаетъ разъяренъ на медлѣнность убiйцъ;
Ихъ всѣхъ трепещущихъ онъ зритъ у ногъ героя.
При жалостномъ такомъ позорищѣ и слезномъ,
Единый только Бемъ неколебимъ въ свирѣпствѣ;
Онъ только жалости не чувствуя ни мало,
Воображаетъ, что Царицѣ измѣнитъ,
И беззаконiе содѣлаетъ ужасно,
Когда онъ въ совѣсти хоть мало умягчится.
Стремится сквозь толпу онъ воиновъ стѣсненныхъ.
Колини зритъ ево неустрашимымъ окомъ;

19. *Но Бемъ, который ждалъ сей жертвы во дворѣ.* Бемъ Нѣмецъ служитель изъ дома Гизовъ. Сей нещастный былъ послѣ пойманъ Протестантами; жители Рошелоа хотѣли ево купить, чтобъ велѣть ево на своей площади четвертовать, но нѣкто Бетонвиль по имени, умертвилъ ево.

А Варваръ сей свой мечь въ его вонзая ребра,
Взоръ лютый отъ нево далеко отвращаетъ,
Страшась, чтобы герой своимъ единымъ взглядомъ
Во трепетъ не привелъ его руки жестокой,
И сердца бы его на жалость не подвигнулъ.
Таковъ былъ рокъ сего великаго толь мужа.
Но что? еще ево и мертва оскорбляютъ. 20.
Его разтерзанъ трупъ лишенный погребенья,
Изверженный во снѣдь оставленъ хищнымъ птицамъ.
Главу его къ ногамъ повергли Медицисъ,
И сына и ея достойную добычу.
Со равнодушїемъ она сей даръ прияла;
Имѣя власть всегда надъ чувствїемъ своимъ,
Сокрыла о плодѣ отмщенья своего
Ту лестную для ней безъ угрызенья радость,
И какъ привыкшая давно къ такимъ дарамъ.
Кто можетъ изъяснить весь ужасъ и свирѣпство,
Которые въ сїю ночь страшну совершались!
И смерть Колинїя, терзанїя начало,
Ихъ ярости была лишь только слабый опытъ.
Убїйцевъ сонмища толпы освирѣпѣвшей,
Усердьемъ, должностью на гибель устремленны,
Съ оружїемъ въ рукахъ, съ горящими глазами
Ступали въ ярости по трупамъ братїй нашихъ.

Имъ

---

20. *Но что? Еще ево и мертва оскорбляютъ.* По убїенїи Адмирала Колинїя привѣсили за ноги желѣзною цѣпью къ висилицѣ Монтфоконской. Карлъ девятый со всемъ своимъ дворомъ выѣхалъ наслаждаться симъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Одинъ изъ придворныхъ сказалъ, что тѣло Колинїя худо пахнетъ. Король отвѣчалъ ему какъ Вителлїй: (трупъ врага не можетъ никогда худо пахнуть.)

Протестанты говорятъ, что Екатерина де Медицисъ послала къ Папѣ голову сего Адмирала; сїе невѣроятно; однако то вѣрно, что голову ево принесли къ Королевѣ съ ящикомъ наполненнымъ бумагами, между которыми была исторїя того времени писанная рукою Колинїя.

Имъ Гизъ предшествовалъ, и яростью дыша, 21.
За гибель своево родителя отмщалъ.
Неверсъ, 22 Гонди, 23 Таваннъ съ кинжалами въ рукахъ, 24.
Воспламеняли жаръ ихъ зверской ревности,
И роспись всѣхъ злодѣйствъ неся передъ глазами,
Вели къ убiйствiю имъ жертвы показуя.

Описывать тебѣ, Царица, я не стану,
Въ Парижѣ горестномъ смятенья, воплей, стона,
Кровавыя рѣки по улицамъ текущей,
Поверженныхъ сыновъ на трупахъ ихъ отцевъ,
И брата со сестрой и матери со дщерью,
Въ пылающихъ домахъ супруговъ погубленныхъ,
Младенцевъ въ пеленахъ о камни избiенныхъ.
Сего и должно ждать отъ злобы человѣковъ.
Но то, чему едва потомки будутъ вѣрить,
Чему и ты сама едва повѣрить можешь,

---

21. *Имъ Гизъ предшествовалъ и яростью дыша.* Генрихъ Герцогъ де Гизъ, по прозванiю Балафре, прославившiйся Баррикадами, убитъ въ Блоа. Онъ былъ сынъ Франциска Герцога Детза умерщвленнаго Палтротомъ.

22. *Неверсъ, Гонди, Таванъ съ кинжалами въ рукахъ.* Неверсъ) Фридрихъ де Гонзанъ изъ дома Мантуйскаго, Герцогъ де Неверсъ единый изъ виновниковъ убiенiя въ день святаго Вароѳоломея.

Гонди) Албертъ де Гонди, Маршалъ де Ретсъ, любимецъ Екатерины де Медицисъ.

Таваннъ) Каспаръ де Таваннъ былъ пажемъ у Франциска перваго. Онъ бѣгая по улицамъ Парижскимъ, въ ночь св: Вароѳоломея, кричалъ: (пускайте кровь, пускайте; кровопусканiе какъ въ Маiѣ такъ и въ Августѣ мѣсяцѣ полезно.) Сынъ ево издавшiй записки, обьявляетъ что отецъ ево будучи на смертномъ ложѣ каялся о всѣхъ своихъ согрѣшенiяхъ; и какъ духовный отецъ сказалъ ему съ видомъ удивленiя (для чево вы ничево не упоминаете о убiенiи въ день св: Вароѳоломея? я сiе, отвѣтствовалъ онъ, почитаю такимъ святымъ дѣломъ, которое меня очищаетъ отъ всѣхъ моихъ другихъ грѣховъ.)

Чудовища сїи убїйствомъ не насытны
Священниковъ своихъ свирѣпыхъ, кровожадныхъ
Ко злодѣянїю глаголомъ поощренны,
Молились Господу своихъ терзая братьевъ;
И руки кровїю невинной осквернивъ
Дерзали приносить Творцу прегнусну жертву.
Герои многїе погибли недостойно!
Ренель и Пардальянъ вошли въ тьму вѣчну гроба; 25.
И мужественъ Герши и мудрый Лаварденъ 26.
Достойныя иной и лутчїя судбы.
Между нещастными, которыхъ ночь сїя
Покрыла вѣчною смертельной ночи мглою,
Субизъ и Марсильякъ на гибель осужденны, 27.
Нещастны дни свои на мало защищаютъ;
Но изъязвленныхъ ихъ и дышущихъ едва,

До

---

25. *Ренель и Пардальянъ вошли въ тьму вѣчну гроба.* Антоенъ де Клермонъ Ренель спасаяся въ одной рубашкѣ убитъ сыномъ Барона Дезатретсъ и своимъ двоюроднымъ братомъ, Бюсси д'Амбоазомъ.

Пардальянъ былъ съ нимъ купно умерщвленъ.

26. *И мужественъ Герши и мудрый Лаварденъ.* Герши защищался долгое время на улицѣ, и предъ смертїю поразилъ нѣсколькихъ изъ своихъ убїйцевъ; но Маркизъ де Лаварденъ не имѣлъ время и обнажить шпаги.

27. *Субизъ и Марсильякъ на гибель осужденны.* Субизъ) назывался симъ именемъ по своей супругѣ Генрїеттѣ изъ дома Субизскаго. А собственное имя его было Дюпонтъ Келленекъ. Онъ весьма долгое время защищался и наконецъ весь израненъ палъ мертвъ подъ окнами королевы. Придворныя госпожи выходили смотрѣть на его нагое и окровавленное тѣло, будучи побуждаемы звѣрскимъ любопытствомъ, достойнымъ сего гнуснаго и ужаснаго двора.

Марсильякъ) Графъ де ла Рошефуколь, былъ любимецъ Карла девятаго, и часть самой сей ночи препроводилъ онъ съ королемъ. Сей государь имѣлъ нѣсколько желанїя его спасти, и приглашалъ его ночевать въ Луврѣ; но наконецъ отпустилъ его, сказавъ: (я вижу что самъ Богъ хочетъ его погибели).

До самыхъ Лувра вратъ по улицамъ влекутъ;
Гдѣ стѣны царскаго ужаснаго жилища,
Невинной кровїю своею обагряя,
Монарха своего на помощь призываютъ;
Но оный имъ тогда обѣимъ измѣнилъ.
Чертоговъ съ высоты, усугубляя бурю,
Взирала Медицисъ на торжество сїе;
Наперстники ея своимъ свирѣпымъ окомъ,
Ручьями зрѣли кровь текущую предъ ними;
Развалины всего горящаго Парижа,
Героевъ были сихъ побѣдоносны знаки.
Но что еще, о стыдъ! о нашихъ бѣдъ вершина!
И Царь, увы! самъ Царь убїйцевъ посреди, 28.
Гоня нещастливыхъ трепещущи толпы,
Врагъ подданныхъ своихъ, своихъ гражданъ терзая,
Ихъ кровью обагрялъ свои священны руки.
Сей самый Валоа, кому я днесь служу,
Просящїй чрезъ меня о помощи твоей,
Дѣля злодѣйствїи свирѣпѣйшаго брата
Въ немъ ярость воспалялъ къ побоищу позорну.
Я не скажу тово, что Валоа тиранъ;
Онъ рѣдко обагрялъ свои монарши руки;
Но младость онаго, испорчена примѣромъ,
Въ его не зрѣлый духъ пороки поселила;
И лютость въ немъ ево была едина слабость.
Однако нѣсколько изъ осужденныхъ къ смерти,
Спаслись отъ лютости свирѣпаго меча.

Комонта

28. *И Царь, увы! самъ Царь убїйцевъ посреди.* Я слышалъ отъ послѣдняго Маршала де Тессе, что онъ знавалъ въ молодости своей девяностолѣтняго старика, бывшаго пажемъ при Карлѣ девятомъ. Сей старикъ ему сказывалъ, что онъ самъ королю заряжалъ карабинъ, изъ котораго король въ ночь св: Варѳоломея стрѣлялъ на подданныхъ своихъ Протестантскаго исповѣданїя.

Комонта юнаго пречудно приключенье, 29.
Промчится славою до самыхъ поздныхъ лѣтъ.
Отецъ его уже обремененный вѣкомъ,
Въ срединѣ двухъ сыновъ вкушалъ приятность сна.
Единый одръ вмѣщалъ родителя и чадъ.
Убiйцы алчные и злобой ослѣпленны
Вонзаютъ острiе, не видя ничего;
Летаетъ люта смерть на семъ нещастномъ ложѣ,
И острый серпъ ея пронзаетъ на удачу.
Единый Богъ въ рукахъ судбину нашу держитъ.
Когда восхощетъ онъ дни наши сохранить,
Изъ самыхъ челюстей насъ смерти извлекаетъ.
Отъ многихъ на нево направленныхъ мечей,
Избавленный Комонтъ остался не вредимъ.
Невидима рука его обороняя,
Спасла отъ рукъ убiйцъ свирѣпствомъ разъяренныхъ;
И близъ нево, его разтерзанный родитель,
Сокрылъ его своимъ на немъ простертымъ тѣломъ:
И обманувши злость народа и Царя,
Симъ способомъ онъ далъ ему животъ вторично.

Но что же дѣлалъ я въ престрашны толь часы?
Увы! на вѣрвость клятвѣ я лестныхъ полагаясь,
Спокоенъ, во стѣнахъ ужаснѣйшаго Лувра,
Отъ звука грознаго оружья удаленъ,
Вкушалъ приятности сладчайшаго покоя.
О ночь ужасная! о сонъ погибельный!

Возставъ,

---

29. *Комонта юнаго пречудно приключенье.* Комонтъ, который избавился отъ смерти въ день св: Варѳ: есть тотъ самый славный Маршалъ, который жилъ до осмидесяти четырехъ лѣтъ. Онъ оставилъ послѣ себя записки, которыя не напечатаны, и которымъ еще должно быть въ цѣлости въ домѣ де Лафорсовъ. Онъ въ сихъ запискахъ объявляетъ, что отецъ и братъ ево были умерщвлены на улицѣ де Пети Шанъ; но сiи обстоятельства не весьма точны.

Возставъ, я зрѣлъ вездѣ стези кровавы смерти:
Ближайшїе мои всѣ были побїенны;
Со всѣхъ сторонъ въ моихъ чертогахъ кровь лилася;
И я глаза открылъ на то, чтобы увидѣть
Служителей моихъ окровавленны трупы.
Убїйцы къ моему приближились одру;
Вздымались на меня свирѣпыя ихъ руки;
Уже послѣднїя минуты я касался;
Я выю протягалъ и смерти ожидалъ.
Почтеньель древнѣе къ породѣ ихъ Монарховъ
Ко жалости сердца сихъ тигровъ преклоняло;
Иль лютость Медицисъ замысловатой въ злобѣ,
Смерть легкой казнїю щитала для меня;
Иль можетъ быть она въ отмщеньи осторожна,
Чтобы пристанище найти во время бури,
Мнѣ давши жизнь, меня оставила залогомъ.
И такъ для пущихъ бѣдъ избавленъ я отъ смерти,
И вскорѣ Медицисъ меня въ оковы ввергла.
Колини! ты сто кратъ блаженнѣе меня;
Ты погибаючи лишился только жизни,
А слава за тобой твоя во гробъ сошла . . .
Внимая повѣсти толь гнусны и ужасны;
Ты содрагаешься, великая Царица!
Но я ихъ варварства лишь малу часть представилъ.
Казалось, Медицисъ изъ Лувра своего,
Всей Францїи дала къ убїйству страшный знакъ.
Всѣ наши области Парижу подражали;
И смерть не зря себѣ ни малаго препятства,
Въ единый часъ лице всей Францїи покрыла.
Послушны всѣ Царю, коль Царь злодѣйства хочетъ.
Нашлася тьма рабовъ его служити гнѣву.
И мутныхъ нашихъ рѣкъ окровавленны воды,
Несли убитыхъ трупъ къ морямъ объятымъ страхомъ.

Конецъ второй пѣсни.

ПѢСНИ ТРЕТІЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Герой продолжаетъ повѣсть гражданскія войны во Франціи. Смерть ужасная Карла девятаго. Владѣніе Генриха третьяго. Ево качества, и качества славнаго Герцога Гиза. Сраженіе при Кутрасѣ. Убіеніе Герцога Гиза. Крайность, къ которой Генрихъ третій приведенъ. Маіенъ начальникъ заговора. д'Омалъ герой заговора. Примиреніе Генриха третьяго и Генриха короля Наварскаго: помощь обѣщанная королевою Елисаветою. Отвѣтъ ея Генриху Бурбону.

Когда уже судебъ опредѣленье строго
Толикимъ лютостямъ дало довольно воли;
Когда, губителей злодѣйствомъ утомленныхъ,
Притупленны мечи не находили жертвъ,
Народъ Царицею подвигнутый къ свирѣпству,
Открывъ глаза, свои увидѣлъ всѣ злодѣйства.
Когда преходитъ злость остервенѣвшей черни,
Въ минуту жалости она вкушаетъ горесть.
Народъ отечества услышалъ гласъ стенящій.
Самъ Карлъ тогда, самъ Карлъ отъ ужаса смутился.
Грызенье совѣсти его снѣдало сердце.
Во младости Царя порочно воспитанье,
Хотя испортило его невинну душу,

Однако

Однако въ немъ того не истребило гласа,
Который и Царей на тронахъ ужасаетъ.
Воспитанъ матерью своею злочестивой,
Въ порокахъ, какъ она, сей Царь не застарѣлъ.
Въ тоскѣ увяли дни цвѣтущїе его;
Унынье смертное пресѣкло ихъ теченье;
Господь простеръ надъ нимъ отмщенья строгу руку;
И въ гробъ сходящаго властителя сего
Онъ гнѣва своево запечатлѣлъ печатью:
Онъ казнїю Царя хотѣлъ привесть тѣхъ въ ужасъ,
Которые ему послѣдовать дерзнутъ.
Я зрѣлъ его, я зрѣлъ въ ужасный часъ кончины. 1.
Еще сей страшный видъ мечтается мнѣ въ мысляхъ!
Ручьями кровь его изъ тѣла устремленна,
Отмщала кровь гражданъ пролиту отъ него.
Онъ чувствовалъ ударъ невидимой руки.
И страшнымъ симъ концемъ народы изумленны,
Жалѣли о Царѣ погибшемъ въ лутчемъ цвѣтѣ,
Который злыми въ сѣть порока вовлеченъ;
И кой раскаяньемъ подвигнутъ къ исправленью,
Надежду слабую давалъ къ державѣ кроткой.
Услыша о его нечаянной кончинѣ,
Незапно отъ краевъ полнощныя страны,
Со нетерпѣнїемъ стремяся Валоа,
Приять наслѣдїе нещастнѣйшаго брата,
Къ Парижу прилетѣлъ, гдѣ кровь еще дымилась.
Съ согласья общаго, уже въ то время Польша 2.

1. *Я зрѣлъ его, я зрѣлъ въ ужасный часъ кончины.* Ото дня св: Варѳ: онъ былъ безпрестанно болѣнъ; и умеръ послѣ тово спустя около двухъ лѣтъ, 30 Маїя 1574 года, плавая весь въ своей собственной крови, которая изъ всѣхъ тончайшихъ отверстїй кожи выходила.

2. *Съ согласья общаго, уже въ то время Польша.* Слава приобрѣтенная имъ въ сраженїяхъ при Жарнакѣ и Монконтурѣ, подкрѣпленная деньгами Францїи, заставила Поляковъ ево

Щастливаго сего и славна Валоа,
На степень возвела высоку Ягеллоновъ;
И имя онаго, сильнѣе всѣхъ Царей
Сипа областей ему снискало голоса.
Кто рано славное приобрѣтаетъ имя,
Той бремени сего не можетъ поддержати.
Подъ бременемъ такимъ и Валоа упалъ.
Необвинуяся, Царица, я вѣщаю;
Ты повелѣла мнѣ оставить принужденье;
И я къ малѣйшему притворству неспособный,
Сражаясь за Царя, его не извиняю.
Его вся слава такъ какъ легка тень изчезла.
Царица! такова премѣна хоть велика,
Однако оная на свѣтѣ обычайна.
Бывали многiе въ подсолнечной Цари
Ужасны во брани, неволники на тронѣ;
И храбрость истинна лишь въ разумѣ единомъ.
Отъ неба Валоа имѣетъ дарованьи;
Онъ храбръ, но духомъ слабъ; и меньше Царь какъ воинъ,
Онъ только мужественъ на полѣ брани въ часъ.
Безпечности ево, его любимцы лстя,
Душею слабою по волѣ управляли;
И купно съ нимъ въ нутри чертоговъ заключенны,
Не внемля жалобамъ народа притѣсненна,
Ликуя въ пышности, Царя ослабша гласомъ,
Свои погибельны законы подавая,
Сокровищь Францiи остатки разточали.
Отягощенъ народъ пуская тщетны вздохи,
За ихъ веселiи платя своимъ трудомъ,
Стоналъ отъ роскоши сихъ празныхъ сластолюбцевъ.
Но какъ подъ игомъ сихъ властителей преалчныхъ,
Народ-

избрать своимъ Королемъ въ 1573 году. Онъ взошелъ на престолъ послѣ Сигисмунда втораго, послѣдняго государя отъ рода Ягеллоновъ.

Народныхъ податей отягощая бремя,
На тронѣ Валоа въ дремотѣ пребывалъ,
Тогда явился Гизъ; тотъ часъ народъ кичливый, 3.
Къ сему блистающу свѣтилу обратился.
Родителя его еще гремяща слава
И собственны его преславныя дѣла;
Прехрабрый духъ его, приятство, красота
И сей всѣмъ нравиться благополучный даръ,
Который смертные во нравахъ развращенны
И добродѣтели самой предпочитаютъ,
Неодолимою и сильною отравой
Желанье всѣхъ къ нему и сердце привлекали.

Во знаньи обольщать и уловлять сердца
До толь ево еще никто не превышалъ;
Какъ онъ никто не могъ владѣти надъ страстями,
И такъ никто не могъ наружностью притворной
Пространство сокрывать великихъ предприятїй.
Лютъ, снизходителенъ, властолюбивъ и кротокъ,
Открытно о бѣдахъ народа сожалѣлъ;
Несносныхъ податей онъ бременемъ гнушался;
И изъ гражданъ къ нему, узрѣть ево текущихъ,
Кто бѣденъ приступалъ, тотъ щастливъ отходилъ.
Иныхъ желанїи онъ самъ предупреждалъ.
Благодѣянїи и многїя щедроты,
Его присутствїе въ Парижѣ возвѣщали.
Умѣлъ онъ обуздать вельможей ненавистныхъ.
Жестокъ, непримиримъ, когда онъ оскорблялъ.
Въ желаньяхъ дерзостенъ и гибокъ въ хитростяхъ,

 Во

3. *Тогда явился Гизъ; тотъ часъ народъ кичливый.* Генрихъ де Гизъ Балафре, родился въ 1550 году отъ Франциска де Гиза и Анны д'Естъ. Онъ въ дѣйствїе произвелъ великое предприятїе заговора, которому основанїе положилъ Кардиналъ Лотарингской дядя ево, и который начатъ Францискомъ его отцемъ.

Во добродѣтеляхъ и въ слабостяхъ блистающъ,
Безстрашенъ, и бѣды искусенъ упреждать;
И воинъ щастливый и мудрый предводитель,
Великой государь, но вредный гражданинъ.

Когда могущество свое онъ утвердилъ;
Когда онъ видѣлъ, что народа ослѣпленна
Обуздана его рукою коловратность,
Тогда онъ болѣе уже не притворялся;
И трона царскаго открытно онъ дерзалъ
Колеблющееся разрушить основанье.
Въ Парижѣ страшный онъ составилъ заговоръ,
Который наконецъ все царство заразилъ,
Чудовище сїе воскормленное кровью
И возращенное вельможами и чернью,
Къ убїйству алчное, тиранами обильно.

И Францїя тогда узрѣла двухъ монарховъ:
Единый соблюдалъ Царя лишь тщетны знаки,
Другой съ надеждою повсюду сѣя ужасъ
И нужды не имѣлъ Царя въ безплодномъ титлѣ.

Отъ сна спокойнаго очнулся Валоа;
Тревоги шумныя грозящая опасность,
На часъ открыли взоръ его отягощенный;
Но омраченный онъ лучемъ несносна свѣта,
Не могъ провидѣти среди гремящей бури
Блестящихъ надъ его главою страшныхъ молнїй:
И паки утомленъ своимъ возстаньемъ краткимъ,
Повергнувшись на одръ ему поставленъ нѣгой,
На лонѣ роскоши, среди своихъ любимцевъ,
Спокоенъ онъ заснулъ стремнины на брегу.

Остался я ему, единая подпора.
По немъ преемникъ я Французскаго престола,
Вооружа свою къ его защитѣ руку,
Хотѣлъ его спасти, иль купно съ нимъ погибнуть;
Но Гизъ искуснѣйшїй вредить и уловлять,

Другъ

Другъ другомъ тайно насъ старался изтребить:
Принудилъ Валоа лишиться онъ во мнѣ
Къ спасенью своему послѣднія надежды.
Законъ, сія одна запона лицемѣровъ,
Былъ таинству сему почтеннымъ покрываломъ;
И добродѣтелью притворной хитра Гиза,
Во слѣпотѣ своей народъ разгоряченный
Жаръ гнѣва возпалилъ не вовсе затушенный.
Онъ представлялъ всегда народу возмятенну
Богослуженіе его отцевъ священно,
И предпріятіи презрѣлы иновѣрцевъ;
Описавалъ меня злодѣемъ Богу, церькви;
Вѣщалъ: вездѣ свое онъ сѣетъ заблужденье;
Примѣрамъ слѣдуетъ Бриттанской онъ Царицѣ;
На опроверженныхъ священныхъ вашихъ храмахъ
Соорудить свои онъ хочетъ храмы скверны;
Его священниковъ вы узрите въ Парижѣ!
Услыша таковы ужасныя слова,
За олтари свои народъ вострепеталъ.
До Лувра самаго вопль жалобный промчался.
Коварный заговоръ являясь устрашеннымъ,
Предсталъ передъ Царя отъ Рима съ представленьемъ,
Что воспрещаетъ Римъ ему мнѣ быти другомъ.
Царь безъ роптанія во всемъ повиновался.
Въ тотъ самый часъ, когда я за него стремился,
Услышалъ я что онъ покоренъ заговору,
Къ погибели моей сталъ другъ моимъ злодѣямъ;
И воины его, его въ противность воли,
Уже сбиралися ударить на меня.
Сей слабый Государь, отъ робости единой,
Открывши мнѣ войну мнѣ сдѣлался врагомъ.
О слабости ево я только сожалѣлъ;
И за него мое оружье извлеченно,
Противу самаго его я обратилъ.

По-

Повсюда заговорЪ во Франціи смятенной,
Противу моего стремленья ставилЪ рати;
И, царскихЪ слабостей бурливый исполнитель,
ЖойезЪ противЪ меня со воинствомЪ подвигся.
МоихЪ союзниковЪ, благоразумный ГизЪ,
Не допущалЪ ко мнѢ, иль оныхЪ разгонялЪ.
Врагами сильными отвсюда окруженЪ,
Единый противЪ всѢхЪ я смѢло ополчился.
Я встрѢтилЪ вЪ КутрасѢ сего Жойеза горда.
Плачевное его извѢстно пораженье,
И знаешь ты его нещастливый конецЪ;
Излишни повѢсти мнѢ должно сократить.
Я отрицанію не внемлю твоему,
Ему великая рекла Елисавета.
Не крой ты отЪ меня тѢхЪ славныхЪ приключеній,
Которыя меня удобны просвѢтить,
И во которыхЪ я участіе приемлю.
ВѢщай ты о своихЪ безсмертныхЪ дѢйствіяхЪ;
О брани славной сей, о гибели Жойеза.
ИзЪ устЪ виновника хочу о томЪ я вѢдать,
И можетЪ быть и я достойна оны слышать.
Геройское лице, при слухѢ словЪ толь лестныхЪ,
ЗардѢлось отЪ стыда; и сЪ сожалѢніемЪ
БывЪ паки принужденЪ свою вѢщати славу,
ОнЪ тако продолжалЪ сію плачевну повѢсть.
ИзЪ всѢхЪ наперстниковЪ почтенныхЪ отЪ Царя 4.
Ко-

4. *ИзЪ всѢхЪ наперстниковЪ почтенныхЪ отЪ Царя.* АннЪ, ГерцогЪ ЖойезЪ, имѢлЪ вЪ супружествѢ сестру супруги Генриха третьяго. Во время своего посольства вЪ РимѢ, онЪ былЪ принятЪ, какЪ братЪ королевской. ОнЪ имѢлЪ сердце достойное своего великаго щастія. Однажды, онЪ бывЪ причиною, что два статскіе секретаря, долго дожидалися вЪ побочныхЪ королевскихЪ покояхЪ; вышедЪ, предЪ ними онЪ извинялся и подарилЪ имЪ сто тысячь ефимковЪ, которые Король ему пожаловалЪ. 20 Октября 1587 года далЪ онЪ

Которы льстя ему его владѣли сердцемъ,
Жойезъ произошедъ отъ славнаго здѣсь рода
Монаршей благости былъ всѣхъ достойнѣе.
Онъ добродѣтели имѣлъ въ себѣ велики;
И если бъ смерть ево въ сей брани не постигла,
То безъ сомнѣнія, стараяся о славѣ,
Онъ духъ бы свой къ дѣламъ великимъ приучилъ,
И слава бы его со Гизовой сравнялась.
Но онъ воспитанный до толѣ при дворѣ,
Во нѣдрахъ роскоши, въ объятіяхъ любви,
Представилъ мнѣ въ бою лишь смѣльство безразсудно,
Во юномъ воинѣ излишекъ въ семъ опасенъ.
Привязанны къ его судбинѣ царедворцы,
Оставя сладости изъ нѣгъ на смерть ступали.
Любовны писмена, ихъ нѣжности залоги,
На нихъ блестящую одежду украшая,
Предмѣтовъ ихъ любви являли имена.
Оружье ихъ лучемъ сверкало Адамантовъ,
Не защищеніе, но бренно украшенье.
Въ бою стремительны, бурливы, неискусны,
На многочисленно свое надѣясь войско,
Великолѣпными уборами гордяся,
Приближились ко мнѣ нестройно и въ смятеньи.
Инымъ мой станъ глаза ихъ видомъ поражалъ.
Безъ шума воинство предъ ними протяженно
Угрюмыхъ ратниковъ повсюда имъ являло;
Которые въ войнахъ состарясь и трудахъ,
Привыкнувъ лиши кровь и ранами покрыты,
Оружіе одно имѣли украшеньемъ.

  Одѣянъ

баталію при Кутрасѣ противъ Генриха четвертаго, который тогда былъ королемъ Наварскимъ. Войско Жойезово было сравнено съ Даріевымъ, а воинство Генриха четвертаго съ Александровымъ. Жойезъ былъ убитъ на семъ сраженіи отъ двухъ пѣхотныхъ капитановъ, называемыхъ Бордо и Дессантьеръ.

Одѣянъ какъ они, подобно вооруженъ,
Покрытыхъ пылію я велъ ихъ на сраженье;
Подобно какъ они я презирая смерть
Отъ воиновъ простыхъ тѣмъ только отличался,
Что я предъ оными предшествовалъ всегда.
Я зрѣлъ моихъ враговъ низверженныхъ, разбитыхъ
И пожинаемыхъ косою хладной смерти.
Я съ сожалѣніемъ сей мечь въ ихъ грудь вонзалъ,
Который омочить охотнѣе бъ желалъ
Прегнусной кровію Испанцовъ ненавистныхъ.
Признаться должно мнѣ, всѣ оны царедворцы
Погибши въ юности свирѣпостью меча,
Сражаясь съ храбростью животъ скончали честно;
Въ рядахъ своихъ полковъ неколебимо тверды
На смерть взирали всѣ неустрашимымъ окомъ.
Такова свойства суть Французски царедворцы
И оныхъ мужества покой не ослабляетъ.
Льстецы пренискіе и трусы при дворѣ,
Герои суть они на Марсовыхъ поляхъ.
Я въ брани повелѣлъ хранити жизнь Жойеза,
Но тщетно было то; узрѣлъ его я вскорѣ
Руками воиновъ бездушнаго несома.
Равно какъ нѣжный цвѣтъ разцвѣтшій передъ утромъ,
Прекрасны коего листки Зефиръ цѣлуетъ,
Слезъ каплями своихъ Аврора кой кропитъ,
Блистая краткій часъ безвремянно падетъ
Отъ острія серпа или отъ силы вѣтра.
Почто воспоминать о сей побѣдѣ слезной;
Почто не возмогу изъ мыслей истребить
Сей славы горестной оплакиванной мною.
Я мечь лишь кровію Французовъ обагрялъ;
И слава вся моя сей купленна цѣною
Отчаянна меня ни мало не прельщаетъ;
Мои всѣ лавры суть слезами орошенны!

Сей

Сей бой нещастливый лишь бездну углублялъ,
Изъ коей Валоа изыти вонъ хотѣлъ;
Въ нещастьи онъ своемъ былъ болѣ презираемъ;
Парижъ сталъ менѣе его покоренъ власти
И дерзновеннѣе сталъ гордый заговоръ.
А слава Гизова сугубя скорбь его,
Безчестїе его и бѣдства умножала.
Въ Вимори Гизъ своей рукой побѣдоносной 5.
Разрушивъ воинство Германцовъ гордѣливыхъ,
Надъ ними отомстилъ Жойеза пораженье;
Разбивъ полки моихъ союзныхъ при Оно,
Покрытый лаврами явился онъ въ Парижѣ.
Сей побѣдитель тамъ приятъ какъ нѣкїй богъ.
Совмѣстника сего увидѣлъ Валоа
Къ нему грядущаго во торжествѣ и славѣ,
Который своего владыку оскорбляя
Унизилъ болѣе его своей услугой.

И слабымъ наконецъ стыдъ бодрость подаетъ.
Безчувственъ Валоа былъ тронутъ оскорбленьемъ.
Онъ подданна хотѣлъ рогъ гордости сломить
И павшу власть свою возставити въ Парижѣ.
Но поздно было то; любовь съ подобострастьемъ
Къ нему уже тогда во всѣхъ сердцахъ погасли;
И дерзостный народъ готовый къ возмущенью
Желающа владѣть почелъ его тиранномъ.
Стекаются толпы взволнованна народа;
Вездѣ смятенїе и ропотъ возстаетъ;
Приемлетъ весь Парижъ оружье смертоносно,

---

5. *Въ Вимори Гизъ своей рукой побѣдоносной.* Въ то самое время, когда королевское войско было разбито при Кутрасѣ, Герцогъ Гизъ поступалъ какъ весма искусный полководецъ, противу многочисленнаго войска пришедшаго на помощь Генриху четвертому; долгое время безпокоя и утомляя неприятеля, сразился и побѣдилъ при деревнѣ Оно.

И воинами всѣ мѣщане становятся.
Несмѣтны крѣпости въ минуту сооруженны,
Грозятъ погибелью стѣсненной царской стражи.
С҃ъ лицемъ спокойнымъ Гизъ среди сей грозной бури 6.
Удерживалъ иль влекъ народа ярость буйну;
И возмущенія пружиною онъ правя,
По волѣ своей тѣмъ пресильнымъ тѣломъ трясъ.
Народъ съ свирѣпостью ко Лувру прибѣгалъ.
Лишь слово бъ Гизъ сказалъ, погиблъ бы Валоа;
Но онъ, когда ево въ минуту могъ низринуть,
Доволенъ былъ и тѣмъ, что могъ привесть во трепетъ;
И разъяренныхъ самъ останови стремленье,
Изъ жалости Царю оставилъ волю къ бѣгству.
Симъ образомъ сей Гизъ противъ Царя возсталъ;
И каково бъ ево намѣренье ни было,
Хотя и не дошелъ злодѣйствомъ до тиранна,
Но такъ какъ подданный конечно онъ измѣнникъ.
Монарху своему кто здѣлался ужасенъ,
Не долженъ ничево тотъ болѣе щадить,
Когда не хочетъ самъ низринуться въ погибель.
Гизъ въ предприятіяхъ великихъ утвержденный,
То зналъ, что долженъ онъ злодѣйство окончать;
И что надъ пропастью высоко вознесенный,
Коль на сѣдалищѣ престола онъ не сядетъ,
То будетъ долженъ онъ на мѣстѣ казни пасть.
Ставъ самодержецомъ взволнованна народа,
И сердце дерзостью питая и надеждой,
Отъ Рима подкрѣпленъ, Иверцами поддержанъ,
Имѣя отъ своихъ онъ сильныхъ братьевъ помощь,
Французами почтенъ, любимъ и обожаемъ,

Сей

6. *Съ лицемъ спокойнымъ Гизъ среди сей грозной бури.* Герцогъ де Гизъ въ сей день смятенія былъ тѣмъ однимъ доволенъ, что обезоружа гвардію Генриха третьяго отослалъ ее къ нему обратно.

Сей гордый подданный успѣхами надмѣнный, 7.
Хотѣлъ тѣ времена позорны возвратить,
Какъ первыхъ королей, во Франціи владѣвшихъ,
Потомки слабые отверженны отъ трона
Подъ чернымъ клабукомъ вѣнецъ скрывали царской;
И тайно жалуясь монастыря во мракѣ,
Своимъ мучителямъ свой скипетръ оставляли.

Изгнанный Валоа отмщенье отлагая
Въ то время, во Блоа чины собравши царства,
Въ совѣтахъ разсуждалъ правленья о порядкѣ.
Извѣстно, каковы сіи совѣты были;
Уставы были тамъ положены такіе,
Безъ исполненія которые остались.
Красноглаголанье безплодно депутатовъ,
Описывало тамъ вотще всю нашу горесть.
Совѣтовъ таковыхъ обыкновенно слѣдство,
Знать наши всѣ бѣды и ихъ не утѣшать.

Въ собраніе сіе Гизъ съ гордостью вошелъ,
Монарха своего имъ столько оскорбленна
Присутствіемъ своимъ еще унизить болѣ.
Онъ близъ престола сѣлъ; въ своей увѣренъ силѣ

 На

7. *Сей гордый подданный успѣхами надмѣнный.* Кардиналъ де Гизъ братъ Герцога де Гиза часто говаривалъ, что онъ надѣется скоро держать голову Генриха третьяго между ногъ своихъ, для возложенія на него монашескаго вѣнца. Сіе намѣреніе было такъ извѣстно, что нѣкто ко вратамъ Лувра прибилъ слѣдующія два Латинскіе стиха:

Qui dedit ante duas, unam abstulit, altera nutat.
Tertia tonsoris est facienda manu.

Что въ рукописныхъ запискахъ покойнаго Г. де Мема, перваго Президента Парижскаго парламента, такъ переведено: Валоа, который женщинъ не любитъ, имѣлъ два Царскія вѣнца, вскорѣ его великое благоразуміе лишило ево единаго. Благодаря ево подвигамъ немедлѣнно и другой съ главы ево спадетъ. Но ножницы на мѣсто тѣхъ двухъ вѣнцовъ выстригутъ ему третій.

На депутатовъ сихъ какъ на рабовъ взиралъ.
Тиранну преданна толпа ихъ недостойна,
Хотѣла ужь ему вручить монаршу власть;
Но Валоа тогда робѣти утомленный,
Приялъ намѣренье отмстити и владѣть.
Пренебрегающїй его совмѣстникъ гордый,
Въ надменности своей гнѣвъ царской презирая,
И столько твердости не чаялъ быти въ немъ,
Чтобъ умертвить его осмѣлиться онъ могъ.
Рокъ умъ его смутилъ и часъ его пришелъ.
Самъ Царь его велѣлъ заклати предъ собою.
Мечами прободенъ Гизъ духъ свой испустилъ; 8.
Но гордости своей не уронилъ и въ смерти:
Сей видъ, котораго страшился Валоа,
Чело покрытое уже смертельнымъ мракомъ,
Казалось своему владыкѣ угрожаетъ.
Вотъ какъ сей сильный рабъ свою окончалъ жизнь,
Соборище добротъ великихъ и пороковъ.
А Царь, котораго державы онъ лишалъ,
Какъ гнусно то терпѣлъ, такъ гнусно и отмстилъ.
Сей скоро страшный слухъ разнесся по Парижу,
Народъ во ужасѣ наполнилъ воздухъ воплемъ;
Смятенны старики, отчаянныя жены
Рыдая Гизовы объемлютъ истуканы.
Въ семъ крайнемъ бѣдствїи стремится весь Парижъ
Отмстити за отца и защитити церковь.
Народа посреди, братъ страшный мертва Гиза,
Майеннъ ко мщенїю гражданъ всѣхъ поощряетъ;
Не столь отъ жалости, колико для корысти,

Онъ

8. *Мечами прободенъ Гизъ духъ свой испустилъ.* Онъ былъ умерщвленъ во Блоа въ королевскихъ покояхъ, въ среду 23 Декабря 1588 года, Лоньякомъ дворяниномъ Гасконскимъ и нѣсколькими изъ Гвардїи Генриха третьяго. Король самъ роздалъ имъ кинжалы, коими Герцогъ былъ пораженъ.

Онъ злобы лютый жаръ повсюда воспаляетъ.

Изъ давна сей Майеннъ воспитанный въ тревогахъ 9.
Подъ властью воевалъ высокомѣрна Гиза;
Намѣренїй его и славы онъ преемникъ,
Сей скипетръ восприялъ кичлива заговора.
Сїе величїе и безпредѣльна власть,
Которые давно его прельщали сердце,
Въ паденїи его высокопарна брата,
Властолюбивый духъ безтрудно утѣшали.
Со огорченьемъ онъ покорствовалъ всегда.
Днесь лутче нравится Майенну гордѣливу,
За брата отомщать, какъ быть ему подвластнымъ.
Я признаюсь, что онъ геройскїй духъ имѣетъ;
Своею хитростью подъ иго онъ свое
Умѣетъ наклонять сердецъ различну склонность:
Умѣетъ уловлять коварствъ своихъ во сѣти
Гонителей Царя, рабовъ своихъ тиранновъ;
Онъ зная нравы ихъ употребляетъ въ пользу,
И выгоды изъ бѣдъ не рѣдко получаетъ.
Блистаньемъ большимъ Гизъ всѣхъ очи омрачалъ,
Онъ больше былъ герой, но не былъ больше страшенъ.
Царица! вотъ каковъ сей славный толь Майеннъ.
Колико заговоръ твердъ разумомъ его,
Толико храбростью своей д'Омалъ прегордый 10.
Ко брани всѣхъ сердца воспламеняетъ жаромъ;
Непобѣдимаго нося до нынѣ имя,
Поборниковъ своихъ д'Омалъ есть твердый щитъ;

Двумя

9. *Изъ давна сей Майеннъ воспитанный въ тревогахъ.* Герцогъ де Майеннъ, братъ Балафрея убитаго въ Блоа, долгое время завидовалъ щастїю своего старшаго брата. Онъ имѣлъ всѣ великїя качества брата своево и почти такой же въ трудахъ неутомимый духъ.

10. *Толико храбростью своей д'Омалъ прегордый.* Смотри о немъ примѣчанїе въ четвертой пѣсни.

Двумя героями крѣпится заговорѣ;
Майеннѣ его душа, д'Омалѣ его рука.
Фламандцовѣ между тѣмѣ коварный притѣснитель,
Союзникѣ вредный сей, тираннѣ сей благовѣрный,
Сей Царь, котораго лишь вѣ хитрости вся сила,
Властитель сей твой врагѣ и мой злодѣй лютѣйшій,
Филиппѣ вступаяся за дерскаго Майенна, 11.
Возставши противѣ насѣ злодѣйство защищаетѣ;
А Римѣ, котораго вѣ томѣ должность состоитѣ,
Чтобѣ злобу укрощать порочныхѣ человѣковѣ,
Священный Римѣ свѣщи раздора воспаляетѣ. 12.
Кто нарицается отцемѣ всѣхѣ Христіянѣ
Убійства лютый ножь своимѣ сынамѣ вручаетѣ.
Сѣ концевѣ вселенныя, кѣ погибели Французовѣ,
Всѣ бѣдства наконецѣ столпилися вѣ Парижѣ.
Отѣ всюда удрученѣ, безѣ подданныхѣ властитель,
Увидѣлѣ Валоа, оставшись беззащитенѣ,
Что силѣ моихѣ ему была потребна помощь.
Передо мною онѣ кѣ прошенью уклонился.
Не обманулся онѣ, что я великодушенѣ.
Бѣдами общества мое крушилось сердце;
Напасть отечества весь гнѣвѣ мой утолила.

Забывши

---

11. *Филиппѣ вступаяся за дерзкаго Майенна.* Филиппѣ второй, Король Испанской, сынѣ Карла пятаго Ево называли демономѣ полуденнымѣ для тово, что онѣ смущалѣ спокойствіе всея Европы, вѣ которой Испанія лежитѣ на полдень. Онѣ прислалѣ заговору сильную помощь, вѣ намѣреніи доставить Французскую корону Инфанту Клаиру Евгенію, или какому иному Князю своей крови.

12. *Священный Римѣ свѣщи раздора воспаляетѣ.* Римскій дворѣ Гизами обольщенный и преданный тогда Испаніи, кѣ погибели Франціи всѣ свои силы употреблялѣ. Григорій третій надесять помогалѣ заговору войскомѣ и денгами; Сикстѣ пятый началѣ свое владѣніе великими, но кѣ щастію безполезными наглостями противу дома королевскаго, какѣ то видно вѣ одномѣ изѣ примѣчаній кѣ первой пѣсни.

Забывши въ немъ врага лишь сродника я зрѣлъ;
И Царь за царскія права тотчасъ вступился;
Я тѣмъ исполнилъ то, что должность мнѣ велѣла.
Безъ договора я пришедъ и безъ залога, 13.
Твой жребій, рекъ ему, во мужествѣ твоемъ;
Приближась ко стѣнамъ бунтующаго града
Намъ должно побѣдить иль умереть конечно.
Царь духъ свой упоилъ гордыней благородной.
Я не тщеславлюся, чтобъ я своимъ примѣромъ,
Великодушіе въ него вдохнути могъ;
Конечно бѣдствіе въ него вліяло бодрость.
Унизившей его онъ нѣгой возгнушался;
Испорченъ духъ его исправили напасти,
И часто бѣдствіе есть нужно для Царей.

Толико въ повѣсти былъ искрененъ Бурбонъ.
Межъ тѣмъ онъ Агличанъ дать помощь побуждаетъ.
Уже съ высокихъ стѣнъ бунтующаго града,
Побѣды звучный гласъ въ свой станъ ево зоветъ.
Тьма юныхъ Агличанъ послѣдуютъ за нимъ,
Снискать во бранѣхъ честь, преплыть моря готовы.
Ессексъ ихъ вождь, Ессексъ, котораго рукою, 14.

Ж Кичли-

---

13. *Безъ договора я пришедъ и безъ залога.* Генрихъ четвертый тогда, король Наварскій, пріѣхалъ въ Туръ на свиданіе съ Генрихомъ третьимъ, въ провожаніи одного только пажа, не взирая на сильныя прозьбы своихъ старыхъ офицеровъ, которые страшилися, чтобъ онъ тамъ не встрѣтилъ для себя другова дня св: Варѳоломея.

14. *Ессексъ ихъ вождь, Ессексъ, котораго рукою.* Робертъ де Дрезъ, графъ д'Ессексъ славный завоеваніемъ Кадикса у Испанцовъ, нѣжностію къ нему королевы Елисаветы и плачевною кончиною своею приключившеюся ему въ 1601 году. Онъ у Испанцовъ отнялъ Кадиксъ и нѣсколько разъ побивалъ ихъ на морѣ. Въ 1590 году дѣйствительно королева Елисавета прислала ево на помощь Генриху четвертому. Онъ предводительствовалъ 5000 человѣкъ войска.

Кичливость свержена прегордыхъ Кастилланов.
Не думалъ онъ тогда, чтобы судьба позорна
Могла затьмить когда его сіянье славы.
  Въ нетерпѣливости Бурбонъ ево не ждетъ
И алча побѣдить готовится къ отъѣзду.
Гряди герой, гряди, рекла ему Царица,
И ратники мои послѣдуя тебѣ
Морей бездонныя пучины преплывутъ;
Они не Валоа, тебѣ подвластны будутъ;
Тебѣ ихъ дружество мое препоручаетъ.
Въ срединѣ брани ты увидишь ихъ текущихъ
Не помогать тебѣ, но только подражать.
Во знаньи побѣждать наставлены тобою,
Они научатся и Англіи служить.
Подайте небеса, чтобъ лютый заговоръ
Твоей рукой попранъ преобратился въ прахъ!
Испанцы гордые Майенну помогаютъ
И Римъ противъ тебя проклятіе готовитъ;
Ступай и гордости Испанской рогъ сотри;
Пустова Римскаго ты грома не страшися.
Низвергнувъ гордость ты и Сикста и Филиппа
Народамъ возврати отъятую свободу.
  Владѣнья своего отца Филиппъ преемникъ,
И меньше и слабѣй его, но столькожъ хитръ,
Чтобъ въ узы ввергнути, своихъ сосѣдей ссоря,
Миръ любящимъ себя всѣмъ показать желаетъ,
Въ чертогахъ заключенъ среди своихъ вельможъ,
Вселенную себѣ онъ мыслитъ покорить.
  Изъ праха низости на тронъ возшедшійĀkстъ, 15.

СЪ

---

15. *Изъ праха низости на тронъ позшедшій Сикстъ.*Никстъ пятый, родился въ Гротахъ въ Ламаншѣ д'Анконѣ, отъ нѣкоего бѣднаго содержателя виноградовъ именемъ Перепти. Онъ былъ человѣкъ, котораго безпокойный духъ равнялся съ притворною его набожностію. Будучи монахомъ Францискан-

Съ меньшею силою гордѣйшїй духъ имѣетъ;
Монталтскїй пастырь сей соперникъ сталъ монархамъ.
Онъ хощетъ властвовать какъ въ Римѣ, такъ въ Парижѣ;
Надутый пышностью трoякой дїадимы,
Все хощетъ покорить и самаго Филиппа.
Насильственъ онъ и хитръ, притворщикъ и лукавецъ;
Могущихъ онъ злодѣй и слабыхъ притѣснитель;
Онъ вкругъ меня самой лукавства сѣти ставилъ,
И свѣтъ обманутый его коварствомъ полонъ.

Противу сихъ моихъ злодѣевъ ополчися.
Противъ меня Мадритъ и Римъ вооружились;
Единъ вотще возставъ противу насъ и бурь
Разметанъ и разбитъ оружьемъ и волнами, 16.
И ратниковъ его еще видна здѣсь кровь:
Другой въ молчанїи, во Римѣ пребывая,
Страшась меня, мою державу почитаетъ.

Дерзай противу сихъ смутителей вселенной.
Когда Майеннъ падетъ, то Римъ тогда смирится;
И мужество твое удобно возбудить
Въ немъ страшну ненависть или его преданность.

Ж 2 Онъ

скимъ прибилъ онъ племянника начальника своего и поссорился со всѣмъ своимъ орденомъ. Когда онъ былъ въ Венецїи инквизиторомъ, то причинилъ тамъ такїя замѣшательства, что принужденъ былъ спастися бѣгствомъ. Будучи Кардиналомъ сочинилъ онъ на Латинскомъ языкѣ Буклу проклятїя, изданную Папою Пїемъ пятымъ противу королевы Елисаветы. Однако онъ почиталъ сїю королеву и называлъ ее великою Государынею.

16. *Разметанъ и разбитъ оружьемъ и волнами.* Сїе приключенїе еще было ново въ то время; ибо Генрихъ четвертой здѣсь представленъ въ тайномъ свиданїи съ королевою Елисаветою въ 1589 году; а предъ симъ въ прошедшемъ году многочисленный флотъ Филиппа втораго, посланный для завоеванїя Англїи, разбитъ Адмираломъ Драке и разсѣянъ бурею.

Онъ гордъ, неукротимъ противу побѣжденныхъ,
Но побѣдителямъ являетъ онъ покорство;
Готовъ проклять тебя, готовъ и разрѣшить;
Ты молнїю его твоей одной рукою
Возможешь и возжечь и можешь потушить.

Конецъ третїей пѣсни.

ПѢСНИ

ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

д'Омалъ едва не овладѣлъ станомъ Генриха третьяго; но герой возвратясь изъ Англіи сражается съ бунтовщиками и щастіе перемѣняетъ. Раздоръ утѣшаетъ Майенна и летитъ въ Римъ для испрошенія помощи. Описаніе Рима, гдѣ царствовалъ Сикстъ пятый. Раздоръ находитъ тамъ политику и съ нею возвращаяся въ Парижъ возмущаетъ Сорбону. Поощряетъ совѣтъ составленный изъ шестинадесяти старцевъ противу парламента и вооружаетъ монаховъ. Предаютъ на казнь совѣтниковъ держащихъ сторону царскую. Смятеніе ужасное въ Парижѣ.

Въ то время, какъ Бурбонъ бесѣдуя съ Царицей,
Сіи событіи плачевны возвѣщалъ;
И углубляяся въ толь важныя дѣла,
Во разсужденіе они вдавались оба,
Какъ славно обладать и какъ смирять враговъ,
Узрѣла на брегахъ трепещуща Секвана
На вѣтеръ пущены знамена заговора.
Смущенный Валоа, разставшися съ Бурбономъ
Вступить съ врагами въ бой отважиться не смѣетъ.
Во нерѣшимости ему нужна подпора;
Онъ ждетъ Бурбона, съ нимъ надѣясь побѣдить.

 Но

Но симъ медлѣнїемъ взгордился заговоръ:
Тотчасъ полки его выходятъ изъ Парижа.
Предерзостный д'Омалъ, и съ нимъ Бриссакъ, Немурсъ,
Свирѣпѣйшїй Сенполь, ла Шатръ и Канильякъ,
Неправедной страны поборники прехрабры,
Страшили Валоа своимъ успѣхомъ быстрымъ;
И Царь раскаянье удобный ощущать
Жалѣлъ, что Генриха на время удалилъ.

Межь ратниковъ, враговъ владыки своево,
Жойезовъ братъ въ бояхъ казался долго время. 1.
Монжа и воинъ онъ, кой часто преходилъ,
Изъ свѣта въ монастырь и паки ко двору;
То въ покаянїе, то въ роскошь повергаясь,
Попеременно бывъ пустынникъ, царедворецъ;
То брони воздѣвалъ, то паки власеницу.
Отъ олтарей, его слезами орошенныхъ,
Стремился возжигать онъ ярость заговора,
И кровью обагрялъ онъ самую ту руку,
Котору посвящалъ предвѣчному Творцу.

Но кто изъ воиновъ и гордыхъ и ужасныхъ

Чрезъ

---

1. *Жойезовъ братъ въ бояхъ казался долго время.* Генрихъ графъ де Бушажъ, братъ Герцога де Жойеза, убитаго при Кутрасѣ.

Нѣкогда въ Парижѣ, въ четыре часа по полуночи, препроводя онъ всю ночь въ сладострастїи, шелъ мимо Капуцинскаго монастыря, внезапно вообразилося ему, будто Ангели поютъ заутреню въ монастырѣ. Будучи пораженъ сею мыслїю, вступилъ онъ въ орденъ Капуциновъ подъ именемъ брата Ангела. Послѣ оставилъ онъ монашескую рясу и принялъ оружїе противу Генриха четвертаго. Герцогъ де Майеннъ здѣлалъ ево губернаторомъ Лангедокскимъ, Дюкомъ, перомъ и маршаломъ Францїи. Послѣ примирился онъ съ королемъ, который однажды стоя съ нимъ на балконѣ, въ низу котораго было множество народа, сказалъ ему: (братецъ кажется народъ весьма радъ видя вмѣстѣ двухъ отступниковъ) Тронутый симъ словомъ, вступилъ онъ опять въ свой монастырь, гдѣ и окончалъ вѣкъ свой.

Чрезъ униженіе помазанника власти
Всѣхъ болѣе хвалу порочну заслужилъ?
То былъ ты юный князь д'Омалъ подобный бури; 2.
Ты племя славное отъ крови Лотарингской;
Ты сопостатъ Царей, законовъ и покоя.
Онъ юношей толпой всегда препровождаемъ,
Какъ огнь снѣдая все стремился по полямъ.
То съ страшнымъ шумомъ, то въ молчаніи глубокомъ,
При солнечныхъ лучахъ, во мракѣ темной ночи,
Во вражескомъ стану онъ ужасъ разсѣвалъ,
И осаждающихъ потоками лилъ кровь.
Въ одной изъ браней сихъ онъ славой обуянъ
До Царскіихъ шатровъ съ оружіемъ промчался.
Тьма ночи и расплохъ смятенье умножали.
Все уступало, все и гибло и дрожало.
Бурливый сей потокъ, въ своемъ стремленьи мрачномъ
Шумя, волной своей все хощетъ поглотить.
Уже свѣтило дня лучи свои являло.
Владыкѣ своему предшествуя Морней,
Ужъ горды башни зритъ бунтующа Парижа.
Незапно слухъ его шумъ страшный поражаетъ;
Спѣшитъ и видитъ онъ въ ужаснѣйшемъ нестройствѣ
Станъ Валоа и станъ Бурбона самаго.
„О небо! вотъ вы какъ сражаетесь безъ насъ!
„Ужъ Генрихъ ближится, онъ здѣсь, а вы бѣжите!
Отъ грома оныхъ словъ подобно такъ какъ вдревле,
У Капитоліи стѣнъ Римскихъ основатель
Сабинцовъ воинствомъ отвсюда удрученный,

Зевеса

---

2. *То былъ ты юный князь д'Омалъ подобный бури.* Кавалеръ д'Омалъ, братъ Герцога д'Омала изъ дома Лотарингскаго, человѣкъ молодой, бурливый, имѣющій блистательныя качества; онъ во все время осады Парижа предводительствовалъ на вылазкахъ и внушалъ въ сердца жителей свое мужество и довѣренность.

Зевеса именемъ гражданъ остановилъ;
Такъ слыша Генриха возлюбленное имя,
Вспять возвращаются Французы ободренны;
Ихъ сердце стыдъ грызетъ; стремятся и кричатъ:
Да придетъ сей Герой, да придетъ, побѣдимъ!
Тогда въ срединѣ ихъ явяся самъ Бурбонъ,
Блеститъ какъ молнія среди грозы жестокой,
И въ первыхъ онъ рядахъ предъ ними становится;
Сражается и всѣ послѣдуютъ ему;
Въ минуту онъ тогда судьбу перемѣняетъ,
И молнія въ глазахъ, а смерть въ его рукахъ.
Вожди въ округъ ево сугубятъ брани жаръ.
Побѣда предстоитъ; скрываются злодѣи,
Какъ солнца отъ лучей блестящи въ небѣ звѣзды.
Вотще д'Омалъ своихъ стремится удержать;
Бѣгущихъ ихъ на часъ стопы остановляетъ;
Но нудитъ паки ихъ бѣжать Бурбоновъ гласъ.
Со грознаго чела ихъ ужасъ поражаетъ;
Вожди спрягаютъ ихъ, а страхъ ихъ рассыпаетъ.
Бѣгущей ихъ толпой влечется самъ д'Омалъ;
Какъ съ высоты горы, покрытой вѣчнымъ льдомъ,
Растаявшихъ снѣговъ съ ревущимъ въ низъ потокомъ,
Отторгшися падетъ грозившій тучамъ камень.

Но что? остановясь еще врагамъ онъ кажетъ,
Чело, которое толь долго страшно было.
Изторгшись изъ толпы влекущія ево,
Стыдяся жить, опять стремится на сраженье
И побѣдителя на часъ остановляетъ;
Но онъ толпой враговъ въ минуту окруженъ.
Ево за дерзость смерть готовилась карать.
Раздоръ увидѣлъ то и зря вострепеталъ.
Мучителю сему его животъ полезенъ.
Летя по воздуху спѣшитъ ему на помощь;
Приближася тотчасъ д'Омала закрываетъ

Не-

Непроницаемымъ своимъ щитомъ железнымъ,
Который властвуетъ надъ смертiю самой,
Который ужасомъ и страхомъ окруженъ.
О! чадо тартара, раздоръ неумолимый,
Ты въ первый разъ еще спасителенъ явился!
И въ первый разъ еще избавилъ ты героя,
Той самою рукой, орудьемъ хладной смерти,
Рукою варварской къ злодѣйству приобыкшей,
Котора никогда пощады не давала.
Раздоръ влечетъ его Парижа ко вратамъ
Окровавленнаго и ранами покрыта,
Которыхъ онъ въ жару не чувствовалъ сраженья.
Болѣзни онъ его старается смягчити;
Остановляетъ кровь текущу за него;
Но въ тотъ же часъ, когда его онъ жизнь крѣпитъ,
Онъ ядъ смертельный свой въ его вливаетъ сердце.
Подобно какъ тираннъ въ свирѣпости своей
Преступника на часъ казнь смертну отлагаетъ,
Велитъ служить своимъ злодѣйствамъ сокровеннымъ
И по свершенiи его во гробъ ввергаетъ.

Побѣдой пользуясь Бурбонъ благоразумный,
Которою его рокъ храбрость увѣнчалъ;
И знаючи въ войнѣ онъ цѣну времени,
Стремится притѣснить злодѣевъ пораженныхъ;
По брани хощетъ онъ къ приступамъ подвизаться;
Погибель онъ враговъ въ округъ оградъ чертитъ.
Надежду Валоа взлагая на него
И мужествомъ его всечасно подкрѣпляемъ,
Примѣры славные приемля отъ героя,
Собою воинамъ примѣры подаетъ,
И въ тяжкихъ подвигахъ противу бѣдствъ дерзаетъ.
Военные труды бываютъ спряжены
Не рѣдко съ радостью, опасность со приятствомъ.
Согласны всѣ вожди, все щастливо течетъ:

 И

И вскорѣ ужасомъ предъ ними предъидущимъ,
Разсыпаны толпы дрожащихъ осажденныхъ,
Готовятся узрѣть разбиты града стѣны.
Что дѣлать, что начать въ такомъ Майенну бѣдствѣ?
Народъ стонающій есть воинство его.
Тамъ дочь слезящая родителя не зря
О участи отца Майенна вопрошаетъ.
Тамъ братъ отчаянный надъ гробомъ брата плачетъ.
Бѣдъ будущихъ страшась о настоящихъ стонутъ;
И тѣло оное обширно и пространно,
На части раздѣлясь не можетъ сѣединиться.
По всюду сонмища, въ собраньяхъ совѣщаютъ:
Имъ должно ли бѣжать? имъ должно ль покориться?
Въ смятеніи никто не хочетъ защищаться.
Вотъ како чернь слаба въ своемъ непостоянствѣ,
Впадаетъ въ смертный страхъ по дерзости безмѣрной.
Отъ злости трепеща Майеннѣ на нихъ взираетъ,
И въ нерѣшимости колеблемъ тьмою мыслей,
Не вѣдаетъ того, что должно предприять;
Какъ вдругъ раздоръ къ сему герою приступаетъ.
Потрясши на главѣ свистящими змїями,
Гремящимъ голосомъ ему сїе вѣщаетъ:
Преемникъ имени ужаснаго Французамъ,
О ты, котораго со мной спрягаетъ мѣсть,
Питомецъ мой въ моемъ законѣ поученный,
Услыши голосъ днесь владыки твоего.
Народа не страшись ты вѣтренна и буйна;
Нещастье малое ослабило въ немъ духъ.
Въ моихъ рукахъ сердца сей черни коловратной.
Ты скоро узриши ее во изступленьи,
Намѣреньямъ твоимъ текущую на помощь,
Моею желчїю до сыта упоенну,
Остервѣнѣвшую отъ ярости моей
И дерзостно на смерть летящую съ весельемъ.

Оконча

Оконча рѣчь раздоръ быстряе молніи
Поля воздушныя крилами разсѣкаетъ.
Повсюда Франція съ опустошеньемъ смерть,
Прельщеннымъ видомъ симъ, его очамъ являетъ.
Изъ челюстей его дыханье смертоносно
Неплодіемъ поля повсюда заражаетъ.
Тамъ гибнутъ сѣмена своихъ лишенны соковъ;
Тамъ класы по земли простерты изтлѣваютъ;
Темнѣютъ небеса и звѣзды погасаютъ;
А молнія подъ нимъ своимъ ужаснымъ ревомъ
Живущимъ на земли погибель возвѣщаетъ.
Вихрь быстрый мчитъ его къ долинамъ плодоноснымъ,
Которы Еридань волнами орошаетъ.
Онъ видитъ наконецъ великолѣпный Римъ;
Римъ прежде храмъ его и ужасъ человѣковъ,
Котораго судьба и въ мирѣ и въ войнѣ,
Чтобы вселенной всей законы подавать.
Онъ прежде мышцею своею бранноносной
Со троновъ сверженныхъ Царей ввергалъ во узы;
Орлу его весь миръ со страхомъ поклонялся;
Но нынѣ властію кротчайшею онъ правитъ
И побѣдителей самихъ обуздавая,
Умами властвуя, господствуетъ сердцами.
Проклятіе ево его одно оружье.
Близъ Капитолїи, сего героевъ зданья,
Великолѣпія и пышностей остатковъ,
Тамъ на развалинахъ и Марса и Беллоны,
На тронѣ Кесарей сѣдитъ первосвященникъ.
Монахи щастливы спокойно попираютъ
И прахъ Емилія и гробъ Катона тверда.
Тамъ тронъ на олтарѣ; и самовластіе
Владыкѣ подаетъ кадильницу и скипетръ.
Тамъ церкви Богъ своей воздвигнулъ основанье,
Гонимой иногда, а иногда во славѣ;

И тамъ со истинной его апостолъ первый
Съ смиренїемъ вводилъ невинну простоту.
Преемники его послѣдуя ему
Тѣмъ болѣ почтены, чемъ болѣ унижались.
Чело ихъ тщетнаго не занимало блеска;
И бѣдность ихъ всегда крѣпила добродѣтель.
Алкая только лишь единыхъ оныхъ благъ,
Которыхъ истинный желаетъ Христїанинъ,
Изъ хижинъ, нищетой украшены своей,
Стремились восприять страдальческїй вѣнецъ;
Но портящее все въ своемъ теченьи время
И нравы такъ же ихъ въ послѣдокъ премѣнило;
И гнѣвны небеса, чтобъ смертныхъ наказать,
Къ величїю ихъ духъ и славѣ привязали.

Тогда былъ Securityстъ Царемъ надъ церковью и Римомъ; 3.
И ежели, чтобъ быть великимъ человѣкомъ,
Довольно лишь того, чтобъ лживу быть и страшну,
Securityстъ можетъ быть почтенъ въ числѣ Царей великихъ.
Онъ хитростью взошелъ величїя на верхъ;
Пятнатцать цѣлыхъ лѣтъ умѣлъ онъ сокрывать
И добродѣтели и всѣ свои пороки;
Алкая честь сїю казался презирати,
Степени вышняго являлся недостойнымъ,
Чтобъ униженїемъ достигнуть до него.

Подъ сѣнїю его самодержавной власти,
Въ огромномъ зданїи пространна Ватикана,
Одна политика дѣлами управляла,
Корысти гнусныя и честолюбья дщерь,

Отъ

3. *Тогда былъ Сикстъ Царемъ надъ церковью и Римомъ.* Сикстъ пятый во время пятнатцатилѣтняго своево Кардинальства, такъ искусно умѣлъ притворяться несмысленнымъ, что его обыкновенно называли осломъ Анконскимъ. Извѣстно, какою хитростїю онъ достигъ до Папскаго престола и съ какимъ высокомѣрїемъ державствовалъ.

Отъ коей родились обманъ и оболщенье.
Чудовище сїе коварствомъ изобильно,
И попеченїемъ снѣдаемо всечасно,
Очамъ всѣхъ кажется и просто и спокойно;
И очи бдящїе ея, враги покоя,
Сквозь мрачность тайностей сокрытыхъ проницая;
Приятства никогда не ощущали сна.
Она пронырствами и хитрымъ обольщеньемъ,
Всегда мрачитъ глаза Европы возмущенной.
Ложь тонка царствуетъ во всѣхъ ея рѣчахъ;
Чтобъ лутче скрыть свое безмѣрное коварство,
Заемлетъ за всегда гласъ истинны самой.
Лишь только зрѣнїю ея предсталъ раздоръ,
Спѣшитъ она его объять съ лукавымъ видомъ,
Съ улыбкой злобною она его ласкаетъ;
Потомъ приявши вдругъ печальное лице,
Вѣщаетъ: тѣ прошли блаженны времена,
Какъ мной прельщенны мнѣ народы покланялись;
Какъ легковѣрная Европа мнѣ покорна,
Закона моего съ святымъ закономъ церкви,
Во слѣпотѣ своей не смѣла различать.
Бывало, голосъ мой лишь только раздавался,
Въ минуту Царїе и князи униженны
Дрожа къ ногамъ моимъ со трона повергались.
По волѣ на земли войну я воспаляла;
И громъ бросала я съ вершины Ватикана;
Я правила одна и жизнїю и смертью;
Давала царства я и царства отнимала.
Не то ужъ время днесь; сенатъ Французовъ лютый, 4.

4. *Не то ужъ время днесь; сенатъ Французовъ лютый.* Извѣстно, что во время войны третьягонадесять столѣтїя, между Императорами и Папами Римскими, Григорїй девятый дерзнулъ, не только проклятїю предать Императора Фридриха втораго, но еще и предлагалъ въ даръ Императорской

Тѣ гаситъ молнїи, которыя бросаю.
Наполненъ истинной ко церкви онъ любовью,
И ненавидячи единую меня,
Снимаетъ мира съ глазъ завѣсу заблужденья;
Онъ первый снявъ съ меня прельщающу личину
Отмстилъ за истинну, подъ образомъ которой
Такъ долго я скрывать свое лице дерзала.
О еслибъ я могла, раздоръ тебѣ служа,
Прельстити сей сенатъ или его бъ сразити!
Да воспалятъ мой громъ твои свѣщи ужасны.
Начнемъ отъ Францїи опустошати землю.
Да свергнутся Цари опять въ оковы наши.
Пойдемъ. рекла сїе и воздухъ разсѣкаетъ.

Далеко отъ суетъ мимо текуща свѣта
И утхлыхъ пышностей великолѣпна Рима,
Людскимъ надмѣнностямъ сихъ храмовъ посвященныхъ,
Въ пустыняхъ крояся смиренна, кротка вѣра,
Въ глубокой тишинѣ съ предвѣчнымъ обитаетъ.
Межь тѣмъ какъ именемъ ругаяся ея,
Тиранны злость свою ея завѣсой кроютъ,
И лентїей ея мрачатъ глаза народа,

Въ

вѣнецъ Роберту, брату святаго Лудовика: но Парламентъ Францускої собравшися отвѣчалъ именемъ короля: Что дерзко для Папы лишать власти самодержавца, и низко для брата короля Францускаго получить отъ рукъ Папскихъ корону, на которую ни онъ, ни святой Петръ никакова права не имѣли. Въ 1580 году Парламентъ издалъ славное опредѣленїе противу буллы in coena domini.

Извѣстны славныя его возраженїи во время царствованїя Лудовика первагонадесять, по причинѣ Прагматическаго постановленїя; такъ же и тѣ, которыя онъ учинилъ при Генрихѣ третьемъ, противу соблазнительной Буллы Сикста пятаго, въ коей онъ имянуетъ королевской домъ, нечестивымъ порожденїемъ и проч. Извѣстна такъ же и Парламентская неколебимая твердость въ поддержанїи вольности Францїи противу намѣренїй Папскаго двора.

ВЪ терпѣнiи она благословляетЪ ихЪ,
И тайно молится за оскорбителей;
БезЪ украшенiя сама собой прелестна,
Она свою красу скрываетЪ завсегда
ОтЪ лицемѣрныхЪ глазЪ несносныя толпы,
Котора у ея священныхЪ олтарей,
ЗабывЪ Создателя, приноситЪ жертву щастью.
 Горя ко Генриху любовiю святою,
Сiя небесна дщерь чрезЪ откровенья Бога,
ПредвидитЪ время то, вЪ которое она,
Отмстя за олтари закона благовѣрна,
УсыновитЪ сего великаго героя.
Она Бурбона чтитЪ сей участи достойнымЪ,
И воздыханiи сердечные ея,
Блаженный оный день усердно призывали.
ВЪ тотЪ часЪ политика сЪ раздоромЪ лютосердымЪ,
На освященную соперницу свою,
КакЪ вихри бурныя свирѣпо нападаютЪ;
Она слезящiя возводитЪ кЪ Богу очи.
ЧтобЪ испытать ея, свою отъемля руку,
Ея Превыспреннiй ихЪ злобѣ предаетЪ.
Чудовища сiи гонители ея,
На скверную главу воздѣвЪ святыя кровы,
Ея одеждою, почтенною отЪ смертныхЪ,
Скрывая страшное и гнусно свое тѣло,
Стремятся во ПарижЪ злой умыслЪ совершитЪ.
 ВсѣхЪ обольщающа Политика коварна,
Прокрадывается вЪ нутрь древнiя Сорбоны.
ТамЪ было сборище почтенныхЪ мудрецовЪ,
Истолкователей небесной истинны;
Которые до толь, примѣры Христiанства,
КЪ богослуженiю усердны своему,
КЪ помазаннымЪ храня неколебиму вѣрность,
Непроницаемы стрѣлами всѣ соблазна,

Во

Во непорочности свою хранили душу.

О! твердость бренная преслабыхъ человѣковъ!
Сїе чудовище своимъ прелестнымъ гласомъ
Великодушїе и мудрыхъ потрясло.
Высокомѣрнѣйшимъ, изъ сихъ почтенныхъ старцевъ
Оно величїя отравы представляетъ
И очи ихъ мрачитъ блистаньемъ пышной митры;
Сребролюбивѣйшихъ цѣною покупаетъ;
Искусной похвалой ученый обольщенный,
За тщетный славы дымъ отмещетъ истинну;
Слабѣйшїя грозой во робость приведенны.
Съ смятеньемъ сонмище сбирается сїе;
Съ смятенїемъ оно совѣты совѣщаетъ.
Отъ шума страшнаго, нестройства, воплей, споровъ,
Святая истинна рыдая отлетаетъ.
Тогда во имя всѣхъ единъ изъ нихъ гласитъ:
„Властителей земныхъ едина только церковь
„Возводитъ на престолъ и съ трона низвергаетъ;
„Въ насъ церковь состоитъ и въ насъ однихъ законъ.
„Погибни Валоа, онъ болѣ намъ не Царь.
„О! клятва, мы твои оковы расторгаемъ. 5.
Лишь только онъ изрекъ; раздоръ безчеловѣчный
Рѣшенїе сїе начертаваетъ кровью.

Послѣ-

5. *О! клятва, мы твои оковы расторгаемъ.* 17 Генваря 1589 года Парижской факультетъ богословїи издалъ славное опредѣленїе, въ коемъ онъ объявляетъ, что подданные разрѣшены отъ своей присяги въ вѣрности и что законно могутъ воевать противу короля, Ле Февръ и съ нимъ другїе благоразумнѣйшїе отреклися оное подписать. Послѣ какъ Сорбонна уже стала свободна, уничтожила она сїе опредѣленїе, которое мучительство заговора будто силою изторгло отъ нѣкоторыхъ составляющихъ ея собранїе. Всѣ монашескїе ордены, возставшїе подобно Сорбоннѣ противу королевскаго дома, послѣ обратилися, подобно такъ какъ и она. Но если бы Лотарингской домъ одержалъ верьхъ, учинилиль бы они сїе?

Послѣдовать сему клянутся всѣ раздоромъ.

Тогда во Франціи по храмамъ онъ летая,
О семъ намѣреньи бунтующимъ вѣщаетъ.
Франциска чернецы, монахи Августина,
Въ святыхъ обителяхъ его внимаютъ гласу.
Онъ страшнымъ воплемъ всѣхъ страшилищъ созывая,
По волѣ собственной несущихъ тяжко иго,
Гласитъ: познайте вы во мнѣ черты закона
И Бога самаго со мною защитите.
Сей мечь, который днесь въ моихъ рукахъ сверкаетъ,
Сей мечь, ужасный мечь злодѣямъ нашимъ гордымъ,
Рукою Господа въ мою ниспосланъ руку.
Ужъ время выгти вамъ изъ мрака вашихъ храмовъ;
Святыя ревности подайте вы примѣры;
Оледенѣвшимъ вы Французамъ покажите,
Что гибель ихъ Царя есть Господу угодна.
Левитовъ вспомните вы племя освященно,
Которое самъ Богъ избралъ къ святому дѣлу;
Оно подобну честь приобрѣло себѣ,
Въ крови Израиля свои омывши руки.
Но что? гдѣ дѣлися блаженны времена,
Когда гражданъ я зрѣлъ гражданами побитыхъ?
Вы направляли ихъ убійственныя руки.
Отъ васъ Колини смерть ужасную вкусилъ.
Я плавалъ во крови; пусть кровь еще течетъ.
Явитесь и въ народъ мою вдохните ярость!
Тотчасъ ко бѣшенству раздоръ всѣмъ знакъ даетъ.
Всѣ отравляются его смертельнымъ ядомъ.
Онъ имъ предшествуетъ грядущимъ ко Парижу.
Въ срединѣ ихъ толпы креста святаго знамя, 6.

И На

6. *Въ срединѣ ихъ толпы креста святаго знамя.* Какъ скоро Генрихъ третій съ королемъ Наварскимъ приступилъ къ Парижу, большая часть монаховъ вооружилися и ходили

На вѣтры пущено по воздуху летаетъ.
Поютъ; и кажется ихъ ярость пустосвятна
Къ стремленью злобному и небо преклоняетъ.
Они съ моленїемъ проклятїе мѣшаютъ;
Духовны дерскїе, но глупы воины,
Они мечемъ свои вооружили руки
И тяжкимъ панцыремъ свою покрыли грудь.
Среди волненїя бунтующа народа,
Позорно воинство сїе въ Парижъ вступаетъ,
Неся передъ собой сей образъ кротка Бога.

Толь буйныя дѣла зря изъ дали Майеннъ,
Ихъ презираетъ въ тай, но явно похваляетъ.
Онъ знаетъ, что народъ не смыслитъ никогда
Отъ суевѣрїя закона отличати;
Онъ знаетъ, сколько по правителямъ есть нужно,
Чтобъ заблужденїе питати слабой черни;
И такъ онъ зря сїе хвалами осыпаетъ.
Тѣмъ мудрый огорченъ, а воины смѣются.
Но восхищенъ народъ до неба возсылаетъ
Надежды полныя и радостныя клики:
И какъ по дерзости онъ ужасъ ощутилъ,
Равно такъ скоро въ немъ страхъ ярости далъ мѣсто.
Подобно какъ морскихъ пучинъ, властитель Ангелъ,
По волѣ яростны до облакъ взноситъ волны,
По волѣ ихъ своей опять и укрощаетъ.
Раздоръ шестнадесять избралъ бунтовщиковъ, 7.
Между

на стражу купно съ мѣщанами. Но поема въ семъ мѣстѣ изображаетъ крестный ходъ заговора, въ которомъ тысяща двести монаховъ были въ строю, имѣя начальникомъ надъ собою Вилгелма Роза Епископа Сенлискаго. Сїе произшествїе помѣщено въ сїе время, хотя оно случилося послѣ смерти Генриха третьяго.

7. *Раздоръ шестнадесять избралъ бунтовщиковъ.* Они названы шестнадцатью, по причинѣ шестнадцати частей Парижа,

Между свирѣпыми злодѣйствами извѣстныхъ;
Ихъ новаго Царя орудіи безчинны,
Восходятъ на его кроваву колесницу.
Гордыня, ярость, злость, измѣна и погибель,
Предшествуютъ въ рѣкахъ ліющіяся крови.
Во маракѣ рождены, воспитаны межъ черни,
Ихъ ненависть къ Царямъ была имъ вмѣсто знати;
И до судилища воздвигнуты народомъ,
Майеннъ трепещетъ зря ихъ равными себѣ. 8.
Гражданскихъ распрей то обыкновенно слѣдство,
Что всѣ сообщники между собой равны.
Равно какъ бурный вѣтръ, тиранъ свирѣпый водъ,
Смущаетъ тихія струи спокойныхъ рѣкъ;
Тогда смердящій илъ изъ ихъ пещеръ глубокихъ
Подъемлется кипя на чистую поверхность.
Или какъ яростный разпространяясь пламень
Пространны города въ пустыни превращаетъ;
Желѣзо, мѣдь, свинецъ разтопленны огнемъ,
Смѣсився съ золотомъ мрачатъ его сіянье.

Въ сіи плачевны дни смятенія и бунтовъ,
Ѳемида лишь одна противилась заразѣ.

которыми они управляли и надъ которыми они поставили шестьнадесятъ начальниковъ, изъ наизлѣйшихъ возмутителей. Главнѣйшіе изъ оныхъ были, Бюсси ле Клеркъ, Губернаторъ Бастильской, который прежде училъ на шпагахъ биться; Ла Брюйеръ Льетенанъ Партикулье, комиссары Лушердъ, Еммонотъ и Моренъ, прокуроры Удинетъ и Пассартъ и приказной Парламентской Сено, человѣкъ великаго разума, который первый объяснилъ темный и опасный вопросъ, какую власть можетъ имѣть народъ надъ своимъ Государемъ.

8\. *Майеннъ трепещетъ зря ихъ равными себѣ.* Шестьнадесятъ долгое время были независимы отъ Герцога де Майенна. Одинъ изъ нихъ называемый Норманъ, будучи въ домѣ у Герцога, сказалъ: тѣ, которые ево возвели, могутъ его и низвергнуть.

Алчба величія, корысть, надежда, страхЪ,
Ни что вЪ рукахЪ ея вѣсовЪ не изкривило.
Олтарь ея былЪ чистЪ; невинна справедливость
Пристанища себѣ у ней одной искала.

ВЪ священномЪ храмѣ семЪ почтенный есть сенатЪ,
ПокровЪ невинности и страхЪ порока гнусна.
Закона царскаго онЪ щитЪ и толкователь,
Равно грядетЪ среди монарха и народа.
На безпристрастіе надѣяся Царей,
ИмЪ часто жалобы народа представляетЪ.
Все честолюбіе его во благѣ общемЪ.
КакЪ бунтЪ онЪ такЪ равно тиранство ненавидитЪ;
И какЪ почтенія такЪ мужества исполненЪ,
Подданство отличать умѣетЪ онЪ отЪ рабства;
И ополчаяся всегда за нашу вольность,
ОнЪ почитая РимЪ смирять его умѣетЪ.

Предавшася толпа тираннамЪ заговора
Врата Ѳемидина жилища окружаетЪ;
Бюсси предшествуетЪ; прегнусный сей боецЪ, 9.
Взведенный дерзостью на верьхЪ порочной чести,
ВступаетЪ во среду почтеннаго собранья,
КоторымЪ правится гражданская судьба.

Судьи, сказалЪ онЪ имЪ, заемлющи вЪ сенатѣ
Не мѣсто царское, но мѣсто общества;

НародЪ

---

9. *Бюсси предшествуетЪ; прегнусный сей боецЪ.* 16 Генваря 1589 года Бюсси ле КлеркЪ, единый изЪ шестинадесяти, который изЪ ФехтЪ-МейстеровЪ здѣлался губернаторомЪ Бастильскимъ и начальникомЪ сей козни. ОнЪ вошедЪ вЪ большую камору Парламентскую, вЪ провожаніи пятидесяти человѣкЪ, хотѣлЪ принудить ПарламентЪ, чтобЪ онЪ не признавалЪ дома королевскаго.

По отрицаніи нѣкоторыхЪ изЪ сего общества, повелЪ онЪ самЪ вЪ Бастилію тѣхЪ, кои противилися его сторонѣ и посадилЪ ихЪ тамЪ на хлѣбЪ и воду. Для сего ево и называютЪ великимЪ исправникомЪ Парламента.

Народъ отъ васъ самихъ изъ давна притѣсняемъ,
О волѣ вамъ своей моимъ вѣщаетъ гласомъ:
Подъ игомъ утомленъ мучительныхъ Капетовъ,
Отмещетъ онъ ихъ власть во зло употребленну;
Избавьте Францїю послѣдуя Сорбонѣ.

Сенатъ отвѣтствуетъ молчаньемъ благороднымъ;
Подобно какъ въ стѣнахъ уже горяща Рима,
Его сенаторы подъ игомъ лѣтъ согбенны,
Недвижимы, сѣдя спокойно на мѣстахъ,
Безъ ужаса конца и Галловъ ожидали.

Бюсси хоть съ яростью, однако не безъ страха,
Сказалъ, исполните или за мной ступайте.
Тогда возставъ Гарлей, сей мужъ нелицемѣрный
И мужественный сей начальникъ парламента,
Тираннамъ предстаетъ и требуетъ оковъ,
Съ тѣмъ видомъ, съ каковымъ злодѣевъ осуждаетъ.
Съ нимъ всѣ совѣтники, тѣ члены правосудья,
Горятъ желанїемъ честь казни раздѣлить.
О жертвы вѣрности самодержавцамъ должной!
Тиранновъ вашихъ вы оковы восприяли.

Напомни муза мнѣ почтенны имена;
Любезныхъ Францїи героевъ посвяти,
Которыхъ злобное сразило своевольство.
Честнѣйшїй ты де Ту, Моле, Скаронъ, Байель, 10.
Потье мужъ праведный и ты младый Лонгель, 11.

 Ко-

10 *Честнѣйшїй ты де Ту, Моле, Скаронъ, Байель*
11. *Потье мужъ праведный, и ты младой Лонгель.*
Августинъ Де Ту, Президентъ, отецъ славнаго историка сего имени. Скаронъ, прадѣдъ Скарона извѣстнаго своими стихотворенїями и веселымъ духомъ. Николай Потье де Новїонъ, по прозванїю, де Бланъ Мени; сїе имя имѣлъ онъ по одной своей деревни. Онъ не былъ съ протчими въ Бастилїи, а содержался въ Луврѣ подъ карауломъ, и едва не былъ осужденъ быть повѣшенъ по опредѣленїю шестинадесять.

Который въ юности умомъ и честью цвѣлъ.
Сенатъ сей наконецъ злодѣями окованъ,
Народу на показъ торжественно влекомъ,
Въ ужасны стѣны тѣ отмщенія жилище,
Невинность часто гдѣ съ порокомъ заключенна.
Вотъ какъ бунтующи правленье премѣнили.
Сорбона пала вся, сената больше нѣтъ.
Почтожъ соборище я зрю вездѣ народа?
Какой смятенный вопль повсюду раздается?
На что орудія сіи смертельной кары?
Какія судіи мучителей по волѣ,
Ввергаются во гробъ на лобномъ мѣстѣ казни?
Увы въ Парижѣ честь судьбу злодѣйствъ имѣетъ!
Бриссонъ, Ларше, Тардифъ, почтеннѣйшія жертвы, 12.
Не устыжайтеся вы сей поносной смерти;
И ею ваша честь ни мало не мрачится;
Въ вѣкъ будутъ въ памяти названьи ваши славны;
И за монарха кто свою кончаетъ жизнь,
Тотъ безъ сомнѣнія со славой умираетъ.

Среди бунтующихъ раздоръ безчеловѣчный,
Ликуетъ въ радости узря свои успѣхи;
Съ довольнымъ окомъ онъ и съ гордостью взираетъ,
На страшны слѣдствія войны междуусобной,
Въ стѣнахъ кровавыхъ сихъ нещастнаго народа,
Согла-

12. *Бриссонъ, Ларше, Тардифъ, почтеннѣйшія жертвы!* Въ среду Ноября 15 дня 1591 года Барнабе Бриссонъ, человѣкъ весьма ученый, исправляющій должность перваго президента въ отсутствіи Ахилла де Гарлея; Клавдій Ларшетъ и Жанъ Тардифъ были повѣшены по приказанію шестинадесятъ. Сіе достойно примѣчанія, что Гамилтонъ, приходской попъ св: Козмы, жесточайшій возмутитель пришелъ самъ въ домъ къ Тардифу, чтобы вести ево на казнь, въ провожаніи пятнадцати другихъ поповъ идущихъ за нимъ въ мѣсто полицейскихъ служителей.

Согласнаго противъ монарха своего,
Но раздѣленнаго всечасно межъ собою,
Игралища страстей и внутреннихъ раздоровъ
И ускоряюща отечества паденьемъ,
Объятаго внутри ужаснымъ безпокойствомъ,
И окруженнаго опасностью изъ внѣ,
Повсюда зрящаго развалины и смерть.

Конецъ четвертой пѣсни.

ПѢСНИ ПЯТОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Осажденные притѣсняются. Раздоръ побуждаетъ Якова Климента вытти изъ Парижа и убить короля. Онъ вызываетъ изъ ада демона суевѣрія, который наставляетъ ево въ семъ отцеубійствѣ. Жертвоприношеніе отъ бунтовщиковъ адскимъ духамъ. Генрихъ третій умерщвленъ. Чувствованіи Генриха четвертаго. Войско ево царемъ признаетъ.

Уже приближились махины смертоносны,
Включающи въ жерлахъ бунтующихъ погибель.
Желѣзо и огонь со всѣхъ сторонъ летаютъ.
Мѣдяны челюсти на стѣны громы мещутъ.
Благоразумнаго Майенна осторожность,
Презлыхъ бунтовщиковъ свирѣпа запалчивость,
Соблазные слова учителей закона,
И наглость дерзкая безчиннаго народа,
Противъ великаго Бурбона тщетна помощь;
За нимъ въ слѣдъ быстрыми побѣда шла стопами.
Филиппъ и Секстъ и Римъ угрозами гремѣли;
Но не былъ больше Римъ уже ужасенъ миру
И молніи его на воздухѣ терялись;

И

И престарѣлаго Кастильскаго Царя,
Обыкновенное медлѣнїе въ дѣлахъ
Лишало помощи нещастныхъ осажденныхъ;
А воинство ево во Францїи скитаясь
На мѣсто помощи опустошало грады;
Коварной ждалъ онъ, чтобъ сей лютый заговоръ,
Во слабость приведенъ, лишився силъ своихъ,
Удобнѣй подъ его могъ иго наклониться;
И дружества его опасная подпора,
Имъ не союзника готовила, владыку.
Но въ оно время мечь свирѣпыя руки
Судьбѣ всей Францїи со всѣмъ иной далъ видъ.
О вы Парижскихъ стѣнъ спокойны жители
Въ щастливѣйшїе дни на свѣтъ произведенны,
Оставьте мнѣ, что я порочныхъ вашихъ предковъ
Ужасны дѣйствїя гласити предприемлю.
Не простираются злодѣйства ихъ до васъ;
И все загладила къ монархамъ ваша ревность.
Пустынножителей всегда имѣла церковь,
Которы правиломъ обузданы престрогимъ,
Отличные во всемъ отъ протчихъ человѣковъ,
Всевышнему себя на вѣки посвящали.
Иные въ тишинѣ глубокой пребываютъ,
Не прикасаяся сего отравамъ свѣта;
И не равняющи спокойствїя ни съ чемъ,
Въ угрюмости своей бѣгутъ отъ человѣковъ,
Которымъ бы они служить удобны были.
Другїе обществу на пользу посвящаясь,
Своимъ ученїемъ народы просвѣщаютъ;
Но часто возгордясь симъ лестнымъ дарованьемъ,
Вникая въ свѣтъ его воспринимаютъ нравы.
Ихъ честолюбїе мѣшается въ дѣла;
И многи области ихъ ковомъ поврежденны
Приносятъ жалобы на умыслъ ихъ коварства.

Вотъ како смертные, пресклонные къ порокамъ,
И благо сущее во зло преобращаютъ.
Тѣ, кои житіе приемлютъ Доминика
Въ Испаніи свою изъ давна зрѣли славу.
Изъ мрачной темноты ихъ нискихъ должностей
Они вступали вдругъ во царскіе чертоги.
Съ такоюжъ ревностью, однако съ большей силой
Во Франціи сей сонмъ священный процвѣталъ,
И вѣчно бы царей подъ сѣнью славенъ былъ,
Когда бъ не воскормилъ онъ Климента злодѣя.
Въ уединеніи сей Климентъ злой изъ дѣтства, 1.
Питался дикостью свирѣпа пустосвятства;
И въ набожности онъ имѣя слабый духъ,
Всегда стремленіемъ онъ влекся заговора.
На юношу сего безумьемъ обуянна,
Изъ зѣва адскаго раздоръ весь ядъ излилъ.
Предъ олтаремъ святымъ всечасно протяженъ,
Онъ небо утомлялъ моленьемъ беззаконнымъ!
Вѣщаютъ, нѣкогда главу покрывъ онъ пепломъ,
Сію ужасную мольбу произносилъ:
О ты тиранновъ бичь, Господь, защитникъ церкви,
Доколѣ будеши терзати чадъ твоихъ?
Вооружаючи монарха злочестива,
И оскорбляюща величіе твое,
Клятвопреступниковъ благословлять убійства?
Престань испытывать насъ строгостью твоею;
Ужь время на твоихъ злодѣевъ ополчиться.
Ты бѣдствіе отъ насъ и гибель отжени.
Избавь насъ отъ Царя твоимъ намъ данна гнѣвомъ.

Склони

1. *Въ уединеніи сей Климентъ злой изъ дѣтства.* Іаковъ Климентъ монахъ Доминиканскаго ордена родомъ изъ Сорбоны, деревни лежащей близъ Санса, имѣя двадцать четыре года съ половиною отъ роду, былъ поставленъ въ іеромонахи не задолго до совершенія сего отцеубійства.

Склони превыспренность небесъ воспламененныхъ.
Да пойдетъ предъ тобой твой Ангелъ изтребитель.
Рукою, молнїей и громомъ воруженной,
Рази и разточи ихъ войско злочестиво,
Чтобъ воины, вожди и оба Царїе
Упавъ разсыпались какъ листвїя отъ вѣтра;
И чтобъ спасенные тобою правовѣрны,
На трупахъ ихъ тебѣ похвальну пѣснь воспѣли.

Раздоръ съ вниманїемъ по воздуху паря,
Сей слыша страшный кликъ ево относитъ въ тартаръ:
Изъ мрачныхъ нѣдръ сего ужаснаго жилища
Выводитъ онъ тотчасъ лютѣйшаго тиранна,
Тиранна, коему названье *Суевѣрье*;
Закона истинна неистовое чадо,
Которо за нево оружїе приемля,
Старается его разрушить основанье;
Приятно имъ, ево лобзаючи терзаетъ.
Имъ въ Равѣ глупые Аммоновы потомки, 2.
Бѣснуясь въ ревности, Молоху истукану
Нещастныхъ чадъ своихъ на жертву приносили.
Оно свирѣпую вдохнуло въ Ефту клятву;
И матери рукой пронзило дщери грудь.
Оно открывъ уста безстуднаго Калханта,
Агамемнона дочь на жертву испросило.
О Францїя! оно въ твоихъ лѣсахъ дремучихъ
Тевтату страшному курило ѳимїамъ. 3.

 Еще

2. *Имъ въ Равѣ глупые Аммоновы потомки.* Страна Аммонитовъ, гдѣ чадъ своихъ бросали въ огонь при звукѣ тимпановъ и трубъ въ честь божеству, которому они подъ именемъ Молоха покланялись.

3. *Тевтату страшному курило ѳимїамъ.* Тевтатъ былъ единый изъ боговъ Гальскихъ. Сїе не извѣстно, то ли онъ былъ, что Меркурїй у древнихъ; но то извѣстно на вѣрное, что ему людей въ жертву приносили.

Еще ты помнишь тѣ безчеловѣчны жертвы,
Которые твои Друиды приносили.
Оно язычникамъ гласило съ трона Рима:
Разите не щадя, терзайте Христіянъ.
Когдажъ подвластенъ Римъ предвѣчнаго сталъ сыну
Изъ Капитоліи оно прешло и въ церковь;
И Христіянъ въ сердца вдыхая изступленье,
Изъ мучениковъ ихъ мучительми творило.
Оно составило и въ Лондонѣ росколъ, 4.
На слабаго Царя, который поднялъ руки.
Оно торжественно въ Мадритѣ, въ Лиссабонѣ,
Огнемъ кадильницы костры воспламеняетъ,
На коихъ бѣдные жиды за то сгараютъ,
Что праотцевъ своихъ послѣдуютъ закону.
Скрывало завсегда оно свои коварства,
Богослужителей священнымъ украшеньемъ;
Но днесь для новаго злодѣйства своего
Приемлетъ на себя со всѣмъ и образъ новый.
Лукавство съ дерзостью то все устроеваютъ.
Заемлетъ Гизово оно лице и станъ;
Того убитаго высокомѣрна Гиза,
Тиранна общества и надъ царемъ Царя,
Который будучи еще и въ гробѣ силенъ,
Къ смятенью Францію и распрямъ привлекалъ.
Оно ужасный шлемъ взлагаетъ на главу;
Приемлетъ мечь всегда готовый ко убійству;
Въ ребрахъ его еще видна та смертна рана,
Которой во Блоа герой сей пораженъ;
Ручьями кровь течетъ отмщенія просяща
И обвиняюща убійствомъ Валоа.
Въ такомъ ужаснѣйшемъ и много слезномъ видѣ,

Въ

4. *Оно составило и въ Лондонѣ росколъ.* Изступленники называвшіеся независимыми, были наиглавнѣйшими участниками во смерти Карла перваго короля Аглинскаго.

Въ уединенїе во время сна и мрака
Чудовище сїе ко Клименту приходитъ.
Тамъ безпокойствїе, угрюмо пустосвятство,
Усердье ложное воспламененно гнѣвомъ,
Стрегущїя у вратъ ему отверзли двери.
Вступивъ гласитъ оно величественнымъ гласомъ: 5.
Твое моленїе услышано всевышнимъ;
Но тольколь жалобой и тщетною молитвой,
Ты Богу своему служити долженствуешь?
Господь создавшїй миръ защитникъ заговора,
Иныя отъ тебя днесь жертвы ожидаетъ.
Отъ ревности твоей онъ требуетъ того,
О чемъ ты самъ его въ твоихъ мольбахъ просилъ.
Коль общество спасти алкающа Юдиѳа, 6.
Ко Господу бъ одни лишь слезы проливала;
Когда бъ погибели отечества страшась,
Страшилась своего лишиться живота,
Она бъ увидѣла Витулїю упавшу.
Вотъ то, чему теперь послѣдовать ты долженъ;
Вотъ жертвы отъ тебя какой Господь желаетъ.
Но вижу я лице твое стыдомъ покрыто;
Уже стыдишься ты медленья твоего. . .
Стремись и кровїю ты руку освятя,
Избавь гражданъ твоихъ отъ лютаго Царя.
За Римъ и за Парижъ, за миръ и за меня

---

5. *Вступивъ гласитъ оно величественнымъ гласомъ.* Въ 1589 году было въ Парижѣ напечатано и продавано описанїе мученїя брата Іакова Климента, въ которомъ увѣряли, что Ангелъ ему явяся и показавъ обнаженный мечь, повелѣлъ умертвить тиранна.

Сїе писанїе находится въ Сатирѣ Менипnея.

6. *Коль общество спасти алкающа Юдиѳа.* Когда братъ Іаковъ Климентъ былъ въ Сентъ Клу, то многїе подозрѣвая его и примѣчая за нимъ, нашли ево ночью спящаго въ глубокомъ снѣ; ево молитвенникъ лежалъ при немъ открытъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ писано о Юдиѳѣ.

Отмсти, пронзивши грудь гонителя, тиранна.
Убійствомъ Валоа мою окончилъ жизнь;
Подобную за то приять онъ долженъ кару.
Не содрагайся ты отъ имени убійцы;
Что въ немъ злодѣйство, то въ тебѣ доброта будетъ.
Тому свободно все, за церковь кто отмщаетъ.
Въ случаѣ таковомъ и грѣхъ есть добродѣтель,
И сами небеса на то соизволяютъ.
Но что вѣщаю я? они тебѣ велятъ
И гласомъ устъ моихъ они сіе вѣщаютъ;
Что гибель Валоа тебѣ препоручаютъ.
Блаженъ, когда бы ты отмщенье совершая,
Съ тиранномъ Франціи Наварца сѣединилъ;
Когда бъ отъ двухъ Царей спасенные народы
Тебѣ могли бъ--- Но дни сіи еще далеки.
Онъ долженъ жить; и Богъ, котораго онъ гонетъ,
Инымъ рукамъ его оставилъ смерти славу.
Ты Бога онаго намѣреньи исполни;
Прими ты отъ меня, тебѣ имъ посланъ даръ.
Окончивъ рѣчь, сіе ужасно привидѣнье,
Въ глазахъ его мечемъ убійственнымъ сверкаетъ,
Мечемъ, который злость во адѣ изострила;
Вручаетъ Клименту оно сей даръ ужасный;
Потомъ свергается опять въ бездонный тартаръ.
Обманутъ чудомъ симъ пустынникъ легковѣрный
Щитаетъ ужъ себя посредникомъ небесъ,
Съ почтеніемъ сей даръ погибельный лобзаетъ,
И преклоня свои съ усердіемъ колѣна,
Онъ силу вышняго на помощь призываетъ;
Чудовища сего онъ жаломъ поощряемъ,
Со видомъ святости готовится къ убійству.
О! сколько человѣкъ подверженъ заблужденью!
Сей Климентъ ощущалъ тогда спокойство духа;
Онъ чувствовалъ въ себѣ надежду вѣчныхъ благъ,

Ко-

Которую святымъ невинность подаетъ;
Онъ яростью дыша, съ благоговѣйнымъ видомъ;
Къ отцеубійству текъ свои потупя очи;
Онъ къ небу обращалъ злодѣйскія желаньи, 7.
И добродѣтели престрогія чертами,
Ознаменалося его чело угрюмо.
Подъ рясою его меча сокрыто жало.
Онъ шествуетъ; и съ нимъ толпа его друзей,
Которы вѣдая намѣреньи его
Спези ево пути цвѣтами устилая,
Съ подобострастіемъ его до вратъ проводятъ
И ободряючи ево благословляютъ;
И имя ужъ его среди имянъ священныхъ
Во римскихъ святостяхъ включаютъ дерзновенно.
Отмстителемъ его народа нарицаютъ
И молятся ему съ кадилами въ рукахъ.
Съ усердьемъ не такимъ и не съ такимъ возторгомъ
Первоначальные страдальцы Христіянъ,
Закона ихъ отцевъ защитники безстрашны
На муку братіевъ своихъ препровождали;
Завиствующіе блаженныя ихъ смерти
Цѣлуя ихъ стопы слезами орошали.
И пустосвятъ слѣпой и вѣрный Христіянинъ
Имѣютъ сходственны между собою виды;
Желанье ихъ одно, единая въ нихъ твердость.
Злодѣйствіе своихъ героевъ производитъ,
И суевѣріе страдателей имѣетъ.
Усердья истинна и ложной ревности
Всегда безумные, слѣпые мы судьи,
Злодѣевъ иногда героями щитаемъ.
Майеннъ, котораго глаза провидятъ все,

Хотя

7. *Онъ къ небу обращалъ злодѣйскія желаньи.* Прежде отшествія своего на пораженіе Царя, говѣлъ онъ, исповѣдался и приобщился святыхъ таинъ.

Хотя и видитъ мечь подъятый на Царя,
Но притворяется, что онаго не видитъ;
Съ злодѣйства онаго плоды собрать онъ хощетъ,
Но онъ не хочетъ быть участникомъ злодѣйства.
Онъ слѣпо ревностнымъ старанье оставляетъ,
Что бъ юношу сего къ злодѣйству ободрити.

Когда бунтующихъ свирѣпая толпа
Парижа ко вратамъ злодѣя провождала,
Тогда шестьнадесять начальныхъ заговора,
Судьбу о будущихъ событьяхъ вопрошали.
Еще напередъ сего царицы Медицисъ 8.
Для ней постыдное и дерско любопытство,
Ввело во Францію гаданія науку,
То сверхъестественно и темно знаніе,
Толь часто тщетное, но завсегда порочно.
Послѣдовалъ ея примѣру весь Парижъ;
И царскихъ слабостей сей подлый подражатель,
Народъ въ невѣжествѣ чудесъ любитель всякихъ,
Желатель новостей слѣпой и легковѣрный,
Къ симъ беззаконіямъ толпами прилеплялся.

Средъ нощи мрачныя и подъ огромный сводъ
Ихъ гнусно сонмище стекается въ молчаньи.
Тамъ блѣдный свѣтъ даетъ свѣтильникъ чародѣйства;
И надъ гробницей тамъ воздвигнутъ жертвенникъ;

На

---

8. *Еще напередъ сего Царицы Медицисъ*: и протч: Екатерина де Медицисъ ввела во Францію въ такое сильное употребленіе волшебство, что одинъ священникъ, называемый Сешель, котораго въ Гревѣ во время владѣнія Генриха третьяго, за колдовство сожгли, обвинилъ въ семъ мнимомъ преступленіи тысячу двѣсти человѣкъ. Невѣжество и глупость простиралися въ сіе время такъ далеко, что больше ни о чемъ не говорили, какъ только о тѣхъ чародѣяхъ, которые на сожженіе осуждены. Повсюда находилися люди столько глупые, которые почитали себя волшебниками, и судьи столько суевѣрные, которые ихъ за то отъ добраго сердца наказывали.

Наономъ образы поставлены царей,
Бурбона, Валоа имъ страшно начертанье;
И на поверхности ужасна олтаря,
Написаны рукой въ злодѣйствѣ дерзновенной,
И имя вышняго и адски имена.
Вкругъ мрачныхъ тамо стѣнъ суть копіи вонзенны,
Которыхъ остріе омочено въ крови,
Снаряды грозные ихъ таинства ужасна.
Во храмѣ ономъ жрецъ единый изъ Евреевъ,
Которые по всей скитаяся земли,
Отвсюда изгнанны вселенныя граждане,
Свое нещастіе влача изъ мѣста въ мѣсто,
Ихъ суевѣріемъ народы заражаютъ.
Сперва окрестъ его бунтовщики свирѣпы,
Свое служеніе со воплемъ начинаютъ;
И кровью обагря свои злодѣйски руки,
Пронзаютъ Валоа стоящій тамо образъ.
Но съ большей яростью и съ большимъ ужасомъ
Ногами Генриха своими попираютъ,
И думаютъ что смерть, послушна злобѣ ихъ, 9.
До ихъ Царей сіи удары пренесетъ.
Еврей съ моленіемъ злословіе мѣшаетъ; 10.
Онъ бездну, небеса и Бога призываетъ,
Нечистыхъ демоновъ смущающихъ вселенну,

---

9 *И думаютъ что смерть послушна злобѣ ихъ.* Многіе священнослужители стороны заговора, здѣлавъ изъ воска небольшія изображеніи представляющія Генриха третьяго и короля Наварскаго, ставили на олтарѣ и сорокъ дней сряду прободали ихъ во время пѣнія обѣдни, а въ сокоровой день пронзали ихъ въ сердце.

10. *Еврей съ моленіемъ злословіе мѣшаетъ.* Обыкновенно Жиды были употребляемы въ сихъ волшебныхъ дѣйствіяхъ. Сіе древнее суевѣріе произходитъ отъ Кабалистическаго таинства, о которомъ Жиды сказывали, что они одни только его въ своихъ рукахъ имѣютъ. Екатерина де Медицисъ, жена маршала д'Анкра и многія другія употребляли Жидовъ къ сему мнимому волхвованію.

И пламень молнїи, и пламень тартара.
Подобно, въ Гелбои богамъ живущимъ въ адѣ
Скровенно жертвуя ужасна Пиѳонисса,
Передъ свирѣпаго Царя и злочестива
Представила жреца Самуила гробницу.
Противъ Іуды такъ съ высотъ Самаританскихъ
Гремѣли съ яростью устна пророковъ лживыхъ.
И тако у Римлянъ Атей неукротимый 11.
Оружье Крассово богами заклиналъ.
При восклицанїи Еврея чародѣя
Отвѣта ожидать бунтовщики дерзаютъ,
И чаютъ небеса принудить заклинаньемъ,
Отъ нихъ скровенную открыти имъ судьбу.
Чтобъ наказати ихъ, Богъ голосъ ихъ услышалъ.
Предѣлы естества Господь для нихъ разрушилъ.
Въ тѣхъ пропастяхъ глухихъ возсталъ печальный шумъ.
Сверкая молнїи, въ глубокой темнотѣ,
Скоропостижный день и страшный производятъ.
Блистая славою, среди огней Бурбонъ,
Въ побѣдоносной имъ явился колесницѣ;
Чело увѣнчано вѣнцемъ изъ лавръ сплетеннымъ,
Держава царская въ его рукахъ сїяетъ.
Въ тотъ часъ наполнился весь воздухъ страшнымъ громомъ;
Олтарь горящїй палъ и скрылся подъ землею;
Еврей со ужасомъ, бунтовщики съ смятеньемъ,
Отходятъ скрыть свой стыдъ и грѣхъ во мракѣ ночи.
Тѣ громы, пламень тотъ и тотъ ужасный шумъ
Паденье Валоа вѣщали непремѣнно.
Со трона своего Богъ дни его изчислилъ;

Далеко

11. *И тако у Римлянъ Атей неукротимый.* Атей народоначальникъ не могши воспрепятствовать Крассу итти войною противу Парѳянъ вынесъ горящую головню ко вратамъ города, сквозь которыя Крассу надлежало проходить; и брося на нее нѣсколько неизвѣстныхъ травъ, проклиналъ предприятїе Крассово, призывая адскихъ боговъ.

Далеко отъ него отвлекъ свою онъ руку;
Нетерпѣлива смерть своей алкала жертвы;
И чтобъ низринути въ погибель Валоа,
Господь держащій все злодѣйству попустилъ.
Въ станъ царскій Климентъ злой безъ ужаса вступаетъ,
И видѣться съ царемъ онъ проситъ дозволенья;
Вѣщаетъ, что туда, посланникъ Бога онъ,
Онъ права царскія возставити приходитъ,
И важны таинства открыти предъ царемъ.
Всѣ сомнѣваются и долго примѣчаютъ;
Желаютъ истинну его рѣчей проникнуть;
Вопросы разными его хотятъ извѣдать,
И подъ духовною страшатся зрѣть одеждой
Сокрыту нѣкую погибельную тайну.
На спросы строги онъ безъ страха отвѣчаетъ;
Наполнены его отвѣты простотой;
И сущу истинну въ его рѣчахъ примѣтя,
Сего измѣнника къ царю проводитъ стража.

Монарха зрѣніе его не изумило;
Съ покорнымъ видомъ онъ колѣна преклоняетъ
И мѣсто гдѣ разить по волѣ избираетъ.
Искусна ложь его коварнымъ языкомъ
Лукавую сію Царю сплетаетъ рѣчь.
Великій Государь! позволь чтобъ гласъ мой слабый
Къ всевышнему царей Владыкѣ обратился;
Позволь ты прежде мнѣ благодарить творца,
За благость на тебя его рукой пролиту.
Почтеннѣйшій Потье и мудрый Вильроа, 12.
Среди твоихъ враговъ тебѣ хранили вѣрность.

 Гарлей,

12. *Почтеннѣйшій Потье и мудрый Вильроа.* Потье парламентской президентъ, о которомъ прежде говорено.

Вильроа былъ статскимъ секретаремъ во время владѣнія Генриха третьяго, но будучи въ присутствіи короля оскорбленъ Герцогомъ д'Епернономъ, принялъ сторону заговора.

Гарлей, великій мужъ, котораго усердье, 13.
Ужасно завсегда, невѣрному народу,
Изъ мрака узъ своихъ спрягаетъ всѣхъ сердца,
Сбираетъ подданныхъ и бунты усмиряетъ.
Сей Богъ, котораго премудрость неизмѣрна
Уничтожаючи могущихъ и премудрыхъ,
Намѣреньи свои рукой свершаетъ слабыхъ,
Къ великому меня препроводилъ Гарлею.
Я имъ наставленный, его наполненъ свѣтомъ,
Препятства одолѣвъ тебѣ письмо вручаю,
Которое Гарлей моимъ рукамъ повѣрилъ.
Съ нетерпѣливостью письмо приемля Царь,
За толь нечаянну хваля премѣну Бога,
Сказалъ, когда могу, съ желаніемъ согласно,
Я наградить твою толь ревностну услугу?
Вѣщая то, къ нему онъ длани простираетъ.
Въ тотъ самый часъ злодѣй ножъ острый извлекаетъ
И въ ребра Валоа вонзаетъ съ яростью.
Зря кровь текущую отъ страха всѣ мятутся,
Во изумленіи толпятся вкругъ, кричатъ;
Подъята тма мечей убійцу наказати;
Но онъ съ презрѣніемъ на нихъ и смерть взираетъ.
Гордясь злодѣйствіемъ, долгъ Франціи отдавъ,
Онъ на колѣнахъ ждетъ себѣ въ награду смерти.
Онъ мысля Рима быть и Франціи защитникъ,
Ужъ чаетъ видѣти отверзты небеса;
У Бога онъ прося страдальческа вѣнца,
Благословляючи страданье, умираетъ.
О лютая мечта, свирѣпо ослѣпленье!
Достойно жалости и ужаса достойно.
Онъ можетъ быть не такъ въ своемъ злодѣйствѣ виненъ,
Какъ

---

13. *Гарлей великій мужъ, котораго усердье.* Ахиллъ Гарлей былъ тогда заключенъ въ Бастиліи Бюссіемъ ле Клеркомъ. Іаковъ Климентъ поднесъ письмо королю отъ Парламента; сіе не извѣстно подложноель оно было или истинное.

Какъ оны гнусные учители закона,
Враги неистовы монарха своего,
Которыхъ звѣрскїй гласъ отраву разсыпая
Сего пустынника умъ слабый помрачилъ.
Уже касался Царь послѣдняго часа
И слабый только лучь ему въ глаза сверкалъ.
Въ тотъ часъ окрестъ ево стоящи царедворцы,
Различествующи въ сердечныхъ помышленьяхъ,
Но въ сокрушенiи стеня единогласно,
Притворны жалобы иль искренны пускали.
Которыхъ сей превратъ надеждой утѣшалъ,
Монарха гибель тѣхъ печалила, но слабо;
А тѣ, которые премѣны сей страшились,
О щастїи своемъ, не о Царѣ рыдали.
Среди смятенья, слезъ, вздыханїя и шума,
Ты безпритворныя, о Генрихъ! слезы лилъ.
Хотя онъ былъ твой врагъ, но души благородны
Бываютъ тронуты нещастьемъ и злодѣевъ.
Бурбонъ о дружествѣ лишь только помышляетъ.
Вотще наслѣдїе въ немъ жалость уменьшаетъ;
И сей герой то самъ скрываетъ отъ себя,
Что смерть его Царя ему даетъ корону.
Собрався съ силою нещастный Валоа
Подъемлетъ на него отягощенны очи;
И взявъ рукой его побѣдоносну руку,
Сказалъ: отри свои Геройскїя ты слезы.
Пусть огорченный миръ жалѣетъ обо мнѣ;
А ты Бурбонъ владѣй отмстивши за меня.
Я въ гробъ сходя, тебя средь бурей оставляю,
На камени моимъ разбитїемъ покрытомъ.
Тебя престолъ мой ждетъ, тебѣ принадлежащїй;
Ты пользуйся вѣнцемъ тобою защищеннымъ;
Но помни, громъ его всечасно окружаетъ,
И Бога ты страшись его тебѣ дающа.
О еслибъ ты возмогъ изшедъ изъ ослѣпленья

 Воз-

Возставить олтари ево твоей рукою!
Прости и щастливъ будь. Да сохранитъ Господь
Отъ рукъ убійственныхъ блаженну жизнь твою.
Ты знаешъ заговоръ и зришь его удары;
И онъ сразивъ меня готовитъ смерть тебѣ,
И можетъ быть и ты рукою варвара . . .
Но Боже сохрани толь рѣдку добродѣтель.
Позволь! . . При сихъ словахъ дрожитъ онъ и вздыхаетъ,
Пресѣкся гласъ, падетъ и душу испускаетъ. 14.
Услыша смерть его, вдается весь Парижъ
Въ восторги гнусныя порочной радости.
Наполненъ воздухъ весь торжественнѣйшимъ гласомъ.
Настали празднества и храмы всѣ отверсты.
Вѣнцами изъ цвѣтовъ украсивши главы,
Сей посвѣщаютъ день годичному веселью.
Безумные! они провидѣти не могутъ
Изрытой пропасти ихъ собственной рукою.
Ахъ! лутчебъ было имъ свою напасть предвидя,
На мѣсто торжества горчайши слезы лити!
Герой, котораго они презрѣть дерзаютъ,
Бурбонъ, уже готовъ на нихъ гремѣть со трона;
И скиптръ въ его рукахъ ужаснѣй ставъ злодѣямъ,
Предвозвѣщаетъ симъ измѣнникамъ погибель.
Предъ нимъ начальники колѣна преклоня
Признали Генриха своимъ царемъ законнымъ.
Подъ властію его увѣрены въ побѣдѣ,
Въ концы вселенныя клянутся съ нимъ итти.

Конецъ пятой пѣсни.

ПѢСНИ

---

14. *Пресѣкся гласъ, падетъ и душу излускаетъ.* Генрихъ третій умеръ отъ раны третьяго Августа, въ третьемъ часу по полуночи въ Сентъ Клу; а не въ томъ домѣ, гдѣ онъ съ своимъ братомъ принялъ намѣреніе ко убіенію въ день св: Варѳоломея, какъ то многіе историки писали; ибо сей домъ еще не былъ построенъ во время убіенія св: Варѳоломея.

ПѢСНИ ШЕСТОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

По смерти Генриха третьяго чины заговора сбираются въ Парижѣ для избранія короля. Между тѣмъ какъ они совѣтуютъ о семъ, Генрихъ четвертый чинитъ приступъ къ городу. Члены совѣта стремятся къ защищенію стѣнъ градскихъ. Описаніе сего сраженія. Явленіе святаго Лудвига Генриху четвертому.

Обычай древній есть уставленный межъ нами,
Который завсегда хранился нерушимо,
Что если смерть на тронъ свою вознесши косу,
Монарховъ племени послѣдню вѣтвь сѣкаетъ,
Въ тотъ самый часъ народъ вступая въ прежни права,
Возможетъ и Царя по волѣ изобрать,
Возможетъ и законъ уставленъ премѣнить.
Тогда собравшися всей Франціи чины,
Царя опредѣливъ его граничатъ власть.
Такимъ же образомъ уставы нашихъ предковъ,
Когда великаго пресѣклось племя Карла,
На вышнюю степень поставили Капетовъ.
Но дерскій заговоръ кичливый, безпокойный,
Дерзаетъ повелѣть собратися чинамъ; 1.

И

1. *Дерзаетъ повелѣть собратися чинамъ.* Понеже въ Епической поемѣ должно больше взирать на связь оныя, нежели на время численіе, то для того вскорѣ по смерти Генриха третьяго и помѣщено собраніе чиновъ государственныхъ въ Парижѣ, которое было спустя четыре года послѣ его кончины.

И мыслитъ, право онъ убїйствомъ приобрѣлъ,
Монарха избрать и премѣнить правленье.
Надѣются въ сѣни мечтательнаго трона,
Всегда удобнѣе обманывая чернь,
Удобнѣй отвергать Бурбона отъ державы;
И мыслятъ, что, ихъ скиптръ монаршїй съединя,
Намѣренїи ихъ въ единство приведетъ;
И что прикрытые симъ именемъ священнымъ,
Святѣе права ихъ тогда казаться будутъ;
И словомъ, какъ бы то неправедно ни было,
Себѣ сами избрать Царя хотятъ Французы.
Тотчасъ со всѣхъ сторонъ стекаются со шумомъ,
Надмѣнны гордостью начальники упорны;
Чины духовные, Немуры, Лотарингцы,
Посолъ Испанїи и посланный отъ Рима.
Они въ Луврѣ шествуютъ, чтобъ тамъ избраньемъ новымъ,
Монарха своего гнѣвить стѣнящу тѣнь;
И роскошь, оное народныхъ бѣдствїй чадо,
Готовитъ съ пышностью обрядъ чиновъ тиранства.
Тамъ видны не были князья, сїи вельможи,
Сїи священные потомки нашихъ перовъ,
Которые сѣдя въ близи монарша трона,
Французовъ общества рожденные судьи,
Прошедшей власти днесь видъ нѣкїй соблюдаютъ.
И тамъ посланники отъ нашихъ парламентовъ,
Остатка вольности не защищали нашей.
Не представлялись тамъ Француских лилїй виды;
Луврѣ въ изумленьи былъ чуждые зря обряды.
Посланникъ Рима тамъ сѣдалищемъ почтенъ;
Маенну гордому въ близи посланника
Тамъ было создано великолѣпно мѣсто,
На коемъ страшныя начертаны слова:
„Властители земли, вселенной судїи,
„Дерзающїе все предпринимать съ гордыней,

„И

„И не щадящїе на свѣтѣ ничево,
„Зря гибель Валоа вы царствовать учитесь.

Сбирается сїе безчинно сонмище.
Пронырствъ и умысловъ повсюда слышны гласы;
И заблужденїе всѣмъ очи помрачаетъ.
Иной гордяся быть рабомъ щедротъ Римской,
Къ посланнику его вѣщаетъ раболѣпно,
Что должно Лилїямъ покорствовать Тїарѣ;
Что должно лютый судъ въ Парижѣ учредить,
То страшно знаменье монашескїя власти, 2.
Которое къ себѣ Испанїя приял,
Которымъ цѣлый миръ гнушается со страхомъ,
Который злобно мстя за олтари свои,
Своей свирѣпостью безчестье имъ наноситъ;
Который пламенемъ и кровью окруженъ,
Священнымъ острїемъ пронзаетъ человѣковъ.
Какъ будто бъ жили мы въ тѣ времена плачевны,
Когда нежалостнымъ молились мы богамъ,
Которыхъ лживые и лютые жрецы,
Лишь смертныхъ кровїю на благость преклоняли.

Другой подкупленный Иверскимъ лестнымъ златомъ,
Свое отечество Испанцу продаетъ.

Но сильная страна тогда единогласно
Майенна на престолъ монаршїй воззывала.
Могуществу его сего недоставало;
И сердце гордое, надеждою надменно,
Скровенно царскаго уже алкало титла.

Тогда Потье возставъ желаетъ говорить; 3.
Тотъ часъ глубокое молчанїе настало.

 Въ

2. *То страшно знаменье монашескїя власти.* Инквизицїя, которую хотѣли во Францїи учредить Герцоги де Гизы.

3. *Тогда Потье возставъ желаетъ говорить.* Потье де Бланъ Мени Президентъ парламентской, о коемъ говорено въ четвертой и пятой пѣсняхъ.

Въ толь смутны времена порокомъ зараженны,
Потье былъ праведенъ, однако былъ почтенъ.
Онъ часто твердостью и краснорѣчіемъ
Умѣлъ ихъ наглостей восторги укрощать;
И прежнюю свою храня надъ ними силу
Показывати имъ всю правды наготу.
Майенну вы, онъ рекъ, готовите корону:
Я заблужденіе сіе прощаю вамъ.
Майеннъ достоинства великія имѣетъ;
И ябъ ево избралъ, когда бы могъ избрать;
Но мы еще, но мы законы днесь имѣемъ,
И славный сей герой, назначенный къ престолу,
Коль власти требуетъ, есть трона недостоинъ.
Лишь онъ сіе сказалъ, Майеннъ незапно входитъ,
Со всѣми знаками пристойными монарху.
На вшедшаго его Потье безстрашно зритъ;
Не измѣня лица онъ тако продолжаетъ:
Когда бы я тебя мой князь не почиталъ,
Не смѣлъ бы я тогда за истинну вступиться;
Не смѣлъ бы я сказать, что тщетно мыслимъ мы
Теперь къ избранію Царя имѣти право.
По смерти Валоа осталися Бурбоны;
И ты на свѣтъ рожденъ не хищникомъ престола,
Но защитителемъ его претвердымъ быть.
Уже доволенъ Гизъ низверженный во гробъ;
Онъ удовлетворенъ погибелью монарха.
Злодѣйствомъ онъ погибъ, злодѣйствомъ отомщенъ.
Теперь съ паденіемъ нещастна Валоа
И мщеніе твое уже изчезнуть должно;
И брата твоего Бурбонъ не пролилъ крови.

Со

Онъ открытно у Герцога де Майенна просилъ дозволенія ѣхать къ Генриху четвертому (я, говорилъ онъ, буду вѣчно васъ почитать моимъ благотворителемъ, но не могу почитать васъ моимъ властителемъ).

Со добродѣтельми вы оба въ свѣтъ рожденны,
Не для того чтобы другъ другу быть врагами.
Но ропотъ слышу я и слышу вопли черни;
Богоотступника названіе я слышу,
И ложной ревностью духовныхъ зрю разженныхъ,
Которые съ мечемъ . . . нещастные постойте!
Какой законъ, или какое бѣснованье,
Къ помазаннымъ главамъ почтенье ваше рушитъ?
Иль отрасль Лудвига, почтеннаго святымъ,
Бурбонъ стремится къ намъ разрушить олтари?
У нашихъ олтарей онъ хощетъ научиться.
Съ любовью слѣдуетъ онъ тѣмъ святымъ законамъ,
Которы съ дерзостью стремитесь вы попрать,
И добродѣтель онъ во всѣхъ законахъ чтитъ;
Богослуженіе онъ ваше почитаетъ,
И даже терпитъ онъ и ваши заблужденьи.
Провидящу сердца живому Богу онъ,
На волю отдаетъ судити человѣковъ.
Какъ Царь и какъ отецъ онъ хощетъ править вами.
Онъ болѣе какъ вы, тиранны! Христіянинъ;
Онъ ваши съ кротостью проступки вамъ прощаетъ.
Подъ властію его вкушаютъ всѣ свободу;
Иль только онъ одинъ не можетъ быть свободенъ?
И надъ монархомъ васъ судьями кто поставилъ?
Невѣрны пастыри, граждане недостойны!
О! какъ отличны вы отъ перьвыхъ Христіянъ,
Которые презрѣвъ безчувственныхъ боговъ,
Служащимъ симъ богамъ монархамъ покарялись;
Безъ ропота на казнь смертельчую ступали
И тамъ мучителей своихъ благословляли;
Они единые прямые Христіяне,
Иныхъ не знаю я; они вкушали смерть
За жизнь своихъ Царей, а вы своихъ разите;
И Богъ, котораго свирѣпымъ мните быть,

Конечно онъ свирѣпъ, но противъ васъ, злодѣи!
Толь смѣлу слыша рѣчь молчанье всѣ хранятъ;
Сраженны истинной отвѣтствовать не смѣютъ;
Не могутъ изтребить, изъ сердца огорченна,
Того смятенія и ужаса всесильна,
Который завсегда во злыхъ внушаетъ правда.
Негодованье, страхъ ихъ мысли возмущаютъ.
Но страшный внезапу колеблетъ воздухъ вопль,
Къ ружью, друзья, къ ружью, или мы всѣ погибнемъ!
 Въ тотъ часъ густая пыль вздымаясь облаками,
Скрываетъ солнца лучь окрестъ стеняща града.
Шумъ бубновъ, трубный гласъ поля наполнивъ страхомъ,
Предвозвѣщаютъ смерть грядущую за ними.
Подобно изъ пещеръ угрюмаго Ѳорея
Изторгшись съ силою паря на крыльяхъ вихрей,
Подъемля прахъ съ земли мрачатъ свѣтъ страшны бури
И съ громомъ, горъ сердца трясущимъ, притекаютъ.
То было воинство гремящаго Бурбона,
Которое своимъ покоемъ утомленно
И крови жаждуще сей страшный шумъ творило
И долы тяготя къ Парижу приближалось.
 Полезныхъ сихъ часовъ Бурбонъ на то не тратилъ,
Чтобъ Валоа воздать послѣдню тщетну почесть;
Украсить гробъ его великолѣпья блескомъ,
Что мертвымъ воздаетъ живущихъ горделивость;
И онъ не отягчалъ сіи брега печальны,
Огромнымъ зданіемъ препышной Мавзолеи,
Чемъ время и судьбу на долго одолѣвъ,
Надменности вельможъ надъ смертью торжествуютъ.
Въ жилище мрачное хотѣлъ онъ къ Валоа,
Достойнѣйши его послати дани пѣни;
Его губителей хотѣлъ онъ наказать,
И побѣдя враговъ, Французовъ покоря,
На вѣкъ содѣлати блаженнымъ свой народъ.

Не

Не ожидаемо услыша нападенье,
Чиновъ отчаянныхъ расходится совѣтъ.
Майеннъ въ тотъ самый часъ на стѣны возстекаетъ,
И войско собранно въ округъ ево толпится.
Готовы приступы, готова оборона.

Въ тѣ бурны времена Парижъ былъ не таковъ,
Какимъ днесь кажется онъ щастливымъ Французамъ.
Тамъ замки яростью и страхомъ соруженны,
Въ меньшей окружности смыкали городъ весь.
Сіи предмѣстіи днесь толь великолѣпны,
Которы держитъ миръ отверстыми всегда,
Къ обширну городу приходы величавы,
Златые зданьи гдѣ вздымаются до неба,
Въ то время хижины валами обведенны,
Глубокимъ самымъ рвомъ отъ града отдѣлялись.
Съ восточныя страны Бурбонъ ступаетъ съ войскомъ;
Вселяетъ ужасъ онъ и смерть ему предъидетъ.
Отъ осаждающихъ и стѣнъ съ вершины грозной
Желѣзо и огонь со всѣхъ сторонъ летаютъ.
Тамъ башни страшныя и каменныя стѣны
Разбиты падаютъ ударомъ ярыхъ ядръ;
Тамъ видны цѣлые низринуты полки;
Далеко по полямъ разсѣяны ихъ члены.
Желѣзо быстрое все въ прахъ преобращаетъ;
И всѣ сражаются съ единымъ только громомъ.

Съ искуствомъ не такимъ напредь сего во бранѣхъ,
Стремилися терзать другъ друга люты смертны;
И не съ такимъ они губилися снарядомъ;
Единый только мечь довольствовалъ ихъ ярость.
Но злые вымыслы свирѣпыхъ ихъ потомковъ
Украли быстрый огнь горящій въ небесахъ.
Гремѣли страшные и гибельные бомбы,
Смятеній Фландріи произведенье люто.
Въ чугунныхъ сихъ шарахъ селитра заключенна,

 Стре-

Стремяся съ пламенемъ несетъ далеко гибель
И яростная смерть съ разрывомъ вылетаетъ.
Съ большею лютостью смертельны вымыслы
Въ глубокихъ пропастяхъ умѣютъ заключать
Подземны молнiи готовы разродиться.
Подъ льстивою стезей, гдѣ храбры воины
Надѣясь на себя къ убiйствiю стремятся,
Тотъ часъ вскрываются погибельныя бездны.
Потоки сѣрные весь воздухъ омрачаютъ
И цѣлые полки подземнымъ онымъ громомъ
Или подъемлются на воздухъ воспаленный,
Или глотаются земли ужаснымъ зѣвомъ.
Вотъ тѣ опасности, чрезъ кои нашъ герой
Желаетъ съ алчностью достигнути до трона.
Съ нимъ воины его тѣ бури презираютъ.
Подъ ихъ ногами адъ, а громъ надъ ихъ главой,
Но слава ихъ манитъ грядуща за царемъ;
Текутъ безъ ужаса взирая на нее.
Морней въ срединѣ сихъ стремленiй смертоносныхъ,
Грядетъ не робкими и важными стопами.
Не ощущаючи ни ярости, ни страха,
Спокоенъ посреди ужасна пораженья;
Взирая на войну онъ стоическимъ окомъ,
Чтитъ карою небесъ жестокою, но нужной;
И строгiй сей мудрецъ, за славою влечася,
Пороча брань течетъ съ жалѣньемъ за Царемъ.
Въ ужасный путь они нисходятъ наконецъ,
Который защищалъ раскатъ омытый кровью.
Тамъ страшно бѣдствiе сугубитъ силы ихъ.
Чрезъ темны рвы творя себѣ изъ труповъ мостъ,
Опровергая все, стѣсняя осажденныхъ,
Подобно молнiи стремятся во проломъ.
Мечемъ вооруженъ, покрытъ щитомъ ужаснымъ,
Бурбонъ предшествуя туда влетаетъ первый.

Побѣдоносными руками онъ своими
Ужъ лиліи свои воздвигнулъ на стѣнахъ.
Предъ нимъ бунтовщики наполнилися страхомъ;
Казалось, своего монарха почитаютъ,
Бѣгутъ, но вдругъ Майеннъ ихъ паки ободряетъ;
Примѣромъ ихъ своимъ къ злодѣйству поощряетъ;
Сжимаясь ихъ полки стремятся на Царя,
Котораго снести они не смѣли вида.
Тамъ съ ними на стѣнахъ раздоръ безчеловѣчный,
Купается въ крови пролитой за него.
По волѣ воинъ тамъ освирѣпѣвшій въ брани,
Сражаяся въ близи вѣрнѣе поражаетъ.
 Тогда замолкъ сей громъ военныхъ оныхъ молній,
Которыхъ челюсти землею сотрясали,
Молчанье страшное, то чадо ярости,
Настало съ ужасомъ по громахъ смертоносныхъ.
Съ отчаянной рукой, съ горящимъ злобой окомъ,
По трупамъ вражескимъ творятъ кровавый путь.
На семъ позорищѣ и ужаса и смерти,
Даетъ свои вѣнцы побѣда попремѣнно.
Еще въ близи знаменъ лилеями покрытыхъ
И Лотарингскія взвѣваетъ вѣтръ знамена;
И осажденныя попранныя стократно,
Стократъ являются опять ведущи брань.
Подобно, Океанъ волнуемъ сильной бурей,
То покрываетъ брегъ то паки отступаетъ.
 Какъ Царь, подобно такъ его соперникъ славный,
Въ сей страшный день самихъ себя превосходили.
Покрыты кровію, покрыты оба прахомъ,
Владѣющи собой и презирая смерть,
Мгновенно видятъ все, опасность упреждаютъ,
Повелѣваютъ вдругъ и купно дѣйствуютъ,
И правятъ воиновъ стремительнымъ движеньемъ.
 Британскихъ между тѣмъ избранныхъ ратоборцевъ

На

На страшный сей приступъ Ессексъ выводитъ храбрый.
Казалось, что они сражаяся за насъ,
Дивятся зря себя со Францїей въ союзѣ.
Но честь отечества стремяся поддержать,
Желаютъ умереть на самихъ тѣхъ стѣнахъ,
Гдѣ прежде предковъ ихъ Секвана зрѣла власть.
Сражался гдѣ д'Омалъ, Ессексъ, въ проломъ тотъ входитъ.
Равно блистательны, равно и храбры оба,
Во всемъ подобные полубогамъ Троянскимъ.
Ихъ ратники въ округъ сражаяся толпятся;
Британцы гордые, Французы, Лотарингцы,
Спряженны яростью ступали, поражались,
И купно падали и купно умирали.
О! Ангелъ правящїй ихъ яростью души,
Свирѣпый браней духъ, о! Ангелъ истребитель,
Какова сторону героя ты приялъ?
И на ково судьбы превѣсились вѣсы?
Бурбонъ, Майеннъ, Ессексъ и самъ его соперникъ,
То уступаючи, то паки ободряясь,
Плывя въ крови творятъ равно ужасну сѣчу.
Правдивыхъ наконецъ побѣда увѣнчала;
Бурбонъ преодолѣлъ и путь себѣ отверзъ.
Ужь не противятся бунтовщики ему;
Сраженны падаютъ, ограды оставляютъ.
Подобно такъ какъ съ горъ стремяся Пиренейскихъ,
Ревя, потокъ грозитъ въ долинахъ нимфамъ робкимъ;
Оплотъ поставленный противъ бурливыхъ волнъ,
На время малое его остановляетъ;
Но вдругъ разторгнувши безсильные преграды,
Далеко ужасъ онъ и смерть распространяетъ
И дубы гордые изъ корня вырываетъ,
Которые до толь касались облакамъ;
И камни горъ съ вершинъ угрюмыхъ отдирая,
За стадомъ гонится далеко по лугамъ:

Подобно

Подобно такъ Бурбонъ съ поспѣшностью низходитъ
Со стѣнъ дымящихся, которы онъ попралъ;
Онъ тако съ яростью стремяся за врагами
Бѣгущи ихъ толпы смятенны пожинаетъ.
Шестьнадесять вождей начальныхъ заговора
Бѣгутъ отъ рукъ его разсыпанные страхомъ.
Уже Майеннъ велитъ врата отверсти града;
Съ оставшимъ воинствомъ вступаетъ онъ въ Парижъ;
А побѣдители со пламенемъ въ рукахъ
Стремятся истребить предмѣстїи кровавы;
И храбрость воины во ярость превращая,
Грабленью и огню все тамо предаютъ.
Бурбонъ не видитъ ихъ; въ стремленїи своемъ
Бѣгущихъ отъ нево онъ гонитъ супостатовъ;
Побѣдой возпаленъ предмѣстьи оставляетъ
И приближается онъ града ко вратамъ.
Друзья, онъ вопїетъ, ступайте съ пламенемъ,
На гордыя сїи съ мечемъ взойдемъ мы стѣны.

Лишь только онъ то рекъ, изъ облака въ тотъ часъ
Явилося ему блистающе видѣнье;
И тѣло онаго, стихїями владѣя,
На крыльяхъ вѣтренныхъ къ Бурбону нисходило;
И немерцающи божественны лучи
Безсмертныя красы являли на челѣ.
Съ лицемъ наполненнымъ и нѣжности и страха
Онъ возопилъ: постой, нещастный побѣдитель!
Мечемъ и пламенемъ ты хочешь истребить
Наслѣдство славное твоихъ великихъ предковъ;
Попрать отечество, мои разрушить храмы,
Всѣхъ подданныхъ твоихъ въ конецъ искоренить
И царствовать потомъ надъ мертвыми одними.
При звукѣ оныхъ словъ ужаснѣйшихъ и грома,
Отъ страха воины ницъ павъ объемлютъ землю.
Огня воинска полнъ, во брани распаленный,

 Бурбонъ,

Бурбонъ, какъ Окїанъ смиряяся реветъ:
Ужасный жителю невидимаго свѣта,
Чего въ сей страшный часъ ты хочешь отъ меня?
Тогда услышалъ онъ сїи слова кротчайши:
Я Царь, котораго Французы чтутъ святымъ,
Бурбоновъ я отецъ, защитникъ твой, родитель;
Подобно такъ какъ ты враговъ разившїй Лудвигъ;
Сей Лудвигъ, коего законъ ты пренебрегъ,
Который о тебѣ сердечно сожалѣетъ
И удивляяся къ тебѣ любовь питаетъ;
Самъ Богъ тебя, самъ Богъ ко трону препроводитъ;
Ты побѣдителемъ мой сынъ войдешь въ Парижъ;
Но ты не храбростью, щедротой побѣдишъ;
Сїе вѣщаетъ Богъ къ тебѣ меня пославшїй.
Герой услыша то льетъ слезы радости.
Надежда гнѣвъ его изъ сердца истребила.
Вздыхая онъ свои колѣна преклоняетъ.
Священнымъ ужасомъ ево наполненъ духъ.
Онъ руку къ тѣни сей три раза простираетъ,
Тѣнь трижды отъ его объятїй убѣгаетъ;
Равно какъ сильный вѣтръ гоняетъ легкїй облакъ.
Межъ тѣмъ съ высокихъ стѣнъ враги вооруженны,
Дождятъ на Генриха желѣзомъ и огнемъ.
Десница вышняго хранитъ его главу;
Далеко отъ него погибель отвращаетъ.
Онъ зритъ тогда, онъ зритъ отъ бѣдствїя какова
Рукой спасительной его избавилъ Лудвигъ.
Онъ очи на Парижъ печальны обращая,
Французы, вопїетъ, и ты ужасный градъ,
Граждане злобные, народъ пребеззаконный,
Доколѣ будите противиться Царю?
Тогда подобно такъ какъ солнце заходяще,
Свершивъ свой свѣтлый путь, на краѣ горизонта,
Не столь палящїе бросаетъ къ намъ лучи,

И увеличившись скрывается отъ насъ,
Герой отходитъ прочь отъ вредныхъ стѣнъ Парижа;
Наполнивши свой духъ святымъ Царемъ и Богомъ
Къ Винсеннѣ онъ грядетъ, гдѣ Лудвигъ нѣкогда
Законы истинны давалъ сѣдя подъ дубомъ.
Въ тотъ часъ отъ запада рождающаго мраки
Выходитъ ночь покрыть Парижъ своимъ покровомъ;
И скрыти отъ очей позорище ужасно
Пролитой крови въ день и труповъ побїенныхъ.

Конецъ шестой пѣсни.

ПѢСНИ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Святой Лудвигъ переноситъ во снѣ Генриха четвертаго во адъ и въ рай. Во обиталищѣ судьбы показываетъ ему его потомковъ и великихъ людей, которыхъ Франція произведетъ.

Творца создавша насъ неизреченна благость,
Для облегченія страданій въ краткой жизни,
Двухъ благодѣтелей межъ нами помѣстила,
Всѣмъ смертнымъ на земли сопутниковъ дражайшихъ:
Они суть сладкій сонъ и лестная надежда.
Какъ смертный утомленъ отъ тягости заботъ,
Лишенна крѣпости почувствуетъ себя,
То сонъ тогда самой натурѣ помогая,
Спокойствіемъ его возобновляетъ силы
И въ чувствіе лїетъ забвенье попеченій.
Надежда же сердца воспламеняя наши,
Обманывая насъ утѣхи подаетъ;
Но въ смертныхъ, оная, любезныхъ небесамъ
Не лестны радости вливаетъ завсегда;
Отъ Бога крѣпость имъ приноситъ и обѣты
И столькожъ какъ самъ Богъ она неколебима.
Ихъ Лудвигъ къ Генриху обѣихъ призываетъ:

При-

Приближся къ моему, чета дражайша, сыну!
Сонъ, слыша гласъ его въ своихъ глухихъ пещерахъ,
Ступаетъ лѣностно къ дубравамъ прохлажденнымъ;
Шумъ наглыхъ вѣтровъ тамъ въ минуту утихаетъ;
Надежды чада съ нимъ, прїятны сновидѣньи
На легкихъ крылїяхъ летая въ кругъ Бурбона,
Мѣшаютъ маковы со лаврами цвѣты.

Тогда монаршую взявъ Лудвигъ дїадиму,
На грозное чело Бурбона возлагаетъ.
Владѣй,речетъ, владѣй и будь во всемъ мой сынъ;
Я на тебѣ мою надежду утверждаю;
Но ахъ! довольно ли престола для тебя?
И мой вѣнецъ тебѣ не самый лутчїй даръ;
Еще не много то, коль будешь ты Царемъ;
И если небеса не просвѣтятъ тебя,
Побѣды всѣ твои и слава есть ничто;
Всѣ чести свѣтскїя суть благо безполезно,
За добродѣтели безплодная награда,
Опасный только блескъ и скоро преходящїй;
Одно смятенїе сопутствуетъ ему,
А смерть своей косой въ ничто преобращаетъ.
Я царство вѣчное твоимъ глазамъ открою,
Для просвѣщенїя тебя, не для награды.
Гряди за мною въ слѣдъ ты новыми путями;
Стремися въ самыя Создателевы нѣдра.

Тогда въ пресвѣтлую вошедши колесницу,
Небесны округи въ минуту протекаютъ.
Подобно молнїй блескъ въ срединѣ темной ночи,
Въ мигъ изъ конца въ конецъ все небо пролетаетъ.
Таковъ былъ облакъ сей огнемъ воспламененный,
Который скрывъ въ себѣ пророка Илїю,
На пламенной его восхитилъ колесницѣ.

Въ срединѣ сихъ шаровъ и свѣтлыхъ и огромныхъ,
Которыхъ можемъ мы теченье измѣрять,

Сїяетъ та звѣзда, самимъ Творцомъ возжена,
На оси въ кругъ себя которая вертится;
Сей свѣта вѣчнаго источникъ безконечны
Являяся, даетъ природѣ всей животъ;
Мирамъ въ округъ его текущимъ во Еѳирѣ,
И года времена и дни разпредѣляетъ.
Всѣ звѣзды одному покорствуя уставу,
Въ теченїи своемъ другъ друга привлекаютъ 1.
И отвлекаются всечасно другъ отъ друга;
Служа и правиломъ взаимно и подпорой,
Другъ другу свѣтъ даютъ заемлючи отъ солнца.
Превыше ихъ еще въ пространствѣ безконечномъ
Несмѣтны солнца есть и свѣты безконечны.
Превыше всѣхъ небесъ Предвѣчный обитаетъ.
Туда герой съ вождемъ небеснымъ притекаетъ.
Тамъ составляются различные тѣ духи,
Которые тѣла вселенной наполняютъ;
И возвращаются отъ тѣла отдѣленны,
Опять въ сїи жъ мѣста по смерти наши души.
Тамъ у подножїя престола своего
Содержитъ судїя неколебимо твердый,
Всѣхъ ангеловъ его дхновеньемъ сотворенныхъ.
Сїе то существо, которому всѣ служатъ
И коего никто поняти не удобенъ;
И разны имена ему дая вселенна,
Его единаго лишь только обожаетъ.
Онъ внемлетъ съ высоты пустые наши вопли,
И съ жалостью онъ зритъ на наши заблужденьи;
На

1. *Въ теченїи своемъ другъ друга привлекаютъ*
И отвлекаются всечасно другъ отъ друга.

Останется ли принятою или нѣтъ систима притяженїя славнаго Г. Невтона; но сїе пребудетъ вѣрно, что небесные шары приближаяся и удаляяся другъ отъ друга, кажется, что они привлекаются и отвлекаются взаимно.

На буйныя сїи и бѣдны разсужденья,
Которы о его премудрости безмѣрной,
Творитъ невѣжество предерскихъ человѣковъ.
Дщерь грозна времени неумолима смерть
Къ подножїю его безщадною рукою
Приводитъ жителей сего печальна свѣта.
Она къ нему влечетъ и Бонзовъ и Брахмановъ
Послѣдователей Конфуцїа велика,
И древнихъ Персїанъ, преемниковъ скровенныхъ,
И подражателей ученью Зороастра, 2
И блѣдныхъ жителей замерзлыхъ оныхъ странъ,
Которы сѣверныхъ морей объяты льдами;
И обитателей лѣсовъ Американскихъ,
Безчисленны толпы рабовъ отца обмана.

Въ минуту просвѣтясь въ молчанїи тѣ мертвы
Со трепетомъ его рѣшенья ожидаютъ.
Быстряе мысли Богъ все зря и слыша вдругъ,
Единымъ своего лишь ока мановеньемъ,
Въ минуту ихъ казнитъ, въ минуту разрѣшаетъ.
Бурбонъ не зрѣлъ сего невидимаго трона,
Откуда всякой часъ судъ страшный изтекаетъ,
И гдѣ Богъ всѣмъ свои предѣлы изрекаетъ,
Предѣлы скрытые отъ гордыхъ человѣковъ,
Которые вотще постигнуть ихъ стремятся.
„Какое, самъ въ себѣ такъ Генрихъ помышляетъ,
„Создателя сего какое правосудье?
„За толь сей праведный Господь караетъ ихъ,
„Что свѣта очи ихъ провидѣть не могли,
„Который онъ отъ нихъ далеко толь поставилъ?

„И

2. *И подражателей ученью Зороастра.* Въ Персїи Гвебры имѣютъ особливый законъ, который они почитаютъ основаннымъ отъ Зороастра, и который кажется меньше глупъ, нежели какъ протчїя суевѣрїи человѣковъ, ибо они тайное воздаютъ богослуженїе солнцу какъ подобїю Создателя.

„И можетъ ли Онъ ихъ на казни осуждать,
„Что заблужденіи они свои питая,
„Познати не могли ученія Христова,
„О коемъ никогда они и не слыхали?
„Ахъ! нѣтъ, Онъ всѣхъ создавъ, всѣхъ хочетъ и спасти.
„Творенья своего не хочетъ погубить.
„Онъ учитъ насъ вездѣ, Онъ къ намъ вездѣ вѣщаетъ.
„Законъ естественный единственный повсюду,
„Законъ природы сей и сладостный и чистый
„Господь во всѣхъ сердца внушаетъ равномѣрно;
„Онъ и язычниковъ закономъ тѣмъ же судитъ.
„Коль сердце праведно язычники имѣли,
„Со Христіянами конечно ихъ сравняетъ.
Межъ тѣмъ когда герой нескромнымъ разсужденьемъ,
Хотѣлъ проникнути въ Создателевы тайны,
Отъ трона вышняго раздался страшный гласъ;
Тѣмъ небо потряслось, вселенна встрепетала.
Сей звукъ подобенъ былъ тому гремящу гласу,
Когда съ Синайскія горы Господь вѣщалъ.
Чтобы удобнѣй внять его слова безсмертны,
Небесныхъ Ангеловъ поющій хоръ замолкъ,
Всѣ звѣзды то въ своемъ теченьи повторяли:
„Разсудку слабому брегися предаваться.
„Творецъ тебя создалъ не понимать его,
„Но сердцемъ чтя его любити непремѣнно.
„Не видимъ Онъ тобой, да царствуетъ въ тебѣ.
„Прощаетъ смертнымъ Онъ неодолиму слабость;
„Однако Онъ казнитъ преступки произвольны.
„Коль свѣтитъ лучь тебѣ, открой глаза, о! смертный!
По семъ Бурбонъ летитъ къ ужаснѣйшему шару
Къ безплодну, мрачному, отвержищу природы.
Какіе слышатся ужасные тамъ вопли?
Отколь куреніе сіе и темный пламень?
Каки чудовища летятъ, вѣщаетъ Генрихъ?

Какіе

Какіе пропасти на насъ огнемъ пылаютъ?
Ты видишь, о мой сынъ! здѣсь адовы врата.
Ты видишь бездны здѣсь изрыты правосудьемъ.
Обитель страшную злодѣйства и пороковъ.
Ступай за мной; сюда пути всегда отверсты.
По семъ ко адовымъ они вратамъ приходятъ. 3.
Тамъ зависть мрачная, имѣя робкій видъ,
На лавры и вѣнцы ліетъ свою отраву.
Глаза ея, лучей ни мало не терпящи,
Какъ жарки угліа сверкаютъ въ темнотѣ;
Любяща мертвецовъ живущихъ ненавидитъ;
Она, Бурбона зря, отворотясь вздыхаетъ.
Близъ ней сидитъ собой любуяся гордыня;
И слабость блѣдная съ унылыми очами,
Котора одному злодѣйству уступаетъ,
А добродѣтели всечасно притѣсняетъ.
Тамъ честолюбіе смятенно, безпокойно,
Гробами, тронами, рабами окруженно.
Тамъ лицемѣріе съ прелестными глазами;
Рай кажетъ на лицѣ, въ его же сердцѣ адъ.
Усердье ложное тиранствовать тамъ учитъ.
Прибытокъ такъ же тамъ отецъ пороковъ всѣхъ.
Тиранны оные развратныхъ человѣковъ
Увидя Генриха приходятъ въ изумленье.
Они во первый разъ взираютъ на него.
Ихъ гнусная толпа во вѣкъ не прикасалась
Ко добродѣтельной душѣ сего героя.
Какой, гласятъ они, сей смертный дерзновенный,
Симъ мужемъ праведнымъ сюда препровожденный,

3. *По семъ ко адовымъ они вратамъ приходятъ.* Богословы не рѣшили сего положенія вѣры, чтобъ адъ былъ въ центрѣ земли, какъ то заключали языческіе мудрецы. Иные полагали его въ солнцѣ; а здѣсь опредѣленъ на то особливый шаръ.

Приходитъ мучить насъ во мракѣ вѣчной ночи?
Герой среди духовъ во мрачномъ семъ жилищѣ
Стопами тихими по безднамъ шествуетъ.
Предпутникомъ ему самъ Лудвигъ тамо служитъ.
Что вижу, небеса! вдругъ Генрихъ возопилъ,
Убійца Валоа стоитъ передо мною!
Чудовище сіе еще тотъ держитъ ножъ,
Которымъ онъ свершилъ свое отцеубійство,
Которымъ заговоръ его вооружилъ.
Когда священники въ Парижѣ возмущенномъ,
Священны олтари прегнуснымъ образомъ
Сего ужаснаго злодѣя оскверняютъ;
Когда самъ Римъ его хвалами осыпаетъ, 4.
Здѣсь адъ его во злыхъ мученьяхъ заключаетъ.
Мой сынъ, отвѣтствуетъ ему священный Лудвигъ,
Монарховъ здѣсь казнятъ строжайшіе законы.
Увидь тирановъ сихъ, которыхъ въ животѣ
Преослѣпленные народы обожали;
Чемъ болѣ и сильнѣй они на свѣтѣ были,
Тѣмъ больше ихъ Творецъ по смерти унижаетъ.
Злодѣйства онъ казнитъ содѣянныя ими,
И тѣ которыя содѣлать допускали,
И тѣ которыя оставлены безъ казни.
Величья тщетнаго ихъ хладна смерть лишила;
Лишила ихъ сего великолѣпья бренна,
Ихъ гнусной роскоши и ихъ льстецовъ наемныхъ,
Которые отъ нихъ скрывали истинну;

Святая

---

4. *Когда самъ Римъ его хвалами осыпаетъ.* Отцеубіецъ Іаковъ Климентъ былъ похваляемъ въ проповѣдяхъ въ Римѣ, гдѣ надлежалобы говорить слово на погребеніе Генриха третьяго. Образъ Климентовъ былъ въ Парижѣ на олтаряхъ поставленъ съ евхаристіею. Кардиналъ де Рецъ обьявляетъ, что въ день смятенія во время малолѣтства Лудовика четвертагонадесять видѣлъ онъ у одново на ошейникѣ вырѣзанный образъ сего монаха съ надписью: святый Іаковъ Климентъ.

Святая истинна здѣсь казнь ихъ составляетъ;
Она являетъ имъ всякъ часъ ихъ преступленья.
Смотри, какъ слыша гласъ ужасныя имъ правды,
Завоеватели сіи трепещутъ здѣсь.
Герои суть они въ глазахъ народа буйна,
Но Бога во очахъ они тиранны люты;
Бичи вселенныя ихъ яростью пожертой,
Носимый ими громъ ихъ нынѣ поражаетъ.
Въ близи отъ нихъ лежатъ правители безпечны,
Срамившіе престолъ царей безсильны тѣни.
Близъ оныхъ зритъ Бурбонъ вельможей ихъ безчинныхъ,
И ихъ совѣтниковъ онъ зритъ сребролюбивыхъ,
Которые законъ и нравы развращали
И продавали честь и Марса и Ѳемиды;
Которы первые во цѣну положили,
Всѣ добродѣтели блаженныхъ нашихъ предковъ.
Въ семъ обиталищѣ и горести и плача
Включенны такъ же суть тѣ люди развращенны,
Которые любя приятные пороки,
Всечасно гибельный вкушая нѣги ядъ,
Вседневно въ праздности, въ весельи пребывали.
Узря ихъ слезы льетъ Бурбонъ великодушный.
Увы! вѣщаетъ онъ, когда сіе не ложно,
Что ада челюсти, нещастныхъ смертныхъ племя,
Толпами цѣлыми всечасно поглощаютъ;
Коль вѣка краткаго за суетною жизнью,
Мученье вѣчное послѣдуетъ всегда,
Не лутчель было бы имъ вѣчно не рождаться.
Сто кратъ блаженнѣе бъ караемые были,
Когда бы въ матерней они утробѣ сгибли.
По что сей строгій Богъ, премудрый толь и сильный,
Свободу смертному пространную даетъ,
Его предвидящей не покоряться волѣ.
Не мысли, Лудвигъ рекъ, что оны жертвы терпятъ

 Караніе,

Каранїе, грѣхи превосходяще ихъ,
Что Богъ, сей праведный Создатель человѣковъ,
Со удовольствїемъ свое творенье губитъ.
Ахъ! нѣтъ, мой сынъ, когда Создатель безконеченъ,
То безконеченъ Онъ въ однихъ своихъ щедротахъ:
Безмѣренъ въ благостяхъ, Онъ гнѣвъ свой умѣряетъ.
На свѣтѣ Господа тиранномъ представляютъ;
Но здѣсь прекроткїй Онъ Отецъ чадолюбивый,
Который чадъ своихъ, какъ должно наказуетъ;
Онъ мщенья своего удары умягчаетъ;
За легки слабости, за краткїя утѣхи
Наполненны всегда смятенїемъ и скукой,
Мученьемъ не казнитъ толь вѣчнымъ какъ Онъ самъ 5.

По семъ приближились они къ мѣстамъ блаженнымъ,
Къ странамъ прекраснѣйшимъ невинности жилищу.
Ужъ тамъ не адова ужаснѣйшая мрачность,
Но дня пресвѣтлаго безсмертное сїянье.
Узрѣвъ сїи мѣста почувствовалъ Бурбонъ
Невѣдомую имъ текущу въ сердце радость.
Тамъ страсти гнусные не возмущаютъ духа;
Спокойна радость тамъ приятства проливаетъ;
Все тамо чувствуетъ любви могущу власть:
Не той любви, что въ насъ внушаетъ слаба нѣга;
Но пламень божества святый и безпорочный;
Сїю небесну дщерь невѣдому на свѣтѣ.
Тамъ ею всѣхъ сердца наполненны горятъ,
Всечасно пользуясь желаютъ повсечасно.
Въ приятномъ пламени они вкушаютъ вѣчно
Спокойствїе безъ скукъ, веселье безъ мученья.
Тамъ царствуютъ на вѣкъ Цари благословенны,
Герои истинны и всѣ премудры мужи.

На

5. *Мученьемъ не казнитъ толь вѣчнымъ какъ Онъ самъ.* Здѣсь разумѣется чистилище.

На тронѣ блещущемъ изъ злата изваянномъ,
Тамъ въ славѣ возлежатъ Кловисъ съ великимъ Карломъ
И съ высоты небесъ лилеи охраняютъ.
Свирѣпѣйши враги соединенны тамо
Драгими братьями другъ друга почитаютъ.
Почтенный мудрымъ тамъ дванадесятый Лудвигъ, 6.
Превыше всѣхъ Царей вздымаяся какъ кедръ,
Законы подая повелѣваетъ ими.
Сэй Царь, котораго небесная щедрота
На землю къ щастїю спослала нашихъ предковъ,
Съ собою на престолъ и истинну возвелъ.
Прощая часто онъ владѣлъ рабовъ сердцами
И слезы отиралъ народа своего.
Тамъ съ нимъ и д'Амбоазъ его вельможа вѣрный, 7.
Который Францїю любя любимъ былъ ею;
Владыки своего достойнѣйшїй наперсникъ,
На семъ высокомъ толь могущества степени,
Онъ рукъ ни грабежемъ ни кровью не скверн илъ.
Блаженны времена! о нравы драгоцѣнны!
Достойные Царямъ примѣрами служить!
Граждане щастїемъ, а Царь покрытъ былъ славой,
И всякъ плоды вкушалъ законовъ милосердыхъ.
О! дни блаженные, вы возвратитесь паки
Инова Лудвига подъ кроткою державой.

Се воины свою принесши въ жертву жизнь,
Которыхъ только честь и должность воспаляли.

---

6. *Почтенный мудрымъ тамъ дванадесятый Лудвигъ.* Лудвигъ дванадесятый есть одинъ король получившїй наименованїе отца народа.

7. *Тамъ съ нимъ и д'Амбоазъ ево вельможа вѣрный.* Мезерей пишетъ въ своей исторїи: между тѣмъ умеръ Григорей д'Амбоазъ, который былъ по справедливости любимъ Францїею и своимъ Государемъ, для того что онъ какъ отечество такъ и Государя обѣихъ равно любилъ.

Клиссонъ и де Фоа, Тримуллъ и Монтморанси; 8.
Гескленъ защитникъ сей Царей и усмиритель, 9.
Еще Байаръ, и ты прехрабра Амазонка, 10.
Британцовъ гордыхъ стыдъ и трона оборона.
Герои оные на небо преселенны,
Бурбону Лудвигъ рекъ, подобно такъ какъ ты
Дѣлами славными вселенну удивляли,
И добродѣтель имъ равно была любезна;
Но чада вѣрные благочестивой церкви,
Они дражайшу мать до гроба обожали;

Сердца

8. *Клиссонъ и де Фоа, Тримуллъ и Монтморанси.* Клиссонъ былъ Конетаблемъ во время владѣнія Карла шестаго. Гастонъ де Фоа, Герцогъ де Немурсъ племянникъ Лудовика втораганадесять, получа четырнатцать ранъ умеръ на славной Равенской баталіи, на которой онъ остался побѣдителемъ. Тримуллъ изъ прочихъ великихъ людей сего имени. Здѣсь упоминается о Гюи де ла Тримуллъ, который отрекся принять шпагу Коннетабля во время владѣнія Карла шестаго Монтморанси; если описывать всѣ услуги оказанныя государству отъ сего дома, то должно будетъ написать огромную книгу.

9. *Гескленъ защитникъ сей Царей и усмиритель.* Гескленъ, Коннетабль, спасъ Францію во время владѣнія Карла пятаго, завоевалъ Кастиллію, возвелъ Генриха Тринстамара на престолъ Петра Жестокаго и былъ Коннетаблемъ Франціи и Кастилліи.

10. *Еще Байаръ и ты прехрабра Амазонка.* Байаръ. (Петръ де Теральй, по прозванію Рыцарь или Кавалеръ безстрашной и безпорочной). Онъ Франциска перваго вооружилъ на баталіи Мариньянской, и убитъ въ 1523 году при отступленіи изъ Ребека въ Италіи. Прехрабра Амазонка, Жанна д'Аркъ извѣстна подъ именемъ отроковицы Орлеанской, была служанкою на постояломъ дворѣ, родилась въ деревни Домреми при Мезѣ. Имѣя силы тѣлесныя и мужество превышающія женскій полъ, была употребляема графомъ де Дюноа для поправленія дѣлъ Карла седьмаго. Она была взята въ полонъ въ одной вылазкѣ изъ Компіена въ 1430 году, приведена въ Руанъ, обвинена чародѣйкой по духовному суду, которой сколь въ невѣжество, столько и въ варварствѣ погруженъ былъ, и наконецъ сожжена Агличанами, долженствовавшими почитать ее храбрость.

Сердца ихъ чистыя любили истинну;
Богослуженье ихъ одно со мною было;
Почто его, почто оставилъ ты нещастный?
Лишь только онъ то рекъ, тотъ часъ съ стенящимъ гласомъ
Открылося предъ нимъ судьбы жилище темно.
Къ священнымъ симъ мѣстамъ путь сына онъ направилъ;
Тамъ сто мѣдяныхъ вратъ отверзлися предъ ними.
Крылами быстрыми, нечувственнымъ полетомъ
Изъ зданія сего всечасно вылетаетъ
И возвращается опять туда же время.
Оттолѣ полными оно руками сыплетъ
И благо въ миръ и зло опредѣленно смертнымъ.
На жертвенникѣ тамъ зваянномъ изъ желѣза,
Лежитъ закрытая и не понятна книга,
Которая въ себѣ написаны содержитъ
Непреминуемы предбудущи событьи.
Превѣчнаго тамъ перстъ назначилъ намъ желаньи
И наши горести и слабые веселъи;
И воля наша тамъ, раба прегордѣлива,
Невидимымъ ярмомъ содержится въ неволѣ;
Сокрытымъ бременемъ, котораго твердыню
Ни чье могущество не можетъ разшибить,
Богъ безъ насилія ее порабощаетъ;
Тѣмъ болѣе его предѣламъ покоренна,
Что цепь связующа ее отъ ней закрыта;
Что повинуяся собой свободно правитъ
И часто кажется судьбамъ даетъ уставы.
О сынъ мой, Лудвигъ рекъ, отсель Господь небесный,
Ко смертнымъ благодать свою низпосылаетъ;
Отъ сихъ священныхъ мѣстъ, лучемъ побѣдоноснымъ
Ты просвѣщенъ, къ Творцу всѣмъ сердцемъ воспалишся.
Не можешь ты ни знать, ниже предускорить
Сего любезнаго часа и вожделѣнна,

Который Богъ одинъ въ своихъ рукахъ содержитъ.
Но сколь далеки суть блаженны времена,
Въ которыя Господь тебя усыновитъ!
Въ коликихъ слабостяхъ ты долженъ искуситься!
Какiе скольскiе пути прейти ты долженъ!
О! Боже, отдѣли отъ дней сего Царя
Тѣ дни нещастные, которые его
Отъ нѣдръ Твоихъ святыхъ еще должны отвергнуть.
Въ пространныхъ сихъ мѣстахъ какiе зрю толпы
Являющiеся и протекающи?
Ты видишь, Лудвигъ рекъ, въ священномъ семъ жилищѣ
Тѣхъ смертныхъ образы, которы будутъ жить;
Предбудущихъ вѣковъ здѣсь суть живые лики,
И человѣки всѣ сочтенны прежде вѣка,
Очамъ Создателя всечасно предстоятъ.
Здѣсь часъ рожденья ихъ судьбина назначаетъ,
Иныхъ величество, другихъ уничиженье;
Съ судьбой ихъ связаны различны перемѣны,
Ихъ добродѣтели, пороки, щастье, смерть.
Приближимся; Господь на то соизволяетъ,
Чтобы познать ты могъ героевъ и Царей,
Которымъ отъ тебя на свѣтъ родиться должно.
Сей первый есть твой сынъ: онъ славу нашихъ лилiй
Поддержитъ дланiю своей побѣдоносной;
Иверцовъ будетъ онъ щастливый побѣдитель.
Но не сравнится онъ ни съ сыномъ, ни съ отцемъ.
Бурбонъ въ тотъ часъ узрѣлъ на лилiяхъ сѣдящихъ,
Близъ трона самаго двухъ смертныхъ гордѣливыхъ.
Они у ногъ своихъ народъ во узахъ держатъ,
И римскою они одѣты багряницей,
И оба стражами они окружены;
Онъ ихъ Царями чтитъ . . . не обманулся ты;
Хоть титла царскаго они и не имѣютъ,
Однако жъ царскую имѣютъ они власть;

Они

Они правители и царства и престола;
Ришелье, Мазаринъ, безсмертные вельможи,
Отъ олтарей святыхъ ко трону возведенны;
Они политики и щастія суть чада,
Поспѣшно досягнутъ къ самодержавой власти;
Высокомысленный великій Ришелье
Обидящимъ его неутолимый врагъ;
Криваренъ Мазаринъ и преопасный другъ;
Единъ со хитростью ненастью уступающъ, 11.
Другой противу бурь безъ робости дерзающъ;
Тѣ рода моего открытны сопостаты,
Почтенные отъ всѣхъ, народу ненавистны;
И словомъ то сказать, стараніемъ своимъ
Полезны для Царей, но вредны обществу.
О ты въ могуществѣ слабѣйшій ихъ обѣихъ,
Въ намѣреньяхъ твоихъ не какъ они пространенъ,
На степени второмъ ты перьвый человѣкъ,
Колбертъ, твоей рукой во Францію введется
Благотворящее гражданамъ изобилье,
Злословяща тебя народа благодѣтель. 11.
Народу ты отмстишъ творя его блаженство;
Равно какъ тотъ герой наперсникъ Всемогуща
Исраильтянъ питалъ, поруганъ бывши ими.
Какой соборъ я зрю стоящихъ на колѣнахъ
У ногъ сего Царя приведшаго ихъ въ трепетъ?

11. *Единъ со хитростью ненастью уступающъ.* Кардиналъ Мазаринъ былъ принужденъ выѣхать изъ государства въ 1651 году, не смотря на усиліе владѣющей королевы, которою онъ правилъ. Но кардиналъ Ришелье всегда твердо содержалъ себя не взирая на своихъ неприятелей и на своего короля, который имъ наскучилъ.

11. Народъ, сіе чудовище свирѣпое и слѣпое, столько ненавидѣлъ великаго Колберта, что хотѣлъ вырыть тѣло его; но голосъ благоразумныхъ людей, который всегда превозмогаетъ бѣшенство народа, учинилъ память Колберта любезною и почтенною.

Какая честь ему! почтенїе какое!
Къ такой покорности народа своего
Во Францїи еще никто не приучалъ.
Подобно такъ какъ ты онъ славой поощряемъ,
Но больше страшенъ онъ хоть менѣе любимъ;
Превраты щастїя онъ разны испытаетъ.
Въ успѣхахъ горделивъ, но въ злоключеньяхъ твердъ,
Противу множества народовъ ополчится;
Въ теченьи дней своихъ достоинъ удивленья,
Однако болѣе по смерти онъ явится.
О треблаженный вѣкъ велика Лудовика!
Сокровища свои природа изтощитъ,
Чтобы украсити тебя на вѣки славой;
Тобой во Францїю художества введутся;
Потомство на тебя взоръ алчный обратитъ;
На вѣкъ свой музы тронъ во Францїи поставятъ;
Холстъ оживляется и жесткїй мраморъ дышетъ!
Какїе мудрецы въ сїи мѣста собранны 12.
Читаютъ въ небесахъ вселенну измѣряя
И мрачной ночи въ тьму принесши свѣта лучь,
Вникаютъ естества въ безмѣрну глубину;
Далеко, видя ихъ, невѣжество бѣжитъ;
И ихъ ко истиннѣ сомнѣнье препроводитъ.
А ты небесна дщерь Поезїя гремяща,
О ты Италїи и Грецїи краса!
Отвсюды слышу я твой гласъ, прелестный гласъ,
Который слуху льстя сердцами обладаетъ.
Французы славны, вы умѣя побѣждать,
Умѣете равно свои побѣды пѣть,
И лавры разные увѣнчаваютъ васъ.
Толпы героевъ здѣсь на свѣтъ произведутся.
Я всѣхъ Бурбоновъ зрю летящихъ на сраженье.

Я

12. *Какїе мудрецы въ сїи мѣста собранны.* Академїя Наукъ, которой записки почитаются всею Европою.

Я зрю Конде среди огней и вихрей дыма, 13.
Владыки своего онъ ужасъ и защита.
Увидь Тюренна тамъ, соперника Конде,
Не такъ блистательна въ геройскихъ подвигахъ,
Но превосходнѣйша ево въ благоразумьи
И равнаго ему во знанiи военномъ.
Преславный Катинатъ явитъ въ себѣ единомъ 14.
И разумомъ мудраго и мужество героя.
Оплоты тверды кто начертаваетъ тамо?
То Вобанъ, сей наукъ любитель и художествъ. 15.
Нещастный при дворѣ, въ войнѣ непобѣдимый,

13. *Я зрю Конде среди огней и вихрей дыма.* Людовикъ де Бурбонъ, обыкновенно называемый великимъ Кондiемъ и Генрихъ Виконтъ де Тюреннъ, были почитаемы наивеличайшими полководцами своего времени; оба они одерживали великiя побѣды и приобрѣтали славу даже и въ отступленiяхъ. Духъ Кондiевъ, какъ говорятъ, казался быть удобнѣе для дни сраженiя, а Тюренновъ для цѣлой войны. По крайней мѣрѣ то вѣрно, что Тюреннъ одержалъ верьхъ надъ великимъ Кондiемъ при Гiеннѣ, при Етампахъ, близъ Парижа, при Аррасѣ и въ баталiи Дунской; однако сего ни кто не можетъ рѣшить, кто изъ нихъ былъ болѣе другова.

14. *Преславный Катинатъ явитъ въ себѣ единомъ.* Маршалъ де Катинатъ родился въ 1637 году, онъ выигралъ баталiи Стаффардскую и Марсальскую, и послѣ безъ роптанiя повиновался маршалу де Вильроа, который прислалъ къ нему приказы не совѣтуя съ нимъ. Онъ оставилъ комманду безъ огорченiя, никогда ни на кого не жаловался, не просилъ ни чего у короля и умеръ какъ философъ въ небольшомъ загородномъ домикѣ близъ Сентъ Грацiана, не уменьша и не умножа своего имѣнiя и ни на часъ не выступая изъ предѣловъ своей умѣренности.

15. *То Вобанъ, сей наукъ любитель и художествъ.* Маршалъ де Вобанъ, наивеличайшiй инженеръ, родился въ 1633 году, онъ укрѣпилъ по новому образу триста древнихъ крѣпостей, и вновь построилъ тритцать три. Предводительствовалъ въ пятидесяти трехъ осадахъ и находился при ста сорокѣ сраженiяхъ. Онъ оставилъ по себѣ двенатцать томовъ рукописанныхъ наполненныхъ проектами ко благосостоянiю государства, изъ коихъ ни одинъ не изполненъ. Онъ былъ

Своею славою, гремящій Люксамбургъ 16.
Онъ именемъ своимъ наполнитъ всю вселенну.

Увидь въ Дененѣ ты Вилларса дерзновенна 17.
Ведуща прю за громъ съ орлами кесарей,
Посредникъ мира онъ побѣдой дарованна;
Монарха своего претверда оборона
И онъ Евгенія достойнѣйшій соперникъ.

Кто

членъ Академіи Наукъ и больше всѣхъ здѣлалъ чести математики обратя оную на пользу своего отечества.

16. *Своею славою гремящій Люксамбургъ.* Францискъ, Генрихъ де Монтморанси, приявшій имя Люксамбурга, маршалъ Франціи и Дюкъ Еперъ выигралъ баталію Кассельскую подъ командою брата Людовика четвертагонадесять, и самъ собою одержалъ славныя побѣды при Монсѣ, Флерюсѣ, Стеинкеркѣ и Нервиндѣ, и завоевалъ многія области королю, былъ заключенъ въ бастилію и имѣлъ многія досады отъ министровъ.

17. *Увидь въ Дененѣ ты Вилларса дерзновенна.* Положено было не говорить въ сей поемѣ ни о какомъ живомъ человѣкѣ, но изъ сего правила изключается маршалъ Герцогъ де Вилларсъ, который Францію избавилъ.

Онъ выигралъ двѣ баталіи Фределингскую и первую Гохстетскую. Надлежитъ примѣчать, что онъ въ сей баталіи стоялъ на самомъ томъ же мѣстѣ, которое послѣ было занято Герцогомъ Марлборугскимъ, когда оный противу другихъ генераловъ одержалъ Гохштетскую побѣду, толико лютую для Франціи. Напослѣдокъ маршалъ де Вилларсъ приявъ военачальство далъ славную баталію Блинжискую или Мальплакетскую, въ которой у неприятеля побито двадцать тысячь человѣкъ, и которая тогда проиграна, когда ранили маршала.

Наконецъ въ 1712 году, когда неприятели угрожали приступить къ Парижу и когда разсуждали въ совѣтѣ выѣхать ли изъ Версаліи королю Лудовику четвертому надесять, де Вилларсъ разбилъ принца Евгенія въ Дененѣ, овладѣлъ обозомъ неприятельскимъ въ Маршіеннѣ, принудилъ неприятелей оставить осаду Ландреси, взялъ Дуей, Кеноа, Бушенъ и проч: на договоръ и учинилъ миръ въ Радстатѣ именемъ королевскимъ съ тѣмъ же принцомъ Евгеніемъ уполномоченнымъ отъ императора.

Кто оный юный князь, котораго чело 18.
Величества лучемъ безъ гордости сіяетъ,
Онъ съ равнодушіемъ взираетъ на престолъ.
О! небо мгла его незапно помрачаетъ
И смерть ужасная въ округъ ево летаетъ;
Готовъ взойти на тронъ, предъ трономъ онъ падетъ.
О! сынъ мой, Лудвигъ рекъ, ты видишь въ князѣ семъ
Преправеднѣйшаго изъ всѣхъ гражданъ Французскихъ;
Отъ крови твоея онъ будетъ въ свѣтъ рожденъ.
Великій Боже! ты ево произведя
Покажешь твоего творенья совершенство;
Чтобъ насъ сразить его безвременной кончиной.
Какой надежды лучь онъ къ щастью намъ явитъ!
И какъ блаженны бы народы были имъ!
Онъ изобиліе бъ съ спокойствомъ проливалъ,
И онъ щедротами бъ свои дни изчислялъ
И подданныхъ своихъ любилъ бы какъ отецъ.
О! дни наполненны смятеніемъ и стономъ!
Колико токовъ слезъ Французы проліютъ,
Когда узрятъ они, въ одномъ спряженныхъ гробѣ,
Супруга и жену и съ матерію сына.
Се нѣжна, слаба вѣтвь выходитъ изъ развалинъ, 19.
Отъ древа славнаго едва неизтребленна;
И чада Лудвига низшедшіе во гробъ,
Монарха въ пеленахъ оставили Французамъ,
Надежду слабую престола потрясенна.
Разумный де Флери храни его ты дѣтство;
Направь его стопы; и наставляй къ добротамъ
Дражайшій сей залогъ моей чистѣйшей крови;
Учи, чтобъ онъ въ вѣнцѣ себя не забывалъ;

 Что

18. *Кто оный юный князь, котораго чело.* Покойный Дюкъ де Бурбонъ.

19. *Се нѣжна слаба вѣтвь выходитъ изъ развалинъ.* Людовикъ пятый надесять, во время малолѣтства его писана сія поема.

Что онъ хотя и Царь, такой же человѣкъ;
Чтобъ онъ любя народъ старался быть любимъ;
Что ради подданныхъ блаженства онъ на тронѣ.
Подъ властїю его о Францїя щастлива,
Ты прежне воспрїйми величїе твое;
Разсѣй ты ночи мракъ затмившїя тебя,
Чтобы художества оставить тя хотящи,
Тебя полезною бъ рукою увѣнчали.
Въ глубокихъ Окїанъ пещерахъ вопрошаетъ,
Куда сокрылися твоихъ судовъ всѣ флаги
Отъ Индскихъ пристаней, отъ Нила и Евксина,
Торги тебя зовутъ богатства открывая.
Порядокъ, тишину храни презря побѣды;
Уставомъ будь Царей, сего тебѣ довольно;
Страша земныхъ владыкъ ты силы изтощила.
 Съ великолѣпїемъ за юнымъ симъ монархомъ,
Послѣдуетъ герой гонимый клеветой.
Сей князь не столько слабъ, колико легкомысленъ;
Полнъ трудолюбїя, горящъ и добродушенъ;
Любитель новостей, веселїя любитель,
На лонѣ роскоши вселенной управляя
Пружиной новою политика его,
Европу раздѣля въ спокойствїи содержитъ.
И бдящими его озарены очами
Науки новый свѣтъ заемлютъ отъ него.
Способенъ ко всему, онъ всѣ дары имѣетъ;
Однако онъ чрезъ то и будетъ злополученъ,
Что смыслъ пространный толь отъ неба въ даръ прiялъ.
 Тогда средь молнїи во время бури сильной
Явились знамена взвѣваемы Французовъ.
Предъ ними сильная толпа Испанцовъ храбрыхъ
Германскаго орла главу пронзала горду.
Какое зрѣлище я вижу отче мой? . . .
Все премѣняется и все конецъ имѣетъ.

Съ

Съ подобострастїемъ премудрость сокровенну
Всевышняго Царя намъ должно почитать.
Се Карла пятаго все племя истребленно.
Испанїя у насъ просить Царей приходитъ;
Одинъ изъ сродниковъ моихъ законъ имъ пишетъ,
Филиппъ ... Услыша то Бурбонъ въ восторгъ приходитъ
Отъ удивленїя и радости безмѣрной.
Умѣрься, Лудвигъ рекъ, страшися сей премѣны.
Мадритъ властителя приемлетъ отъ Парижа;
Обѣимъ, можетъ быть, сїя опасна честь.
Отъ рода моего властители земные!
О ты Филиппъ! О вы мои любезны чада,
О если бъ вы могли быть вѣчно сопряженны!
Доколѣ будете, политики нещастны,
Вы пламя возжигать общественныхъ раздоровъ!
По семъ уже герой не могъ инова видѣть,
Какъ только смутные толпы пустыхъ мечтанїй.
Во храминахъ судьбы тотъ часъ вр[illegible]та сперлися
И неба свѣтлый сводъ въ его глазахъ померкъ.
Межъ тѣмъ заря съ лицемъ румянцемъ испещреннымъ
Чертоги солнцевы отверзла на востокѣ;
И ночь къ инымъ мѣстамъ покровъ свой отдалила;
И сонъ со тѣнїю далеко отлетаетъ.
Бурбонъ возставъ отъ сна во сердцѣ ощущаетъ
И силу новую и пламень божества.
Почтенїе и страхъ его внушаетъ взоръ.
Своимъ величїемъ Господь его наполнилъ.
Подобно такъ, когда Израильтяней вождь
Съ Предвѣчнымъ на горѣ бесѣдовалъ Синайской,
Евреи зря его на землю повергались,
Не могши снесть лучей очесъ его пресвѣтлыхъ.

Конецъ седьмой пѣсни.

ПѢСНИ

ПѢСНИ ОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Графъ Егмонтъ приходитъ отъ Испанцовъ на помощь Майенну и заговору. Сраженіе при Иврѣ, въ которомъ Майенново войско побито, а Егмонтъ убитъ. Храбрость и милосердіе великаго Генриха.

Чиновъ смятенное собраніе въ Парижѣ
Изъ сердца тщетную гордыню истребило;
И отъ единаго лишь имени Бурбона
Смущенны ужасомъ бунтующи трепещутъ;
И кажется уже сіе позабываютъ,
Что мыслили они себѣ Царя содѣлать.
Не смѣя ни вѣнчать ни сверзити Майенна,
Они его на томъ степени подтверждаютъ,
На коемъ не отъ нихъ поставленъ сей смутитель.
Намѣстникъ безъ главы и Царь безъ діадимы, 1.
Самодержавну власть Майеннъ хранитъ надъ ними.
Ползуща чернь предъ нимъ его защитой чтя
Сражаться за него и хощетъ умирать.
Надеждой новой полнъ, въ совѣтъ онъ созываетъ,
Всѣхъ гордыхъ сихъ вождей поборниковъ его;
д'Омала,

---

1. *Намѣстникъ безъ главы и Царь безъ діадимы.* Той части парламента, которая была къ нему привязана, велѣлъ онъ себя объявить намѣстникомъ королевства Францускаго.

д'Омала, Сенполя, Немура, Канильяка, 2.
Ла Шатра, Бриссака, пременчива Жойеза.
Они стекаются; отмщенье, гордость, ярость,
Отчаянье и грусть написаны на них.
Пролитой кровїю ослабленны во бранех,
Иные с нуждою трепещущи влекутся;
Но брани ж оныя, их кровь и раны их
За оскорбленїе всех к мести побуждают.
В округ Майенна все сбираются толпою;
В руках с мечами все клянутся отомстити.
Подобно так как нам являют исполинов,
Сих дерских чад земли, на высоте Олимпа,
На горы страшныя еще взносящих горы
И угрожающих безплодно небесам
Низринути богов с превыспренна престола.
В тот самый час раздор разкрывши облако
На лучезарной им явился колеснице.
Мужайтеся, он рек, се помощь вам приходит;

П Се

---

2. *д'Омала, Сенпола, Немура, Канильяка,*
Ла Шатра, Бриссака, пременчива Жойеза.

д'Омал, кавалер, о коем так часто говорено, и брат его Герцог были из дома Лотарингскаго. Сенполь, воин щастїем произшедшїй, котораго герцог де Майенн зделал маршалом. Он был человек безмерно горячїй и насильственный, после он убит герцогом де Гизом сыном Балафрея. Немур, Карл Еммануел, герцог де Немур ближней сродственник герцога де Майенна. Ла Шатр был один из маршалов заговора, которых называли незаконнорожденными, и которые когда нибудь будут усыновлены на щет своего отца; и в самом деле ла Шатр после примирился с Генрихом, который подтвердил ево маршальское достоинство. Бриссак предался стороне заговора от огорченїя на Генриха третьяго, который о нем говорил, что он не годится ни на воде, ни на сухом пути. После переписывался он тайно с Генрихом четвертым, и отворил ему Парижскїя ворота, надеяся получить достоинство маршала. Жойез тот самый, о коем говорено в примечанїях на четвертую песнь.

Се должно победить иль должно умереть!
Услыша слово то, д'Омаль подъялся первый;
Бѣжитъ и зритъ вдали оружіе Испанцовъ.
Вотъ помощь, онъ кричитъ, толь долго нами жданна.
Мы видимъ наконецъ у вратъ Испанцовъ войско!
Тогда и самъ Майеннъ къ вратамъ ступаетъ града.
Отъ тѣхъ почтенныхъ мѣстъ Испанцы приближались,
Которы смерть Царей гробницамъ посвятила.
Ужасно сборище оружія лучиста,
Сверканье яркое и злата и желѣза;
Блестящи шлемы тѣ, тѣ свѣтлые доспѣхи
И солнечныхъ лучей сіянье превышали.
Съ восторгомъ радости народъ встрѣчая ихъ
Мадритомъ посланна вождя благословляетъ;
То гордый былъ Егмонтъ, сей ратникъ преупорный, 3.
Высокомѣрный сынъ нещастнаго отца.
Въ стѣнахъ Брюссельскихъ онъ рожденіе пріялъ;
Отецъ его, горя къ отечеству любовью,
Погибъ на площади, вступаяся за вольность
Фламандцовъ страждущихъ царями притѣсненныхъ;
А сынъ его, а сынъ пренискій царедворецъ
И воинъ дерзостный, ту руку лобызалъ,
Которая его отца лишила жизни.
Изъ трусости онъ былъ отечества гонитель,

Онъ

3. *То гордый былъ Егмонтъ, сей ратникъ преупорный.* Графъ Егмонтъ сынъ Аморала Егмонта, которому голову отрубили въ Брюсселѣ купно съ Принцомъ Горномъ.

Сынъ его оставшися на сторонѣ Филиппа втораго, короля Испанскаго, былъ посланъ на помощь Майенну съ 1800 копіеносцами. При вступленіи его въ Парижъ былъ онъ поздравляемъ отъ всего города. Тотъ, который говорилъ ему рѣчь, упомянулъ въ оной съ похвалою о Аморалѣ Егмонтѣ его отцѣ. Не говорите мнѣ о немъ, сказалъ графъ, за свое возмущеніе онъ былъ достоинъ смерти. Такія рѣчи суть тѣмъ болѣе непристойны, что отвѣтствовано возмутителямъ, для защищенія которыхъ онъ пришелъ.

Онъ удручалъ Брюссель и помогалъ Парижу.
Филиппъ послалъ его къ брегамъ Секваны томной,
Какъ тверда Ангела защитника Майенна;
До царскихъ съ нимъ шатровъ надѣялся Майеннъ
Продравшися съ мечемъ разсѣять страхъ и ужасъ.
За ними слѣдомъ шла со гордостїю дерзость.
Съ какою радостью Бурбонъ ты зрѣлъ ихъ смѣльство!
Съ нетерпѣливостью ты оной брани ждалъ,
Отъ коей Францїи зависила судьбина.

Среди прекрасныхъ рѣкъ и Евры и Иттоны 4.
Есть поле щастливо природой угобженно.
Во вѣкъ къ сокровищамъ война не прикасалась,
Украсилъ коими брега Зефиръ со Флорой.
Въ срединѣ ужаса гражданскаго раздора,
Мѣстъ оныхъ пастыри спокойны дни вели;
Лишъ бѣдностью своей и небомъ защищенны,
Военныхъ хищниковъ злу алчность презирали;
Во хижинахъ своихъ закрыты отъ смятенья,
Оружья страшный шумъ ихъ слуха не тревожилъ.
Тамъ оба сходятся ведущїя брань войска;
И имъ предшествуетъ вездѣ опустошенье.
Смутилися струи и Евры и Иттоны;
Отъ страха пастыри сокрылися въ лѣсахъ;
Супруги бѣдны ихъ сопутницы дражайщи,
Чадъ плачущихъ влекутъ въ объятїяхъ своихъ.

Нещастны жители прелестныхъ сихъ бреговъ,
Вы горесть чувствуя Царя не обвиняйте;
Чтобъ миръ возстановить на то онъ браней ищетъ;
На васъ рука его прольетъ его щедроты;
Жалѣя онъ о васъ и васъ любя сердечно
Онъ хощетъ окончать всѣ ваши огорченьи;

---

4. *Среди прекрасныхъ рѣкъ и Евры и Иттоны.* На долинѣ между Еврой и Иттоною произходило сраженїе Иврїйское Марта 14 числа 1590 года.

И въ сей, въ сей страшный день сражается за васъ.
Не тратя времени стремится по полкамъ;
Его бурливый конь всѣхъ вѣтровъ легче носитъ,
Кой всадникомъ гордясь бія ногою въ землю
Алкаетъ въ брань вступить и дышетъ пламенемъ.
Окрестъ Бурбона всѣ начальники сіяютъ,
Участники въ его побѣдоносныхъ лаврахъ:
д'Омонтъ пяти Царямъ услуги показавшій; 5.
Биронъ, котораго единое названье, 6.
Вселяло страхъ во всѣхъ и приводило въ трепетъ;
И юный сынъ его, стремителенъ, горящъ, 7.
Который послѣ . . . Но тогда еще былъ честенъ;
Сюлли, Нанжи, Грильонъ, порока сопостаты, 8.

Которыхъ

---

5. *д'Омонтъ пяти царямъ услуги показавшій.* Іоаннъ д'Омонтъ, маршалъ Франціи, дѣлалъ чудеса въ сраженіи Иврійскомъ. Онъ былъ сынъ Петра д'Омонта королевскаго Камерьюнкера и Франциски де Сюлліи наслѣдницы древняго дома Сюлліевъ. Служилъ онъ пяти королямъ, а имянно: Генриху второму, Франциску второму, Карлу девятому, Генриху третьему и Генриху четвертому.

6. *Биронъ, котораго единое названье.* Генрихъ де Гонто де Биронъ, маршалъ Франціи, генералъ Фелдцейгмейстеръ былъ въ войнѣ великой человѣкъ. Въ сраженіи при Иври повелѣвалъ онъ запаснымъ корпусомъ, и имѣлъ великое участіе въ побѣдѣ тѣмъ, что во время выступилъ противъ непріятеля. Послѣ Баталіи сказалъ онъ Генриху великому: ваше Величество то дѣлали, что надлежало Бирону, а Биронъ то дѣлалъ, что должно вашему Величеству. Сей маршалъ въ 1592 году убитъ выстрѣломъ пушечнымъ при осадѣ Пернейской.

7. *И юный сынъ его, стремителенъ, горящъ.* Карлъ де Гонто де Биронъ, маршалъ и Дюкъ Е Перъ, сынъ вышепомянутаго, послѣ учинилъ заговоръ противу Генриха четвертаго и казненъ въ Бастиліи въ 1602 году.

8. *Сюлли, Нанжи, Грильонъ порока сопостаты.* Рони, бывшій послѣ Герцогомъ де Сюлли былъ главный интендантъ откуповъ, генералъ фелдцейхмейстеръ, и послѣ смерти Генриха четвертаго пожалованъ маршаломъ Франціи. Онъ получилъ семь ранъ на баталіи при Иврѣ.

Нанжи человѣкъ великаго достоинства и истинной до-

Которыхъ заговоръ и чтитъ и ненавидитъ;
Тюреннь, кой юныя Бульоны во Седанѣ 9.
Со именемъ ея и власти удостоенъ.
Ессексъ въ срединѣ ихъ является съ величьемъ
Какъ древо пальмово средь нашихъ вертоградовъ,
Главу тѣнистую подъемля къ облакамъ,
Мѣшаетъ вѣтвіи свои иноплеменны
Съ драгими вѣтвями домашнихъ нашихъ древъ.
Сіяетъ шлемъ его лучами Адамантовъ,
Что отъ любовницы онъ гордой въ даръ приялъ,
Не столько храбрости какъ нѣжности въ награду.
Ессексъ любимецъ ты Царицы своея,
Но такъ же ты Ессексъ подпора и Царей.
За нимъ послѣдуютъ Тримулъ, Клермонтъ, Фекьеръ 10.

 Неща-

бродѣтели, онъ совѣтовалъ Генриху третьему не умерщвлять скрытно Герцога де Гиза, но имѣть твердость явно судить по законамъ.

Грильонъ, по прозванію храбрый. Онъ просилъ Генриха третьяго позволить выйти ему на поединокъ съ Герцогомъ де Гизомъ. Сему та Грильону Генрихъ четвертой писалъ: удавись храбрый Грильонъ; мы сражались при Аркахъ, а тебя съ нами не было . . . прости храбрый Грильонъ, я тебя безмѣрно много люблю.

9. *Тюреннъ, кой юныя Бульоны во Седанѣ.* Генрихъ де Латуръ д'Орліергъ, Виконтъ де Тюреннъ маршалъ Франціи. Генрихъ великой женилъ ево на Шарлотѣ де ла Маркъ, принцессѣ Седанской въ 1591 году, Маршалъ въ самую ночь брака своего отъѣхалъ для взятья приступомъ Стенейя.

Сіе Седанское самодержавіе, приобрѣтенное Генрихомъ де Тюренномъ, потеряно его сыномъ Федерикомъ Мавриціемъ, Герцогомъ Бульонскимъ, который вмѣшавшися въ заговоръ Сенкмарсовъ противу Лудвига третьягонадесять или лутче сказать противу Кардинала Ришелье, уступилъ Седанъ за спасеніе своей жизни, за что въ промѣнъ получилъ онъ многія земли, приносящія ему больше дохода, но лишающія его чести самодержавія.

10. *За нимъ послѣдуютъ Тримулъ, Клермонтъ, Фекьеръ. Нещастливый Донель и щастливъ Лесдигьеръ.*

Клавдій Герцогъ де ла Тримулъ былъ на сраженіи Ивріи-

Нещастливый Денель и щастливъ Лесдигьеръ;
Д'Альи, которому сей день ужасенъ будетъ.
Герои оные всѣ брани ожидаютъ
И близъ Царя стоя зрятъ на лице его
Побѣды вѣрныя надежно предвѣщанье.
Майеннъ же въ оной часъ отчаянъ, безпокоенъ,
Душевной крѣпости во сердцѣ тщетно ищетъ;
Онъ зная своего несправедливость дѣла,
То думалъ можетъ быть, что Богъ благословенье
Отъиметъ отъ его оружїя противна;
Иль можетъ быть нашъ духъ предчувствїи имѣетъ,
Предвозвѣщателей великихъ приключенїй.
Однако сей герой, владѣя самъ собою,
Подъ лживой радостью свое смущенье кроетъ;
И ободряяся во ратниковъ внушаетъ
Надежду, коей самъ не чувствуетъ ни мало.
Егмонтъ горящїй съ нимъ надеждою наполненъ,
Котору въ юношѣ рождаетъ легковѣрность,
Съ нетерпѣливостью явити храбрость алчетъ
И медлѣнность уже Майенна обвиняетъ.
Подобно на поляхъ Фракїйскихъ гордый конь,
Не укротимъ и полнъ воинскаго огня,
Браздами всадника еще не подстрекаемъ,
Подъемля гриву, ржетъ и пышетъ на травѣ;

Таковъ

скомъ. Онъ былъ человѣкъ великой храбрости, но неумѣреннаго честолюбїя; имѣлъ великое богатство и былъ наизнатнѣйшїй господинъ изъ всѣхъ Калвинистовъ, умеръ онъ тритцати осьми лѣтъ.

Балзакъ де Клермонтъ д'Антрагъ, дядя славной маркизы де Вернель, убитъ на сраженїи при Иври.

Фекьеръ и Денель начальники, были такъ же на сей баталїи убиты.

Лездигьеръ, никто болѣе ево не заслуживалъ названїя щастливаго, начавъ службу простымъ солдатомъ, окончилъ оную коннетаблемъ во время владѣнїя Людвига третьяго надесять.

Таковъ былъ сей Егмонтъ; геройска гнѣва жаръ,
Блистая во очахъ его снѣдаетъ сердце;
И славу будущу свою воображая,
Онъ мыслитъ, рокъ ему побѣду ужъ готовитъ;
Увы, не знаетъ онъ, что Иври на поляхъ
Ему готовитъ гробъ его судьбина люта!
Противъ бунтующихъ выходитъ наконецъ
Со воинствомъ своимъ Бурбонъ великодушный
И обратясь къ нему сїю вѣщаетъ рѣчь:
Французы! вотъ враги; послѣдуйте за мною 11.
И не теряйте вы въ смятенїи сраженья,
Изъ вида своево сего блестяща шлема;
Вы узрите его въ пути текуща чести.
Гласъ побѣдительный великаго Бурбона,
Въ горящихъ ратниковъ вливаетъ новый пламень;
Грядетъ на помощь онъ призвавши Бога брани.
Во слѣдъ начальниковъ всѣ ратники стремятся
И оба воинства спираются въ сраженьи;
Какъ горы страшныя Алкидомъ раздѣленны,
Даютъ свободный путь ревущимъ бурнымъ вѣтрамъ,
Валы обѣихъ морь стремительно колеблясь,
Пѣнистые верьхи на воздухъ воздымаютъ,
Земля вдали стенетъ, свѣтъ меркнетъ, громъ гремитъ,
Рушенїя земли страшится Африканецъ.
Къ ружью примкнутые кровавые штыки
Несутъ сугубу смерть по войскамъ разъяреннымъ.
Оружїе сїе къ опустошенью свѣта, 12.

Въ

11. *Французы! вотъ враги; послѣдуйте за мною.* Сочинитель въ семъ мѣстѣ старался вмѣстить слова говоренныя Генрихомъ четвертымъ въ день баталїи при Иври: ступайте за бѣлыми перьями моего шлема, вы его всегда будете зрѣть на пути чести и славы.

12. *Оружїе сїе къ опустошенью свѣта.* Средство умерщвлять людей примкнутымъ штыкомъ къ ружью, вошло въ употребленїе по прошествїи многихъ лѣтъ. Штыкъ иностран-

Въ Байонѣ изобрѣлъ войны ужасный демонъ;
Достойно тартара сїе произведенье;
Что есть свирѣпаго въ желѣзѣ и огнѣ,
То все въ себѣ, то все въ одномъ совокупляетъ.

Въ обѣихъ воинствахъ искуство, мужество,
Смятенье, ужасъ, крикъ, страхъ, стонъ, слѣпая ярость,
Отчаянїе, смерть, алчба упиться крови
Безостановочно изъ строя въ строй преходятъ.
Тамъ сродникъ сродника въ полкахъ противныхъ гонитъ;
А тамъ бѣгущїй братъ отъ брата умираетъ;
И содрагается стенящая природа.
Ужасный берегъ сей трепещетъ упиваясь,
Нещастныхъ жителей лїющеюся кровью.
Сквозь темный лѣсъ, густой, составленный изъ копїй
И по разсѣяннымъ окровавленнымъ трупамъ
Стремясь, пространный путь творитъ себѣ Бурбонъ.
Морней всегда за нимъ спокоенъ, не смущенъ 13.
Идетъ храня его, какъ Ангелъ покровитель.
Смотри, вѣщаетъ онъ, сей полкъ приходитъ въ робость;
Въ дубравахъ темныхъ тамъ Майеннъ остановился;
д'Омалъ съ мечемъ, д'Омалъ отъ сей страны стремится.
Повсюда за Царемъ Морней щитомъ идетъ;
Вѣщая, отъ него удары отвращаетъ;
Но онъ своимъ рукамъ дозволити не хощетъ
Умыться кровїю нещастныхъ человѣковъ.
Бурбономъ лишь однимъ его наполненъ духъ;
Къ защитѣ лишь Царя онъ мечь свой обнажилъ;
И мужество его на брани негодуя,

Умѣетъ

ными называется баїонетъ отъ того, что оное оружїе въ Баїонѣ изобрѣтено.

13. *Морней всегда за нимъ спокоенъ, не смущенъ.* Въ сей баталїи были двѣ лошади убиты подъ дю Плесси Морнеемъ. Сїе не ложно, что онъ посреди сраженїя сохранялъ то равнодушїе, за которое здѣсь похваляется.

Умѣетъ грозну смерть не робко презирать,
Однако ни кого не хощетъ умерщвлять.
Уже Тюреннева неодолима храбрость
Полки Немуровы несносно поражала.
Д'Альи разпростиралъ повсюда страхъ и смерть;
Д'Альи гордящїйся тѣмъ мужествомъ безмѣрнымъ,
Которо тритцать лѣтъ во бранѣхъ онъ казалъ;
И кое, въ люты дни меж усобной брани,
Въ его отъ старости уже ослабши члены
Влагаетъ новый духъ, вдыхаетъ нову силу.
Единый воинъ лишь противится ему;
Цвѣтущїй младостью то юный былъ герой.
Сей воинъ, въ оный день убїйственный и славный,
Во первый разъ вошелъ войны въ смертельный путь.
Недавно брака онъ вступилъ во нѣжны узы;
Любимецъ онъ любви, изъ рукъ ея изторгся;
Стыдясь извѣстенъ быть лишь прелестьми своими,
И алча славы онъ ко бранямъ устремлялся.
Въ сей день, кленя судьбу его супруга нѣжна,
Кленя и заговоръ и сей смертельный бой,
Любезна своего супруга воружила;
И въ горести своей трепещущей рукой
Взложила на него претягостную броню;
И плачучи его чело покрыла шлемомъ,
Чело прекрасное, что столько мило ей.
Въ военномъ гнѣвѣ онъ противъ д'Альи стремится
Средь вихрей пламени, средь вихрей дыма, праха;
Чрезъ умирающихъ и раненыхъ и мертвыхъ.
Они коней своихъ вдругъ оба подсрѣкаютъ,
И оба по травѣ, омытой кровью смертныхъ,
Далеко отъ полковъ другъ на друга стремятся.
Покрытые броньми, копьями воруженны
Брань страшну начали ужаснымъ пораженьемъ.
Земля вдали звучитъ, летятъ на части копья:

Подобно такъ когда на небѣ разпаленномъ;
Двѣ тучи черныя неся и громъ и смерть,
Спираясь въ воздухѣ, летятъ на крыльяхъ вѣтровъ;
Отъ страшна пренья ихъ родится молній блескъ,
Сверкаетъ быстрый огнь и смертные трепещутъ.
Нещастны воины, оставя вдругъ коней,
Во ярости своей къ иной стремятся смерти;
Ужъ острые мечи сверкаютъ въ ихъ рукахъ.
Раздоръ туда притекъ, войны кровавый демонъ
И блѣдна смерть окрестъ сихъ яростныхъ стоятъ.
Нещастные! Увы смягчите вашу злобу!
Но лютая судьба ихъ храбрость возпаляетъ.
Другъ другу въ сердце путь они найти алкаютъ
Въ то сердце, вражескимъ которое считаютъ.
Разбиты брони ихъ летятъ на части съ трескомъ,
И искры сыплются мечей ихъ отъ ударовъ.
Текущая ихъ кровь багритъ свирѣпы руки.
Щиты на время ихъ остановляя силы
На нѣсколько часовъ отъ нихъ смерть отвращаютъ.
Такому сильному дивясь они упорству
Другъ въ другѣ мужество и храбрость почитали;
Но наконецъ д'Альи нещастнымъ пораженьемъ
Младаго воина повергъ къ своимъ ногамъ.
Въ глазахъ его на вѣкъ лучь солнца преломился,
И шлемъ съ главы его катится по песку.
д'Альи узрѣлъ его лице покрыто смертью,
Онъ зритъ... Но что онъ зритъ? Увы то сынъ его!
Отецъ нещастливый падетъ, объемлетъ сына
И съ кровію его свои мѣшаетъ слезы.
Онъ руки въ горести подъемлетъ на себя
И хощетъ грудь свою мечемъ пронзить жестокимъ,
Мечемъ отъявшимъ жизнь его нещастна сына.
Противятся его отчаянью ужасну
И мечь изъ рукъ его свирѣпыхъ изторгаютъ.

Онъ

Онъ съ трепетомъ бѣжитъ отъ сихъ ужасныхъ мѣстъ;
Гнушается своей порочною побѣдой,
И отрицаяся отъ смертныхъ, отъ двора,
Отъ славы удаляясь, и самъ себя бѣжа,
Въ концахъ вселенныя скрывается въ пустынѣ.
Тамъ смертной горестью и грустiю снѣдаемъ,
Возходитъ ли сiять свѣтило мира смертнымъ,
Или свой кроетъ лучь въ пространны бездны моря,
Печальный гласъ его ко эху возвѣщаетъ
Названiе его нещастнѣйшаго сына.
Героя мертваго прекрасная супруга,
Сомнѣньемъ мучима и страхомъ провожденна,
Трепещущей ногой къ мѣстамъ влечется лютымъ:
Кидаетъ смутный взоръ на трупы побiенныхъ,
И зритъ увы! межъ нихъ супруга умерщвленна.
Падетъ она, падетъ безгласна, бездыханна.
Прекрасныя глаза мгла смерти помрачаетъ.
Тебя ль, супругъ драгой, тебя ли вижу я?
Не внемлетъ онъ сихъ словъ отчаяньемъ реченныхъ;
Сихъ воплей жалостныхъ замершихъ во устахъ.
Она еще свои вскрываетъ томны очи.
Уже въ послѣднiй разъ уста ея лобзаютъ,
Уста запекшiйся нещастнаго супруга.
Окровавленнаго его она подъемлетъ;
Взираетъ на него, вздыхаетъ, умираетъ.
Отецъ нещастливый, нещастливѣйшiй сынъ.
Супруга бѣдная, о жалостное племя.
Тѣхъ яростныхъ временъ плачевнѣйшiй примѣръ!
О если бъ возмогла сей страшной брани память
Полезну возбудить въ потомкахъ поздныхъ жалость,
Рѣками изъ очей исторгнуть слезы ихъ,
Чтобъ лютостямъ они не подражали предковъ.
Какой ужасный вопль повсюду раздается?
Какiя рѣки тамъ кровавыя лiются?

И кто бунтовщиковъ смятенныхъ поражаетъ?
Какой герой, или какой ихъ богъ низринулъ?
Младый Биронъ твоя рука побѣдоносна
Отверзла путь себѣ сквозь вражески полки.
д'Омалъ бѣгущихъ зря пылаетъ жаромъ гнѣва:
Остановись!.. Постой!.. Куда бѣжите робки?
Куда стремитеся поборники Майенна?
Вотъ какъ сражаетесь за церковь, Римъ, Парижъ!
Чево робѣете, чево страшитесь вы?
д'Омалъ предъидетъ вамъ; вы вѣрно побѣдите!
Тогда Бово, Фоссезъ, Сенполь и самъ Жойезъ
Бунтовщиковъ полки разсѣянны сбираютъ.
Огнемъ очей своихъ д'Омалъ ихъ ободряетъ;
Бунтовщикамъ съ собой онъ щастье возвращаетъ.
Вотще противится съ безмѣрнымъ Биронъ жаромъ
Стремленію сего бурливаго потока.
Онъ видитъ близъ себя падуща Парабера;
Въ глазахъ его Фекьеръ во мрачный гробъ нисходитъ;
Клермонъ, д'Анженъ и Нель отъ ранъ животъ кончаютъ,
И самъ онъ изъязвленъ уже касался смерти...
Вотъ такъ бы Биронъ ты былъ долженъ умереть;
И славная толь смерть покрыла бы тебя,
Безсмертной памяти сіяньемъ лучезарнымъ.
  Опасность оную Бурбонъ примѣтилъ вскорѣ,
Въ которую себя горящій Биронъ ввергъ.
Онъ Бирона любилъ не какъ свирѣпый царь,
Котораго къ рабамъ немилосерда гордость,
За кровь ихъ имъ и то довольной платой чтитъ,
Когда на нихъ взведетъ онъ око благосклонно.
Но Генрихъ чувствуетъ жаръ дружбы благородный:
О! дружба, даръ небесъ, веселье душъ великихъ,
Котораго Цари, сіи неблагодарны
Къ нещастью своему не могутъ ощущать!
Спѣшитъ на помощь онъ ко другу своему,

И дружба мужество его усугубляетъ.
И Биронъ, коего мгла смерти окружала, 14.
Узря Царя свои послѣдни собралъ силы.
Передъ Бурбономъ все дрожитъ и уступаетъ.
Твой Биронъ Царь тебя отъ смерти избавляетъ;
Ты живъ; останься же ему всегда ты вѣренъ.

Раздался страшный звукъ; раздоръ безчеловѣчный
Противу мужества лїетъ свою всю злобу;
И новой яростью бунтующихъ палитъ:
Среди ихъ стана ставъ, изъ зѣва своего,
Своею адскою вдали гремитъ трубою.
Симъ гласомъ ободренъ д'Омалъ опять стремится.
Бурбона онъ искалъ и ближится къ нему.
Толпа бунтующихъ поспѣшно притекаетъ.
Герой безъ помощи межъ ними зритъ себя;
И смерть со всѣхъ сторонъ стремится на него;
Но Лудвигъ съ высоты зря бѣдствїе такое,
Герою подаетъ неодолиму силу.
Стоитъ какъ камень онъ грозящїй облакамъ
И разсѣкающїй и вѣтры и пучину.
Кто можетъ описать убїйствїе и кровь,
Которыми брега покрыты были Евры.
О! тѣнь храбрѣйшаго изъ нашихъ всѣхъ царей,
Ты умъ мой просвѣтя, вѣщай моимъ ты гласомъ.
Въ округъ его течетъ его дворянство вѣрно,
За своего оно монарха умираетъ,
Монархъ же за него погибель презираетъ;
Бурбонъ повсюда смерть и ужасъ разсѣваетъ,
Какъ вдругъ Егмонтъ его представился очамъ.

14. *И Биронъ, коего мгла смерти окружала.* Герцогъ де Биронъ былъ раненъ при Иври, но Генрихъ великой спасъ его жизнь при Фонтенъ Франсезъ. Сїе приключенїе помѣщено въ баталїи при Иври, которое какъ не главное дѣло можетъ быть преобращено.

Своею храбростью Егмонтъ сей ослѣпленный
Давно желалъ съ Царемъ во брани страшной встрѣчи;
Хотя бъ и умереть, лишь только бъ съ нимъ сразиться.
Ступай Бурбонъ, онъ рекъ, умножь свою ты славу;
Сразимся; должно намъ побѣду разрѣшить.
Въ тотъ самый часъ своимъ блистаньемъ молнія,
Посланница судьбы, разсѣкла быстро воздухъ.
Ударомъ громовымъ земля поколебалась.
Егмонтъ то думаетъ, что сами небеса,
Вступаясь за него, поборствуютъ ему;
И что природа вся ево споспѣшна славѣ
Ударомъ громовымъ гласитъ его побѣду.
Приближившись къ нему пронзаетъ въ бокъ героя.
Уже гордится онъ проливши кровь Бурбона.
Но Царь почувствовавъ своей болѣзни раны,
На бѣдство оное взираетъ безъ смятенья.
Съ опасностью его сугубится и смѣльство;
И радуется онъ, что Ивра на поляхъ
Достойнаго себя находитъ сопостата;
И язвою своей лишь болѣ разпаленный,
На гордаго врага бросается Бурбонъ.
Ударомъ смертнымъ сей низверженъ иностранецъ
И мечь блистающій во грудь его вонзенъ;
Кони его кони ногами попираютъ;
Мглой смертною на вѣкъ глаза его закрылись;
Онъ душу съ яростью изъ тѣла изпустилъ,
И гнѣвна тѣнь его низшедши въ царство мертвыхъ
Встревожилася тамъ увидѣвши отца.
Испанцы славные прегорды ратоборцы
Съ кончиною его погибла ваша храбрость;
Вы въ перьвый разъ еще почувствовали ужасъ.

Въ сей часъ Испанцами смятенье овладѣвъ
Отъ нихъ простерлося по воинству всему.
Вожди отчаянны и вои изумленны;

Одни

Одни повелѣвать уже не въ состояньи,
А тѣ не могутъ ужь повиноваться болѣ.
Бросаютъ знамена, стремятся и бѣгутъ.
Пускаютъ страшный вопль другъ друга подавляютъ.
Иные въ робости колѣна преклоняя
Предъ побѣдителемъ со страхомъ упадаютъ;
И руки съ трепетомъ къ оковамъ простираютъ.
Иные въ ужасѣ себя спасая бѣгствомъ,
Примчась къ брегамъ рѣки въ водахъ глубокихъ тонутъ;
И воспримаютъ смерть, отъ коей убѣгали;
И волны быстрыя наполненны тѣлами
Въ тотъ часъ теченіе свое остановляютъ
И обращаются кровавы рѣки вспять.
Майеннъ въ смятеньи семъ не ощущая страха,
Владѣя самъ собой, печаленъ, но спокоенъ,
На злоключеніе взираетъ безъ унынья;
И упадаючи подъ игомъ злаго щастья
Онъ хощетъ побѣдить и самое нещастье.
Д'Омалъ предъ нимъ стоитъ и яростью дыша,
Фламанцовъ и судьбу и небо укоряетъ:
Погибло все, умремъ Майеннъ великодушный!
Оставь, отвѣтствуетъ ему разумный вождь,
Оставь сіе для насъ отчаянье безплодно.
Живи для общества, для славы твоея
И для спасенія сомышленниковъ нашихъ.
Пускай Боадофенъ, въ сей лютый часъ, съ тобою
Остатки нашихъ воискъ разсыпанны сберетъ;
По семъ за мною въ слѣдъ къ Парижу устремитесь.
Въ нещастіи своемъ съ Колиніемъ сравнимся.
Д'Омалъ отъ ярости и плачетъ и трепещетъ;
Однако сей приказъ противный исполняетъ.
Подобно такъ какъ левъ отъ Мавра укрощенный
Ужасенъ всѣмъ другимъ, властителю покоренъ,
Предъ нимъ свою главу угрюму преклоняетъ,

Послѣ-

Послѣдуетъ за нимъ имѣя видъ свирѣпый,
Ласкаючи его со ревомъ лижетъ руку
И кажется, ему покорствуя, грозитъ.
Но между тѣмъ Майеннъ съ поспѣшностью бѣжа
Скрываетъ свой позоръ въ стѣнахъ Парижа смутна.
Отъ всѣхъ сторонъ Бурбонъ побѣдоносный видитъ
Просящихъ милости злодѣевъ безоружныхъ.
Въ тотъ часъ небесныя отверзлися врата;
Бурбоновъ племя все на воздухѣ явилось.
Съ небесной высоты въ срединѣ оныхъ Лудвигъ
Въ минуты славны толь на Генриха взираетъ.
Онъ хощетъ видѣть то, каковъ сей побѣдитель
Въ сїяньи своего пребудетъ торжества;
И кротостью своей умножитъ ли онъ славу.
Предъ нимъ всѣ ратники воспламененны гнѣвомъ,
Взирали съ яростью на плѣнниковъ своихъ.
Представленны ему дрожащи побѣжденны
Судьбины своей всѣ въ молчаньи ожидали.
Отчаянїе, стыдъ, смертельна горесть, ужасъ
Начертавалися на блѣдномъ ихъ лицѣ.
Бурбонъ къ нимъ обратя щедротой полный взоръ,
На коемъ съ ласкою величество являлось,
Сказалъ: я вамъ и жизнь и вольность возвращаю.
Вы можете теперь друзьями быть моими,
Иль можете опять остатися врагами.
Въ Майеннѣ иль во мнѣ владыку избирайте.
Кто изъ обѣихъ насъ достойнѣе тѣмъ быть?
Хотите ль быть опять рабами заговора,
Иль подданными быть хотите вы монарха?
Хотите ль трепетать противъ меня бунтуя,
Или желаете со мною побѣждать?
То слыша отъ Царя увѣнчанна побѣдой,
Во нѣдрахъ торжества, на лонѣ громкой славы,
Въ минуту плѣнники отчаянны сїи,

Свое

Свое плѣненіе за щастье почитаютъ.
Открылись очи ихъ, въ сердцахъ нѣтъ больше злобы.
Повергла храбрость ихъ, а милость покоряетъ.
Бурбона ратниковъ гордяся именемъ,
Чтобъ грѣхъ загладить свой, за нимъ во слѣдъ ступаютъ.
Повсюды Царь велитъ убійствію престати;
Властитель ратниковъ ихъ храбрость утоляетъ.
Не левъ ужъ больше онъ облитый токомъ крови,
Который гибель, страхъ изъ строя въ строй носилъ;
Но громъ оставившій благотворящій Богъ,
Приведшій послѣ бурь приятну тишину
И побѣдителямъ награды раздающій,
И утѣшающій нещастныхъ побѣжденныхъ,
И кротостью одной склоняющъ всѣхъ сердца.
Тѣмъ, коимъ слабый лучь остался скорбной жизни,
Его стараніемъ свѣтъ паки возвращенъ.
О всѣхъ страданіяхъ и нуждахъ подданныхъ
Стараясь какъ отецъ щедроты проливаетъ.
И слуха ложнаго и истиннаго слуха
Сія предвѣстница быстропаряща слава,
Которая въ своемъ теченьи возрастаетъ,
На легкихъ криліяхъ всечасно протекая
И долы и лѣса и горы и моря,
Монарховъ дѣйствіемъ вселенну наполняетъ;
Приспѣвъ въ бунтующъ градъ, о подвигахъ Бурбона
Разсѣяла тотчасъ ужаснѣйшую вѣсть.
Майеннъ въ своихъ стѣнахъ обманывалъ народъ;
Побѣды онъ лишенъ, надежды не лишился;
Надъ градомъ властвуя коварный сей смутитель
Въ убѣжищъ своемъ скрывалъ отъ черни робкой
Нещастное свое и пагубно паденье:
Не хощетъ онъ ее въ уныніе повергнуть;
И скрывъ нещастіе его поправить мыслитъ.
Вѣстями ложными народъ онъ ободряетъ;

Но не смотря на то свирѣпа истинна,
Обманы оныя предъ всѣми обнажая,
Во трепетъ всѣхъ сердца и въ ужасъ повергала.
Раздоръ вострепеталъ и злость свою сугубя
Гласитъ: я дѣло рукъ моихъ не дамъ разрушить.
На толь я здѣсь, на толь свой ядъ истощевалъ,
На толь я здѣсь мои свѣщи воспламенялъ
И кровью утверждалъ владычество мое,
Чтобы престолъ отдать Бурбону ненавистну!
Каковъ ни страшенъ онъ, могу его унизить.
Не могши побѣдить могу его ослабить.
Не должно силою противиться ему.
Неукротимаго не можно низложить;
Бурбонъ Бурбона лишь удобенъ побѣдить.
Онъ пуще всѣхъ себя лишь долженъ устрашаться.
Отъ нынѣ я хочу сїе начати дѣло;
И имъ самимъ хочу низвергнути его.
Сказавъ сїе раздоръ, взошедъ на колесницу
Окровавленную и злобой запряженну,
Далеко отъ бреговъ печальныя Секваны,
Во темномъ облакѣ мрачащемъ дневный свѣтъ,
Стремится и летитъ къ жилищу онъ любви.

Конецъ осьмыя пѣсни

ПѢСНИ ДЕВЯТОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Описаніе храма любви. Раздоръ проситъ ея помощи для ослабленія мужества Генриха четвертаго. Герой сей нѣсколько времени препроводитъ съ госпожею д'Етре извѣстною подъ именемъ прекрасной Габріеллы. Морней отвлекаетъ его отъ любви. Король возвращается къ войску.

На щастливыхъ брегахъ Идаліи той древней,
Европѣ гдѣ конецъ и Асіи начало,
Преветхо зданіе вздымается до облакъ, 1.
Которое хранитъ съ подобострастьемъ время.
Природа перьвое воздвигла основанье;
Но послѣ хитрою десницею искуство,
Сіе строеніе простое украшая,

 Природу

1. *Преветхо зданіе вздымается до облакъ.* Сіе описаніе храма любви и изображеніе сей страсти очеловѣченной, суть во всемъ аллегорическія. Мѣсто сего явленія положено въ Кипрѣ, равно какъ жилище политики означено въ Римѣ; для того что народы острова Кипра всегда почиталися весьма преданными любви, а дворъ Римскій почитался въ политикѣ искуснѣйшимъ изо всѣхъ Европейскихъ дворовъ.

Здѣсь любовь не Купидономъ сыномъ Венеринымъ представлена, но Страстію со всѣми веселіями и безпорядками, которыя послѣдуютъ за нею.

Природу превзошло работой дерзновенной.
Поля окрестны тамъ, нося зелены мирты,
Свирѣпости зимы во вѣкъ не ощущали.
Повсюду зрѣютъ тамъ, повсюду разцвѣтаютъ
Дары Помонины и Флорины красы.
Ни года времени, ниже заботы смертныхъ
Не ожидаючи, земля сама собою
Преизобильныя всякъ день приноситъ жатвы.
Вкушаетъ смертный тамъ въ покоѣ совершенномъ
Все то, что естество въ первоначальны годы
Рукою щедрою для насъ истощевало:
Блаженство вѣчное, дни свѣтлы и веселы,
Приятства, радости рожденны изобильемъ,
Златаго вѣка всѣ дары благословенны,
Едину только лишь невинность исключая.
Иные звуки тамъ неслыханы отъ вѣка
Какъ только нѣжное согласїе мусики,
Унынье сладостно вселяюще въ сердца.
Тамъ гласъ любовниковъ и пѣнїе любовницъ
Хвалы ихъ слабостямъ безстудно возглашаютъ.
Съ украшенной главой вѣнцами изъ цвѣтовъ
Владычицѣ своей щедроту умоляютъ;
Опасну знанїю, сердца ловити въ сѣти,
Съ раченьемъ учатся они въ семъ храмѣ вредномъ.
Надежда льстивая имѣя видъ веселый
Ко олтарю любви маня ихъ препроводитъ.
По мѣрѣ пѣнїя любовниковъ прельщенныхъ
Близъ храма Грацїи полунагїя пляшутъ;
И роскошь нѣжная на мягкой муравѣ
Довольна, слушаетъ спокойно пѣсни ихъ.
Близъ оныя лежатъ сокрытность молчалива,
Усмѣшки льстивыя, стараньи, угожденьи,
Любовны радости, и нѣжныя желаньи,
Которы радостей самихъ сто кратъ прелестней.

Таковъ пріятенъ входъ во оный славный храмъ;
Но ежели въ него кто далѣ проникая,
Въ его святилище ногою дерской вступитъ,
Ужасно зрѣлище его очамъ предстанетъ.
Пріятствъ и радостей тамъ больше нѣтъ собранья;
И пѣнія уже прелестнаго не слышно.
Безумье, жалобы, холодность, отвращенье
Изъ окруженнаго пріятностью жилища
Творятъ плачевную и страшную юдоль.
Угрюма ревность тамъ лице имѣя блѣдно
Во слѣдъ сумнѣнію трепещучи влечется;
И гнѣвъ и ненависть лія свой лютый ядъ,
Предшествуютъ ему съ кинжалами въ рукахъ.
На нихъ взирая злость, лукавою усмѣшкой
Свирѣпу ихъ толпу къ злодѣйству поощряетъ.
Гнушаясь яростью сего ужасна сонма,
Раскаянье свои потупя очи слезны
И воздыхаючи послѣдуетъ за ними.

Средь сонмища сего кроваваго и люта,
Ужасна спутника веселья человѣковъ,
Любовь изобрала себѣ жилище вѣчно.
Младенецъ вредный сей и нѣжный и жестокій
Въ десницѣ слабой тутъ судьбину свѣта держитъ;
Съ усмѣшкой миръ даетъ и брани возжигаетъ;
Лія по всей земли свои пріятства льстивы,
Всю тварь животворя живетъ во всѣхъ сердцахъ.
На тронѣ блещущемъ свои побѣды числя,
Гордѣйшія главы ногами попираетъ.
Не столько благостью какъ лютостью гордяся
Содѣянными имъ бѣдами веселится.

Во храмъ любви раздоръ свирѣпствомъ привлеченный,
Утѣхи разогнавъ себѣ очистилъ путь;
И потрясаючи свѣтильникомъ своимъ,
Со взоромъ пламеннымъ, съ челомъ окровавленнымъ,

 Онъ

Онъ реклъ, любовь! куда твои дѣвались стрѣлы?
И для ково брежешь свои ты пораженьи?
Ты прежде, много разъ, раздору помогая,
Съ моей отравою мѣшала ядъ твой сладкій.
Ты помнишь, много разъ и я вспомоществуя,
Порядокъ для тебя природы возмущалъ.
Ступай! И за меня ты паки ополчася,
За учиненну мнѣ обиду отомсти.
Побѣдоносный Царь, пресильною рукою,
Главы моихъ зміевъ несносно сокрушаетъ.
Оливы мирныя онъ къ лаврамъ прилагаетъ;
И милосердіе его препровождая,
Среди кровавыя гражданскія войны,
Къ летающимъ его во всѣхъ странахъ знаменамъ,
Отверженныя мной бунтующихъ сердца,
Соединяючи съ покорствомъ привлекаетъ.
Когда еще хоть разъ герой сей побѣдитъ,
То царствіе мое разрушася падетъ.
Въ округъ Парижскихъ стѣнъ онъ ставитъ страшный громъ.
Сразясь онъ побѣдитъ и побѣдя проститъ.
Претвердыми меня оковами онъ свяжетъ.
Лишь можешь ты его остановить стремленье.
Ступай и помрачи его несносну славу.
Любовь! да возстенетъ подъ игомъ онъ твоимъ.
Ступай и укроти его безмѣрну храбрость.
Твоей, ты помнишь то, твоей рукой могущей
Ираклій силъ лишенъ къ ногамъ Омфалы сверженъ.
Тобой ослабленный Антоній сладострастный,
Оставя для тебя владычество вселенной,
Предъ Августомъ въ моряхъ бѣжалъ за Клеопатрой.
Тебѣ низвергнувшей великихъ толь героевъ,
Осталося теперь Бурбона побѣдить.
Любовной миртою его ты увѣнчавъ,
Содѣлай чтобъ въ рукахъ его завяли лавры.

На

На лонѣ нѣги ты героя усыпи.
Пребудь подпорою моей падущей власти;
И наши пользы суть и троны совокупны.
Таковъ былъ страшный гласъ чудовища сего;
И своды, трепеща, слова тѣ повторяли.
Любовь, лежащая на ложѣ изъ цвѣтовъ,
Усмѣшкой гордою отвѣтствуетъ раздору.
Межъ тѣмъ приявъ она свои златыя стрѣлы,
Небесъ лазоревы долины протекаетъ,
И окруженная приятными толпами
Забавъ и радостей и Грацїй и утѣхъ,
Зефировъ на крылахъ летитъ къ лугамъ Францускимъ.
Въ пути своемъ она сперва съ весельемъ видитъ
Тѣ славныя поля, была гдѣ прежде Троя;
И восхищается зря прахъ Пергамскихъ зданїй,
Которыя ее рукой сожженны пали.
Она зритъ изъ дали ограды гордѣливы,
Тѣ мира чудеса, среди пучины стѣны,
Венецїю, Нептунъ которыя дивится;
Которая въ своихъ спирая нѣдрахъ море,
Всесильной мышцею волнамъ повелѣваетъ.
Остановляется она въ поляхъ Сицильскихъ,
Гдѣ ею Ѳеокритъ и сладостный Виргилїй,
Всегда внушаемы толь нѣжно воспѣвали;
И новымъ гдѣ путемъ, какъ то намъ повѣтствуютъ,
Она вела струи влюбленнаго Алфея.
Оставя берега приятной Аретузы,
Къ Воклюзѣ, на луга она спѣшитъ Прованса; 2.
Мѣста прекрасныя, гдѣ ею воспаляемъ,
Петрархъ вздыхаючи слагалъ свои стихи.

На

2. *Къ Воклюзѣ, на луга она спѣшитъ Прованса.* Воклюза, близъ Гордеса въ Провансѣ, рѣка славная пребыванїемъ Петрарха въ окрестностяхъ ее. Еще до нынѣ близъ источника ея виденъ домъ, который называется Петрарховымъ.

На Еврскихъ берегахъ Анеты стѣны видитъ,
Которыя она сама соорудила.
Дїаны имени тамъ зримы писмена, 3.
Сплетенныя ея прехитрою рукою.
Приятства, Грацїи текущи за любовью,
Разсыпали цвѣты прекрасной сей на гробѣ.
Приспѣла наконецъ любовь къ долинамъ Иврскихъ.
Бурбонъ готовяся къ великимъ предприятьямъ,
И видъ войны въ своихъ забавахъ сохраняя,
Изъ рукъ своихъ онъ громъ на мало отложилъ.
Герои юныя чрезъ горы и долины
Гонялись купно съ нимъ за жительми лѣсовъ.
Любовь узрѣвъ его злу радость ощущаетъ,
Готовитъ цепь ему и стрѣлы изощряетъ.
Стихїй противъ него вооружая ярость,
Колеблетъ воздухомъ отъ ней успокоеннымъ;
И бури отъ концевъ вселенной созывая,
Бурливымъ вѣтрамъ гласъ ея повелѣваетъ,
Собравши облака дождя пролити рѣки,
Со мглою принести и молнїи и громъ.
Уже послушны ей напрягшись вихри сильны
И крылья черные по небу разпростря,
Гоня прекрасный день, наносятъ страшну ночь:
Стоная естество любви познало силу.
По скользкой тамъ тропѣ, въ долинахъ грязныхъ, влажныхъ,
Царь шествуетъ одинъ, не вѣдая пути.
Любовь въ сей самый часъ возжегши свой свѣтильникъ,
Симъ чуднымъ пламенемъ ему сверкаетъ въ очи.
Оставленъ отъ своихъ Царь въ темныхъ сихъ лѣсахъ,
За

---

3. *Дїаны имени тамъ зримы писмена.* Анетъ былъ построенъ Генрихомъ вторымъ для Дїаны де Поатье. Буквы ея имени видны на всѣхъ украшенїяхъ сего замка, который не далеко отстоитъ отъ Иврской долины.

За симъ обманчивымъ последуетъ светиломъ.
Подобно путники во время мрачной нощи
Текутъ за пламенемъ изшедшимъ изъ земли,
Который изъ дали обманчиво сверкая,
Незнающихъ пути приводитъ ко стремнинѣ.

Недавно щастіе въ сію страну печальну
Направило стопы жены благорожденной,
Котора далеко отъ шума браннаго,
Въ уединеніи спокойно пребывая,
Родителя въ свое жилище ожидала;
Сей будучи своимъ всегда монархамъ вѣренъ,
Во бранѣхъ состарѣвъ, сражался за Бурбона.
Д'Етре названье ей; прещедрою рукою 4.
Природа на нее дары всѣ истощила.
Порочная жена, Атридова супруга,
Европскихъ на брегахъ не такъ была прелестна.
Не такъ прекрасна та казалася во Тарсѣ,
Котора прелестью своей плѣнила сердце
Владыки гордаго и мира и Римлянъ. 5.

---

4. *Д'Етре названье ей; прещедрою рукою, и проч.* Габріелла Д'Етре, изъ древняго Пикардскаго дома, дочь и внука генераловъ Фелдцейхмейстеровъ, супруга господина де Ліанкура, послѣ была герцогиня де Бофортъ и проч.

Генрихъ четвертый влюбился въ нее во время гражданской войны; чтобъ видѣться съ нею, часто онъ отъ войска тайно отлучался. Однажды нарядяся въ крестьянское платье прошелъ сквозь непріятельскіе караулы и пробрался къ ней подвергаяся опасности быть пойманнымъ отъ непріятеля.

Сіе повѣствованіе находится въ исторіи любви великаго Алкандра, писанной нѣкоторою принцессою де Конти.

5. *Владыки гордаго и мира и Римлянъ.* Клеопатра ѣдучи въ Тарсъ, куда Антоній велѣлъ ей быть, совершала свой путь на кораблѣ блистающемъ золотомъ и украшенномъ лутчею живописью. Парусы были сотканы изъ багряницы, а веревки сплетены изъ шелку съ золотомъ. Клеопатра была такъ одѣта, какъ тогда изображали Венеру; женщины ея

Какъ Кидна на брегахъ живущїе народы,
Съ кадилами въ рукахъ ее почли Венерой.
Она въ опасныя сїи лѣта вступала,
Которыя страстей на насъ взлагаютъ узы.
Рожденная къ любви, но гордый духъ имѣя,
Она любовниковъ стремленьи отвергала,
И сердца своего не отдавала въ плѣнъ.
Какъ роза юная, во время дней весеннихъ,
Раждаяся красу свою природну прячетъ;
И ону бережотъ отъ вѣтровъ закрываясь;
Но въ ясный лѣта день предъ солнцемъ отверзаетъ.
Межъ тѣмъ любовь ее стараясь уловить,
Подъ ложнымъ именемъ приходитъ предъ нее.
Младенца на себя приемля видъ и голосъ,
Является безъ стрѣлъ, безъ крыльевъ и безъ лука;
И съ простодушїемъ младенцамъ обычайнымъ
Вѣщаетъ: въ сей странѣ Майенновъ побѣдитель.
Словами оными она въ нее вдохнула
Герою нравиться невѣдомо желанье.
Прелестнымъ цвѣтъ ея румянцемъ оживился.
Любовь пришла въ восторгъ ее зря толь прекрасну;
И красоты сея отъ сильныхъ толь заразъ
Всего надѣяться удобно было ей.
Она сама ее приводитъ предъ монарха;
И простота на ней не хитростныхъ убранствъ,
Которыя любовь устроила сама,
Единымъ дѣйствїемъ казалась быть природы.
Бѣлѣйши льна власы на вѣтры распущенны

То

представляли Нимфъ и Грацїй. Корма и носъ корабля были наполнены прекраснѣйшими юношами наряженными купидонами. Въ семъ великолѣпїи ѣхала она по рѣкѣ Киднѣ при звукѣ множества музыкальныхъ орудїй. Весь Тарской народъ почелъ ее богинею Венерою. Всѣ оставили Антонїя, чтобъ вытти на срѣтенїе ее. Сей Римлянинъ самъ влюбился смертельно увидя ее. (Плутархъ).

То закрывали грудь прекрасную ея,
То паки прелести ея очамъ казали.
Стыдлива на лицѣ и благородна скромность
Усугубляла въ ней неизреченну прелесть:
Та скромность не была свирѣпая угрюмость,
Котора красоты блистанье помрачаетъ,
И отъ которыя сама любовь бѣжитъ;
Но она нѣжная невинная стыдливость,
Которая лице румянцемъ покрывая,
Вселяетъ въ красоту божественную силу;
И сердце пламеня почтенїе внушаетъ;
И радости того безмѣрно умножаетъ,
Упорность кто ея возможетъ одолѣть.
Любви возможно все; любовь сїи мѣста
Неодолимою заразой наполняетъ.
Сплетая вѣтвїи благоуханны мирты,
Которые земля незапно породила,
Тѣнисты листвїи повсюда простираютъ.
Лишь только кто подъ ихъ приятну тѣнь подходитъ,
Скровенны узы тотъ въ минуту ощущаетъ;
Отъ коихъ онъ уже не можетъ свободиться;
Смущенъ, задумчивъ ставъ не можетъ ихъ оставить.
Въ тѣни сея текутъ прелестныя струи;
Объяты сладостьми любовники щастливы,
Забвенье должности въ сихъ черпаютъ водахъ.
Любовь вездѣ себя тамъ чувствовать даетъ.
Все премѣнилось тамъ и всѣхъ сердца вздыхаютъ.
Все дышетъ прелестьми любовныя отравы,
И все вкушаетъ тамъ любовныя утѣхи.
Тамъ птицы на поляхъ свои сугубятъ пѣсни,
Свои ласканїи и лобызаньи нѣжны.
Горящїй пахарь тамъ текущїй предъ зарею,
На нивахъ пожинать бѣлѣющїя класы,
Остановляется, смущается, вздыхаетъ;

И удивляется своимъ желаньямъ страннымъ;
Обворожен стоитъ въ прекрасныхъ сихъ мѣстахъ,
И воздыхаючи онъ жатвы оставляетъ.
Пастушка близъ него; свое забывши стадо,
Изъ рукъ трепещущихъ свой посохъ выпускаетъ.
Противу силъ такихъ, д'Етре что было дѣлать?
Неодолимою она влеклась отравой;
И должно было ей въ сей страшный день сражаться,
Съ любовью, съ младостью, съ героемъ и съ собой.
Бурбона иногда его великій духъ
Къ побѣдоносному взываетъ воинству;
Невидима рука его остановляетъ;
Онъ ищетъ помощи во мужествѣ, но тщетно;
Далеко отъ него вся твердость убѣгаетъ;
И Генрихъ упоенъ отравой нѣжной страсти,
Не видитъ ничего, не знаетъ и не слышитъ,
Какъ только лишь одну прекрасную д'Етре.
Разставшись съ нимъ его смущенны ратоборцы,
Что сталось съ Генрихомъ, другъ друга вопрошаютъ.
Трепещутъ, о его всѣ жизни сомнѣваясь;
И кто бъ подумать могъ, что должно не о жизни,
Но о единой лишь его крушиться славѣ;
Не видящи его грядущаго предъ ними,
Смятенны воины казались побѣжденны.
Но Ангелъ, Франціи благотворящъ хранитель,
Не долго потерпѣлъ его отсудству вредну.
По волѣ Лудвига съ превыспреннихъ слетая,
Ко сыну онъ его на помощь притекаетъ.
На землю онъ сію печальную низшедши,
Премудраго найти вселенну соглядаетъ;
Не ищетъ онъ его въ почтенныхъ сихъ мѣстахъ,
Постамъ, молчанію, молитвѣ посвященныхъ;
Приходитъ къ Иври онъ, и тамъ средь своевольства
Безчинныхъ воиновъ побѣдою надменныхъ,

Между

Между знаменами учениковъ Калвина,
Онъ обращается къ почтенному Морнею.
И смертнымъ оное показываетъ ясно,
Что разумъ насъ одинъ довольно наставляетъ,
И къ добродѣтели прямымъ путемъ приводитъ.
Подобно какъ во тмѣ язычниковъ ученья,
Лишь только разумомъ однимъ препровожденны,
Срамили Христїянъ Платонъ и Маркъ Аврелїй.
Благоразумный другъ и строгїй мудролюбецъ,
Морней о должности умѣлъ напоминать,
Но дѣлать то умѣлъ безъ горести укоровъ;
Онъ паче словъ своимъ примѣромъ наставлялъ;
И добродѣтели единыя любя,
Неутомимъ въ трудахъ утѣхи презиралъ.
Неколебимою всегда ногою онъ
Стремнины на краю безъ робости ступалъ.
Придворна воздуха дыханье отравленно
Сердечной чистоты его не помрачало.
Подобно какъ струи прекрасной Аретузы,
Катящися средь волнъ свирѣпыхъ Амфитриты,
Водъ ясныхъ чистоту всечасно сохраняютъ,
Которыхъ горькое не можетъ портить море.
Влекомъ премудростью, Морней великодушный;
Стремится къ симъ мѣстамъ, гдѣ сладостная нѣга,
Героя славнаго во узахъ содержа,
Блаженство Францїи въ ничто преобращала.
Любовь на всякїй часъ свою побѣду множа,
Чтобы удобнѣе его мрачити славу,
Всечасно щастїе его усугубляла;
И краткїя сїи забавы человѣковъ,
Которы иногда мгновенно протекаютъ,
Сихъ двухъ любовниковъ минуты украшая,
Ихъ радостями дни блаженны наполняли.
Среди забавъ своихъ любовь со гнѣвомъ видитъ,

Премудрость строгую стоящую съ Морнеемъ.
На воина сего она пускаетъ стрѣлу,
И прелестьми его желаетъ побѣдить.
Морней съ презрѣнiемъ на гнѣвъ ея взираетъ;
Смѣется прелестямъ безсильныя любви;
И стрѣлы на его доспѣхи упадая,
Лишь притупляются не проницая оныхъ.
Свиданья тайнаго съ монархомъ ожидая,
Взираетъ тамъ на все онъ окомъ раздраженнымъ.
Внутри прекрасныхъ сихъ цвѣтущихъ вертоградовъ,
На брегѣ тихаго, прозрачнаго потока,
Подъ нѣжнымъ миртомъ тамъ, убѣжищемъ любви,
Д'Етре любовника увѣнчавала щастьемъ.
Въ объятiяхъ ея онъ млѣлъ и пламенился;
И восхищенья ихъ ничто не нарушало.
Слезами были ихъ наполнены глаза;
Слезами оными блаженства совершенствомъ,
Которы въ радостяхъ любящися лiютъ.
Они восторги тѣ прiятны ощущали,
И то самихъ себя пресладостно забвенье,
Которыя одна любовь внушаетъ нѣжна,
Которыя она одна вкушать даетъ,
И кои лишь она удобна описать.
Веселья легкiя, спокойствiя на лонѣ,
Младенчествующи любви безумны чада,
Съ героя онаго оружiе свлекали.
Иной держалъ его кровавые доспѣхи;
Иной отвязавалъ отъ бедръ ужасный мечь,
И улыбаяся, вздымалъ рукою слабой
Ужасно острiе, престола оборону.
Бурбона слабостью ругаяся раздоръ,
Свое веселiе ревя изображаетъ;
Полезны толь часы употребляя въ пользу
Спѣшитъ воспламенить жаръ люта заговора.

Межъ тѣмъ когда Бурбонъ любви въ объятьяхъ дремлетъ,
Его злодѣевъ всѣхъ свирѣпство возстаетъ.
Въ послѣдокъ зритъ Бурбонъ представшаго Морнея;
Онъ зритъ его, и зря тревожится стыдомъ.
Свиданья своего они страшатся оба.
Морней предъ нимъ хранитъ глубокое молчанье;
Но симъ молчанїемъ и взоромъ потупленнымъ,
Довольно изъяснилъ монарху своему.
На важномъ онъ лицѣ печальнаго Морнея
Увидѣлъ свой позоръ и слабости свои.
Пороковъ нашихъ намъ свидѣтели несносны,
Иной бы злобою Морнею заплатилъ;
Но Царь сказалъ ему; пребудь мой другъ безстрашенъ;
И тотъ, Бурбона кто въ путь славы обращаетъ,
Не можетъ никогда противенъ быть Бурбону.
Пойдемъ. Властитель твой еще тебя достоинъ.
Свершилось все; ты мнѣ всю твердость возвращаешь,
И добродѣтели я паки покоряюсь,
Которыя меня моя любовь лишила.
Отвергнусь я отъ нѣдръ порочнаго покоя.
Убѣгнемъ мы отсель, гдѣ духъ мой возмущенный,
Окованъ узами, еще тѣ узы любитъ.
Себя преодолѣть, что лучше сей побѣды?
За славой устремясь низвергнемъ мы любовь!
Въ округѣ Парижскихъ стѣнъ мы ужасъ разсѣвая,
Въ крови Испанской мы загладимъ мой проступокъ.
Въ тотъ часъ Морней узналъ владыку своего.
Я зрю тебя, онъ рекъ, Бурбона зрю, героя;
Я зрю защитника отечества смятенна,
Который надъ самимъ собою торжествуетъ.
Любовь въ сей часъ твою усугубляетъ славу.
Тотъ щастливъ, кто ея отравы не вкушалъ;
Но славенъ тотъ, ея кто узы разторгаетъ.
Ужъ Царь готовится къ отъѣзду своему.

Какїя

Какія горести онъ чувствуетъ тогда,
Когда разлуки часъ насталъ ему съ любезной.
Имѣя полный духъ дражайшею своею,
Порочa самъ себя слезъ токи проливаетъ.
Морнеемъ прочь влекомъ, любовью привлекаемъ,
Онъ удаляется, опять назадъ приходитъ.
Но наконецъ скрѣпясь онъ вовсе отъѣзжаетъ;
Онъ ѣдетъ; въ оный часъ д'Етре лишенна чувствъ,
Падетъ безъ памяти, безгласна, бездыханна.
Ея прекрасныя покрылись мракомъ очи.
Увидя то любовь пускаетъ страшный вопль:
Она страшится, чтобъ сію прекрасну Нимфу
Отъ области ея смерть люта не отъяла;
И чтобъ ея глаза на вѣкъ не помрачились,
Которыми бъ она всю Францію зажгла.
Любовь ее рукой нѣжнѣйшею объемлетъ.
Д'Етре услыша гласъ стенящія любви,
Свои померкшія зѣницы открываетъ
И о любовникѣ ужъ тщетно вопрошаетъ.
Не зря его опять она смыкаетъ очи;
Но токомъ слезъ своихъ кропя ее любовь,
Ослабшую въ ней жизнь опять возобновляетъ.
Надежды лестной ей она внушаетъ сладость,
И бѣдъ ея вина тѣ бѣдства утѣшаетъ.
Межъ тѣмъ Морней всегда неколебимо твердый,
Далеко отвлекалъ монарха своего.
Душевна твердость имъ дорогу показуетъ;
И слава ихъ ведетъ со лаврами въ рукахъ.
Разгнѣванна любовь, и должностью попранна,
Скрываетъ стыдъ и скорбь далеко отъ Анета.

Конецъ девятой пѣсни.

ПѢСНИ

ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Царь возвращается къ войску. Осада возобновляется. Поединокъ Виконта Тюренна съ д'Омаломъ. Ужасный гладъ опустошающій городъ. Царь питаетъ самъ осажденныхъ бунтовщиковъ. За добродѣтели на конецъ небо его награждаетъ. Истинна его просвѣщаетъ. Парижъ ему отверзаетъ врата и война окончазается.

Опасные часы потерянные въ нѣгѣ,
Изъ памяти враговъ ихъ слабость истребили;
На новы подвиги готовится Майеннъ;
Надежда тщетная ихъ паки обольщаетъ.
Бурбонъ, котораго ничто сдержать не можетъ,
Стремится, какъ стрѣла, побѣду довершить.
Парижъ со ужасомъ узрѣлъ его знамена.
Герой опять къ стѣнамъ приближился Парижа;
Къ стѣнамъ, гдѣ молнія его еще дымится,
И кои сокрушить препятствовалъ тогда
Хранитель Франціи, ему явяся Ангелъ,
Который укротя его отмщенья жаръ,
Его ужасные удары отвратилъ.
Уже весь Царскій станъ вопль радостный пускаетъ
И городъ алчными очами пожираетъ.
Межъ тѣмъ бунтующи, смятенны ужасомъ,

Окрестъ Майенна всѣ въ собраніи стояли.
д'Омалъ, сей сопостатъ совѣтовъ всякихъ робкихъ,
Съ неустрашимостью и съ гордостью вѣщаетъ:
До нынѣ никогда еще мы не скрывались.
Воззрите, вотъ враги; туда итти намъ должно!
Туда всей силою намъ должно устремиться!
Извѣстны мнѣ сердца безстрашныя Французовъ.
Въ оградахъ храбрость ихъ всегда ослабѣваетъ.
Скажи, почто въ стѣнахъ томиться? иногда
Одно отчаянье побѣду подаетъ.
Надѣясь на себя, на стѣны не надѣюсь!
Герои! полетимъ на Марсовы поля!
Народъ! начальники одни твои суть стѣны!

По семъ замолкъ д'Омалъ. Казалось, предстоящи
Своимъ молчаніемъ его винятъ за дерзость.
Сгарая отъ стыда, трепещучи онъ зритъ
Въ смущенныхъ ихъ очахъ ихъ ужасъ и отказъ.
Когда не смѣете вы слѣдовать за мною,
Вѣщаетъ онъ, я жить ужъ болѣ не желаю.
Враговъ страшитесь вы? Я имъ одинъ предстану!
Предстану побѣдить, иль славно умереть!

Тотъ часъ д'Омалъ велитъ отверсть врата Парижа;
Народа отдалить полпы повелѣваетъ.
Ему предшествуетъ предвозвѣщатель браней;
И даже до шатровъ приближася ужъ царскихъ,
Онъ громко вопіетъ: кто любитъ честь и славу,
Да ополчится тотъ сразитися съ д'Омаломъ.

Услыша то, вожди алкающіе славы,
Съ д'Омаломъ испытать свою желаютъ храбрость;
И чести оныя всѣ просятъ у Царя;
И безъ сомнѣнья всѣ они того достойны;
Но верхъ одинъ Тюреннь надъ всѣми одержалъ.
Честь Франціи всея ему Бурбонъ вручилъ.
Поди, онъ рекъ, сотри рогъ гордаго сего;

Сразися

Сразися за Царя и за гражданъ твоихъ;
Монарха твоего изъ рукъ прими оружье.
Въ той самый часъ, герой ему свой мечь вручаетъ.
Не обманулся ты, великій Государь!
Отвѣтствуетъ Тюреннь его обѣемля ноги;
Я симъ мечемъ клянусь, клянусь самимъ тобою.
Приявъ лобзаніе монарха своего
Съ нетерпѣливостью Тюреннь туда стремится,
Гдѣ яростный д'Омалъ сразитися алкаетъ.
На верхъ Парижскихъ стѣнъ стекается народъ;
Бурбона воинство въ порядокъ становится;
Единоборцы тѣ всѣхъ взоры привлекаютъ,
И всякой своего защитника въ нихъ зря,
Ихъ мановеніемъ и гласомъ ободряетъ.

Межъ тѣмъ надъ городомъ восходитъ страшна туча,
Въ которой кажется зла буря заключенна;
И нѣдра черныя ея открывшись съ трескомъ,
Въ Парижъ чудовищей изъ тартара извергли:
Раздоръ ужаснѣйшій, свирѣпо суевѣрье
И криводушная политика угрюма;
Беллона дышуща и кровью и огнемъ
Бичи Европы всей и заговора боги,
Парижа на стѣнахъ остановясь гремятъ
И ополчаются д'Омалу помогать.

Въ тотъ самый часъ, изъ вратъ отверста неба,
На тронѣ воздуха святый низходитъ Ангелъ;
Лучами окруженъ и плавая во свѣтѣ,
На крыльяхъ огненныхъ пространство пролетая,
Далеко за собой, на блещущемъ востокѣ,
Прелучезарную дорогу оставляетъ.
Въ рукѣ его блеститъ священная олива,
Желанной тишины залогъ неоцѣненный;
Въ другой сверкаетъ мечь, тотъ самый грозный мечь,
Которымъ вооруженъ былъ Ангелъ истребитель,

Когда предвѣчнаго гнѣвъ предалъ лютой смерти,
Погрязше во грѣхахъ перворожденно племя.
Узрѣвъ сей страшный мечь чудовища смутились
И тягостныхъ оковъ почувствовали силу.
Неодолимое могущество сїе
Ихъ гнусную толпу разитъ и низвергаетъ.
Подобно съ олтаря омыта кровью смертныхъ,
Низверженъ палъ Дагонъ сей идолъ Филистиновъ,
Когда во храмъ его, ковчегъ небесна Бога,
Ко ужасу его ему представленъ былъ.
Царь, городъ, воинство и адъ и небеса
Свой обратили взоръ на то единоборство.
Ужъ оба воины къ сраженью выступаютъ;
Самъ Генрихъ далъ имъ знакъ къ началïю сей брани.
Ихъ длани не были щитами отягченны,
И груди латами ихъ не были закрыты,
Симъ древнихъ рыцарей почтеннымъ украшеньемъ,
Сїяющимъ въ глаза, противъ ударовъ твердымъ.
Снаряды тѣ они съ презрѣньемъ оставляютъ,
Которые всегда опасность уменьшая,
Во брани время лишь напрасно продолжаютъ.
Ихъ все оружїе единый только мечь.
Другъ съ другомъ сходятся со всѣхъ сторонъ открыты.
Раздался трубный гласъ; бойцы стремятся къ бою,
И страшное свое сраженье начинаютъ.
Все то, что мужество, искуство, храбрость, сила,
Проворство, жаръ, въ себѣ пречуднаго имѣютъ,
То все являлося съ обѣихъ тамъ сторонъ.
На каждый мигъ они другъ друга поражаютъ,
И пораженїи мгновенно отвращаютъ.
Со удивленїемъ смотрители всѣ видятъ,
Всякъ часъ паденье ихъ и паки ихъ побѣду.
Д'Омалъ свирѣпѣе, сильнѣй и запалчивѣй;
Тюреннь искуснѣе не столь стремителенъ,

Владѣя

Владѣя самъ собой, сражаяся безъ гнѣва,
д'Омала страшнаго старается томить.
Безъ пользы силы всѣ д'Омалъ истощеваетъ,
И вскорѣ ужъ рука ослабшая его,
Не служитъ болѣе безплодной храбрости.
Тюреннь примѣтя то свои сугубитъ силы,
Стремяся и разя д'Омала притѣсняетъ,
И въ грудь соперника и мечь и смерть вонзаетъ.
Поверженъ плаваетъ д'Омалъ въ своей крови.
Онъ палъ и тартара чудовища трепещутъ.
Печальны въ воздухѣ сїи раздались звуки:
Разрушился престолъ на вѣки заговора!
Преходитъ наша власть и Генрихъ торжествуетъ!
Народъ отвѣтствуетъ прежалобнѣйшимъ воплемъ.
Д'Омалъ кончаяся на мѣстѣ протяженный,
Еще грозитъ врагу; но тщетно угрожаетъ.
Его ужасный мечь изъ рукъ его падетъ.
Онъ хощетъ говорить, но голосъ замираетъ.
Онъ побѣжденнымъ зрясь, отчаянье вкушаетъ
И тѣмъ лице его ужаснѣй становится.
Онъ возстаетъ, падетъ, онъ томный взоръ возводитъ,
Взираетъ на Парижъ, вздыхая умираетъ.
Ты видѣлъ смерть его, нещастливый Майеннъ,
И видя трепеталъ; конецъ твоей всей славы
Въ сей страшный часъ тебѣ въ умѣ вообразился.
Но ратники межъ тѣмъ унылыми стопами, 1.

 Парижа

1. *Но ратники межъ тѣмъ унылыми стопами.* Д'Омалъ въ сїе время убитъ въ с: Денисѣ, и смерть его ослабила сторону заговора. Поединокъ его съ Виконтомъ де Тюреннемъ есть только одинъ вымыселъ. Но таковыя битвы были тогда еще въ употребленїи. За Шатрезомъ произходилъ поединокъ между г. Мариво, который вступался за королевскую сторону и Г. Клавдїемъ де Маролемъ, который держалъ сторону заговора. Они дралися въ присудствїи народа и войска, въ самый день убїенїя Генриха третьяго. Но тогда Мароль остался побѣдителемъ.

Парижа ко стѣнамъ несутъ д'Омала мертва.
Сїе позорище кроваво и ужасно
Въ среду отчаянна народа притекаетъ.
Всѣ видятъ съ трепетомъ то тѣло безобразно,
Покрыто кровїю чело, уста отверсты,
Повисшую главу и прахомъ покровенну
И очи смертїю на вѣки помраченны.
Не слышно воплей тамъ и слезъ не видно тамо,
Отчаянїе, стыдъ, унылость, жалость, страхъ
Ихъ жалобамъ претятъ и вздохи препинаютъ.
Всѣ въ ужасѣ молчатъ. Незапно страшный шумъ
Сего молчанїя еще сугубитъ страхъ.
Отъ стана Генриха тѣ звуки раздаются.
Вожди и ратники собравшись предъ Царя
Желаютъ побѣдить и требуютъ приступа;
Но Царь въ тотъ часъ, свое умѣря мужество,
Ихъ запальчивое стремленье удержалъ.
Еще къ отечеству любовь онъ ощущалъ;
Хотѣлъ его спасти отъ тѣхъ ужасныхъ безднъ,
Которыя оно само себѣ изрыло;
И злобнѣйшихъ своихъ онъ подданныхъ щадя,
Хотѣлъ ихъ кротостью одною покорить.
Бывъ въ состоянїи градъ приступомъ низринуть,
Его осадою ко здачѣ понуждаетъ;
И время онъ даетъ къ раскаянью злодѣямъ.
Онъ воображаетъ, что безъ брани и безъ крови, 2.
Сильнѣе самаго оружья страшный голодъ,
Народъ ослабленный безтрудно покоритъ
Ко изобилїю и роскоши привыкшїй.
И что своими онъ бѣдами побѣжденъ,

Падетъ

---

2. *Онъ воображаетъ, что безъ брани и безъ крови.* Генрихъ четвертый въ 1593 году осаждалъ Парижъ имѣя войска менѣе двадцати тысячь человѣкъ.

Падетъ къ его ногамъ просить его щедроты.
Но ревность ложная, дерзающа на все,
Насъ учитъ все сносить терпѣньемъ ополчая.
Щедрота царская имъ слабостью казалась.
Бунтующи, его спасаемы рукою,
Еще оправиться отъ страха не успѣвъ,
Ужъ стали презирать его отмщенье праздно;
И стали трубое безчинiе являть.
Но какъ уже струи плененныя Секваны
Престали приносить въ пространный оный градъ
Обыкновенну дань съ полей въ округъ лежащихъ;
Когда въ Парижъ вступилъ гладъ блѣдный и свирѣпый
Показывая смерть грядущую за нимъ,
Тогда ужасный вопль по улицамъ раздался;
И пышный сей Парижъ нещастными сталъ полонъ,
Которы трепеща и ослабѣвшимъ гласомъ
О нужной помощи ужъ тщетно умоляли.
Богаты сами тамъ среди своихъ сокровищъ,
Безъ пищи голодомъ на златѣ умирали.
Пресѣклись тамъ пиры и тѣ забавы пышны,
Гдѣ розами они главы увѣнчавая,
Утѣхами тягчась, весельемъ задавленны,
Нѣжнѣйшей яствою и винами драгими
Испорченный свой вкусъ усердно изощряя,
Въ блестящихъ золотомъ чертогахъ ликовали:
Страшилищами всѣ тѣ стали сластолюбцы,
Со бледностiю смерть носящи на лицѣ;
И погибаючи среди сребра и злата
Они гнушалися своимъ богатствомъ тщетнымъ.
Голодной смертiю старикъ кончая дни,
Зритъ сына въ пеленахъ стенящаго безъ пищи.
Тамъ цѣлый домъ въ тоскѣ съ мученьемъ погибаетъ;
А тамъ нещастные лежащiе на прахѣ,
Уже послѣднiя вздыханiя пущая

Еще

Еще спираются за саму гнусну снѣдь.
Сіи голодные природу оскорбляя,
Въ гробницахъ для себя ужасной пищи ищутъ;
И кости мертвецовъ преобращенны въ прахъ
Какъ чистое пшено они уготовляютъ.
Чего не вымыслитъ необходимость люта!
Они родителей своихъ питались прахомъ;
Но она люта снѣдь лишь смерть ихъ ускоряла; 3.
И сей толь гнусный пиръ былъ пиръ для нихъ послѣдній.
Межъ тѣмъ духовные, наставники жестоки,
Которые бѣды не чувствуя народа,
О нуждахъ лишь своихъ имѣли попеченье,
Подъ сѣнью олтарей въ довольствѣ дни вели; 4.
И имя Господа лишь только оскорбляя,
Страданіемъ сего Спасителя вселенной,
Народъ слабѣющій къ терпѣнью побуждали.
Которымъ смерть глаза на вѣки закрывала,
Тѣмъ щедры руки ихъ дверь неба отверзали.
Инымъ пророческимъ они своимъ глаголомъ,
Уже казали громъ готовый поразить,
Царя противнаго закону правовѣрну;
Вѣщали, что въ Парижъ съ небесъ низъидетъ манна.
Такія тщетныя и лестны обѣщаньи

ВЪ

---

3. *Но она люта снѣдь лишь смерть ихъ ускоряла.* Посланникъ Испанской присланный къ заговору, далъ совѣтъ печь хлѣбы изъ костей. Совѣтъ сей произведенный въ дѣйство умершихъ послужилъ только ко ускоренію погибели нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Одинъ писатель замѣчаетъ при семъ случаѣ странную слабость человѣческаго воображенія. Сіи осажденные не смѣли питаться тѣлами своихъ умершихъ согражданъ, но съ охотою насыщалися ихъ костями.

4. *Подъ сѣнью олтарей въ довольствѣ дни вели.* Мезерей повѣствуетъ, что во время осмотровъ жилищъ духовныхъ и монастырей найдено, что во всѣхъ монастыряхъ, да и въ самомъ Капуцинскомъ болѣе нежели на цѣлой годъ запасено съѣстныхъ припасовъ.

Въ несносной горести нещастныхъ утѣшали;
Страшась начальниковъ, священствомъ обольщенны,
Упавши къ ихъ ногамъ спокойно умирали.

Иноплеменниковъ градъ сборищемъ былъ полонъ,
Которыхъ у себя питали наши предки;
Иноплеменники сіи ужасны тигры,
Страшнѣе голода, войны, страшнѣе смерти.
Иные изъ долинъ переселились Белгскихъ,
Другіе перешли съ кремнистыхъ горъ Гелветскихъ:
Они всѣ варвары; война ихъ ремесло. 5.
Всѣмъ кровь свою они за деньги продаютъ.
Мучители сіи на домы нападаютъ
И обитателей губятъ, терзаютъ, рѣжутъ,
Не для отъятія сокровищей у нихъ,
Не для того чтобъ мать лишити нѣжной дщери,
Но гладъ, терзая ихъ, къ безчинью понуждаютъ;
Сисканье пищи ихъ приводитъ къ грабежу.
Чтобы достигнути желанья своего,
Они ужаснѣйши мученья вымышляютъ.

Жена . . . Великій Богъ! увы! возможноль мнѣ 6.
Предати памяти сію ужасну повѣсть!
Одна нещастная руками тигровъ сихъ

---

5. *Они всѣ варвары, война ихъ ремесло.* Швейцары, которые въ Парижѣ были на жалованьѣ Герцога де Майенна, чинили тамъ ужасныя наглости, какъ то всѣ историки того времени повѣствуютъ. На нихъ единыхъ упадаетъ только сіе названіе варваровъ, а не на ихъ народъ, наполненный здравымъ разсудкомъ и правдолюбіемъ. Сей народъ есть единый изъ почтеннѣйшихъ народовъ всего свѣта, ибо онъ печется соблюдать свою вольность, никогда не помышляя притѣснять свободу другихъ.

6. *Жена . . . Великій Богъ! увы! возможноль мнѣ.* Сіе произшествіе описывается во всѣхъ запискахъ того времени. Такія ужасныя событіи произходили и во время осады города Санцерры.

Была послѣднія своей лишенна пищи.
Изъ всѣхъ сокровищей у ней отъятыхъ щастьемъ,
Остался только сынъ, который какъ и мать,
Снѣдаемъ голодомъ стоялъ въ предвери гроба.
Въ отчаяніи мать къ нему съ ножемъ подходитъ;
Младенца онаго, простершаго къ ней руки,
Страданіе и плачь ей сердце разрываютъ
И слезы изъ очей потоками влекутъ.
Возводитъ на него она со страхомъ взоръ;
Любовью, яростью и жалостію полный.
Три раза острый ножъ изъ рукъ ея падетъ;
Но ярость наконецъ одолѣваетъ ею.
Гнушаяся своимъ плачевнымъ плодородьемъ,
Она трепещущимъ сіе вѣщаетъ гласомъ:
О сынъ возлюбленный! нещастнѣйшее чадо
На толь тебѣ дала я жизнь сію плачевну,
Что бъ гладомъ ты погибъ или отъ рукъ убійцевъ?
Но если ты еще останешся и живъ,
Ты будешь жить, что бы скитаясь по Парижу
Оплакивать его погибель и рушенье.
Умри, доколь своихъ ты бѣдъ не ощущаешь;
И жизнь отдай, тебѣ котору я дала!
Да будутъ внутренни мои твоей гробницей!
Да узритъ весь Парижъ неслыханно злодѣйство.
Окончивъ рѣчь сію, съ отчаяньемъ она,
Младенца, трепеща, невиннаго пронзаетъ;
И тѣло мчитъ его къ пылающей пещи.
Томима голодомъ, изъ сына своего
Готовитъ для себя со алчностью обѣдъ.

Свирѣпыхъ воиновъ гладъ смертный привлекаетъ,
Въ сіи ужасныя кровавыя мѣста.
Той лютой радости восторгъ ихъ былъ подобенъ,
Котору тигры, зря добычу, ощущаютъ;

При-

Прибѣгши съ яростью двѣрь дома расторгаютъ;
О ужасъ, страхъ! они близъ мертва тѣла видятъ
Жену отчаянну и кровїю облиту.
То сынъ мой, варвары, я сына умертвила.
Не я, не я, но вы его причиной смерти.
Насытьтесь сыномъ вы и матерью насытьтесь.
Или страшитеся вы подражати мнѣ?
Какимъ вы ужасомъ быть кажетесь объяты?
Тиранны, вамъ пиры такїе суть пристойны.
По сихъ словахъ однимъ отчаяньемъ реченныхъ,
Кинжалъ кровавый свой въ свое вонзаетъ сердце.
Объяты ужасомъ при семъ видѣньи страшномъ,
Чудовища сїи разсѣялись смятенны;
На сей ужасный домъ не смѣютъ и воззрѣть;
И думаютъ, что огнь на нихъ падетъ небесный.
Народъ отчаянный, услыша вѣсть сїю,
И лютою судьбой жены сей устрашенный,
Подъемля къ небесамъ прежалостный свой стонъ,
Дни полны горестью, погибелью и страхомъ
Скоряе прекратить Создателя онъ молитъ.

До стана Царскаго сей страшный слухъ пронесся.
Тѣмъ духъ его скорбѣлъ и сердце содрагалось.
Онъ плакалъ о своемъ бунтующемъ народѣ.
О! Боже, онъ вѣщалъ, который все провидитъ,
Ты зришь, что я могу, и знаешь, что дерзаю;
Ты будь посредникомъ межъ мной и заговоромъ.
Къ Тебѣ могу подъять мои невинны руки.
Ты знаешь, я о сихъ преступникахъ жалѣя,
Щедроты полную къ нимъ руку простиралъ.
Не обвиняй меня бѣдой ихъ и злодѣйствомъ.
Да жертвуетъ себѣ Майеннъ народомъ буйнымъ:
Пускай, коль хочетъ онъ, сїе толь страшно бѣдство,
Необходимости единой приписуетъ,

 Сему

Сему свирѣпому тираннов извиненью;
Пускай сугубитъ онъ народныя напасти;
Онъ врагъ его, а я его отцемъ пребуду.
Я буду чадъ моихъ возлюбленныхъ питать,
И мой народъ спасать отъ хищныхъ сихъ волковъ.
Пускай и благости мои во вредъ мнѣ будутъ;
Пускай спасенны мной на мя вооружатся,
Пускай избавя ихъ лишуся я вѣнца.
Хотя погибну я, нѣтъ нужды мнѣ и въ томъ.
Чтобъ здравъ народъ мой былъ, того лишь я желаю.
Когдажъ отъ жалости и скипетра лишуся,
На гробѣ у меня тогда сіе напишутъ:
„Бурбонъ своихъ рабовъ великодушный врагъ,
„Для ихъ спасенія отрекся отъ престола.

По семъ онъ повелѣлъ, чтобъ воинство его 7.
Ко граду гладному приближилось безъ шума;
Чтобъ кроткими гражданъ словами утѣшая,
О благостяхъ его вѣщалобъ, не о мщеньи.
Всѣ повинуются божественной сей волѣ;
И стѣны всѣ тотъ часъ наполнились народомъ.
Тогда предстали тамъ живые мертвецы;
Едва влекущися трепещущи тѣла:
Подобны тѣнямъ симъ, которыхъ вызывали,
Властители духовъ, волхвы изъ царства мертвыхъ,
Когда ихъ гласъ, сдержавъ теченіе Кокита,
Изъ ада извлекалъ скитающщся души.

Сихъ

7. *По семъ онъ повелѣлъ, чтобъ воинство его.* Генрихъ четвертый былъ столько человѣколюбивъ, какъ то Мезерей повѣствуетъ, что онъ позволилъ своимъ офицерамъ посылать въ городъ съѣстные запасы къ знатнымъ женщинамъ и къ своимъ приятелямъ. По примѣру офицеровъ и простые солдаты тоже дѣлали. Сверьхъ сего еще сей великодушный король приказалъ всѣхъ изъ Парижа выпускать, которые выйти желали; такъ что осаждающіе питали осажденныхъ.

Сихъ умирающихъ какое удивленье!
Ихъ лютый сопостатъ пришелъ ихъ самъ питать:
Терзаемы своимъ защитникомъ прегордымъ,
Въ гонителѣ своемъ узрѣли милосердье.
Сіе казалося невѣроятно имъ.
Они увидѣли тѣ острыя копіи,
Свирѣпыя судьбы орудіи ужасны,
Которы на себѣ носили ихъ погибель,
Вспомоществующи Бурбоновымъ щедротамъ,
На остріяхъ своихъ несущи имъ животъ.
Вотъ тѣ чудовища, они въ себѣ вѣщаютъ,
Которыхъ прежде мы толь гнусными щитали.
Се тотъ тираннъ, кого мы столько ужасались;
Сей Бога врагъ, кого толь страшнымъ описуютъ;
Ахъ! нѣтъ, Создателя онъ образъ совершенный;
Благотворящій Царь властителямъ примѣръ.
Подъ властію его мы жити недостойны,
Сей побѣдитель насъ прощаетъ побѣжденныхъ,
И оскорбляющихъ его рабовъ щадитъ.
Ахъ, если бы могли мы всею нашей кровью
Возстановя его державу утвердить.
Достойны смерти бывъ, отъ коей онъ избавилъ,
Спасенную имъ жизнь ему мы посвятимъ.

Се былъ таковъ ихъ гласъ изъ сердца вопіющій.
На вѣтренный народъ, кто можетъ положиться,
Котораго весь жаръ съ словами вылетаетъ;
Который иногда опомниться и можетъ,
Однако онъ себя въ минуту забываетъ.
Сіи священники, которыхъ велерѣчье,
Всю Францію огнемъ свирѣпымъ воспаляло,
Гласятъ, представяся отчаянну народу:
О! вои робкіе, унылы Христіяне!
Какою тлѣнностью прельщаете себя!

Или забыли вы страдальчески вѣнцы?
Живаго Бога вы поборники ужасны,
На толь хотите жить, чтобъ оскорблять Творца,
Когда вы можете умрети за него?
Когда съ превыспреннихъ онъ вамъ вѣнцы сплетаетъ,
Хотите получить прощенье отъ тиранна,
Которой къ своему закону обращая,
Васъ тлѣнностью одной лишь только обольщаетъ.
Щедротою сего тиранна ободрясь,
И наказавъ врага за милости его,
Избавимъ отъ него мы храмы правовѣрны.
Вотъ что смутители сіи вѣщали черни.
Ихъ соблазнительный и беззаконный гласъ,
Ужасный для Царей, народомъ обладая,
Щедротъ Бурбоновыхъ весь голосъ заглушалъ;
И многіе уже ко злобѣ обращаясь,
Гнушаясь жизнію спасенною Царемъ,
Щитали свой животъ себѣ несноснымъ даромъ.

Сквозь сей прегнусный вопль и сквозь роптанье черни,
Проникла въ небеса царева добродѣтель;
И Лудвигъ съ высоты стрегущій надъ Бурбономъ,
Позналъ что время то блаженно наступило,
Въ которо Царь Царей его восприметъ сына.
Изъ сердца своего печаль онъ истребляетъ;
И вѣра отъ очей его отерла слезы.
Надежда сладостна и отческа любовь,
Къ стопамъ Предвѣчнаго его препровождаютъ.

Въ срединѣ пламени и свѣта безконечна,
Богъ прежде времени поставилъ свой престолъ;
Престола онаго подножіе есть небо.
Тьма звѣздъ безчисленныхъ въ своемъ теченьи стройномъ,
Его величіе вселенной возглашаютъ.
Могущество, любовь и разумъ совершенный

Соеди-

Соединенные и купно раздѣленны
Всесильно существо его составляютъ.
Угодники его покой вкушая вѣчный,
Струями радостей всечасно упиваясь,
Божественной его наполненные славой
Его величїе съ восторгомъ обожаютъ.
Предъ нимъ всегда стоятъ горящи Серафимы,
Которымъ онъ судьбу вселенной поручаетъ;
Речетъ, и въ мигъ они видъ свѣта премѣняютъ.
Могущихъ на земли они ссѣкаютъ племя.
Межъ тѣмъ какъ дерскїе и ослѣпленны смертны,
Совѣтъ предвѣчнаго безумно обвиняютъ.
Они своей рукой поработщая Римъ
Прегордымъ сѣвера его вручили чадамъ.
Они Испанїю предъ Маврами низвергли;
Ихъ силой предана Солима Оттоманамъ.
Народы каждые мучителей имѣли;
Но судъ Всевышняго, непостижимый намъ,
Тиранновъ не всегда во щастьѣ оставляетъ;
И благость иногда его неизреченна,
Для утѣшенїя стѣсненныхъ человѣковъ,
Въ десницу праведныхъ влагаетъ царскїй скипетръ.

Его очамъ отецъ Бурбоновъ предстаетъ,
И скорбнымъ голосомъ онъ такъ ему вѣщаетъ:
Отецъ вселенныя! коль Ты съ превыспреннихъ
Взираешь иногда на племя земнородныхъ,
Увидь бунтующи Францускїе народы,
Стремящися противъ монарха своего.
Коль Генрихъ отъ Твоихъ законовъ отдалился,
Въ незнаньи онъ своимъ усердьемъ погрѣшаетъ;
Чтобъ угодить Тебѣ, онъ зделался невѣренъ;
Усердьемъ ослѣпленъ, Тебя онъ отчудился;
Отмщая за Тебя, Тебѣ онъ измѣняетъ.

Увидь

Увидь сего Царя увѣнчанна побѣдой,
Примѣръ вселенныя ея любовь и ужасъ.
Ты добродѣтели на толь въ него посѣялъ,
Чтобъ заблужденія его во тьмѣ оставить,
И чтобъ свершеннѣйше твореніе Твое,
Къ Тебѣ моленіе порочно возносило?
Когда отъ истинна служенья отвращенъ,
Бурбонъ достойнѣйшій Тебя боготворити,
То кѣмъ же Царь Царей быть хочетъ обожаемъ?
Ты душу просвѣти самимъ тобой творенну.
Ты церкви возврати заблуждшагося сына.
И Франціи самой монарха возврати.
Гордыню низложи свирѣпа заговора.
Отдай рабовъ Царю и подданнымъ Царя;
И что бы всѣхъ сердца Тобой соединенны,
Твое святѣйшее признали правосудье
И поклонялися бъ Тебѣ однообразно.

Его моленію внимаетъ ветхій денми,
И словомъ устъ своихъ увѣрить удостоилъ.
Божественъ слыша гласъ всѣ звѣзды потряслися,
Смутился заговоръ, земля поколебалась.
Бурбонъ, надежду всю на Бога возлагая,
Почувствовалъ что онъ къ нему простеръ десницу.

Въ минуту истинна толь долго жданна имъ,
Отъ многихъ скрытая, но всѣмъ возлюбленна,
Во царскіе шатры съ превыспреннихъ низходитъ.
Съ начала маркъ густой отъ всѣхъ ее скрываетъ;
Но кроющая тьма по малу изчезая,
Объемлющу ее блистанью уступаетъ;
И вскорѣ кажется она его глазамъ
Съ лучами, коихъ блескъ очей не омрачаетъ.
Бурбонъ, имѣя духъ удобный для нее,
Прозрѣвъ, позналъ ея безсмертное сіянье.

Догматы

Догматы льстивы онъ усердно отвергаетъ,
Тѣ лживы вымыслы наставниковъ прегордыхъ.
Онъ церковь признаетъ, развратами смятенну,
Всегда единственну, вездѣ разпространенну,
Свободну, но главѣ единой лишь покорну,
И Бога чтущую его святыхъ въ блаженствѣ.
Іисусъ Христосъ, грѣховъ всегдашня жертва нашихъ
И всѣхъ избранниковъ своихъ живая пища,
Низходитъ на олтарь передъ его очами
И Бога передъ нимъ во хлѣбѣ отверзаетъ.
Его покорный духъ подвергся безъ труда,
Симъ таинствамъ святымъ, уму непостижимымъ.
Въ тотъ самый часъ свое свершивъ желанье Лудвигъ,
Оливы мирныя, приявъ дражайшу вѣтвь,
Къ любезному ему съ небесъ герою сходитъ.
Онъ самъ его къ стѣнамъ Парижа провождаетъ.
Содрогшися предъ нимъ отверзлися ограды.
Вступаетъ во врата онъ Бога призывая, [8]
Который на Царей короны возлагаетъ.
Бунтующи предъ нимъ оружье полагая,
Упавъ къ его ногамъ слезами орошаютъ;
И всѣ священники предъ нимъ безгласны стали.
Шестьнадесять мужей, начальныхъ заговора,
Вотще скрываются въ пещерахъ удаленныхъ.
Въ сей день спасительный, народъ перемѣняся,
Во побѣдителѣ Царя зритъ и отца.

Въ то время началось сіе блаженно царство,
Толь поздно начато и конченно толь скоро.

---

8. *Вступаеть во врата онъ Бога призывая.* Сія осада и голодъ были въ 1590 году; а Генрихъ вступилъ въ Парижъ въ Мартѣ Мѣсяцѣ 1594 года. Католицкой же законъ принялъ онъ въ Іюлѣ Мѣсяцѣ 1593 года, но надлежало сіи три великія произшествіи совокупить, для того что здѣсь поема, а не исторія писана.

Мадритъ вострепеталъ; Римъ злобу отложа
Бурбона восприялъ, и былъ любимъ Бурбономъ.
Раздоръ тотъ часъ упалъ въ тьму ночи безконечной.
Покорствовать Царю Майеннъ былъ принужденъ;
Подвергнувши ему и области и сердце,
Сталъ лутчїй подданный правдивѣйша монарха.

Конецъ.

